

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 8 (185). Ноябрь, 2019

Главный редактор

Е. С. Сенинская, доктор исторических наук, профессор

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор,
Президент международного общества Достоевского
(Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка, Университет Дзёти
(Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Карельский
научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор,
академик РАН, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики
(Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор,
Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

С. Г. КАЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, Карельский
научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, Карельский научный
центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

доктор исторических наук, профессор,
Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. А. РАЗУМОВА

доктор исторических наук, профессор,
Кольский научный центр РАН
(Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А. М. ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор, Петрозаводский
государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

доктор исторических наук, профессор,
Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

доктор философии,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

№ 8 (185). November, 2019

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of History, Professor

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Filology, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, PhD in Filology

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
All articles are peer-reviewed

Editorial office address

Petrozavodsk State University

33 Lenin Ave., Petrozavodsk,

185910, Russian Federation

+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrSU.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg Institute of History of RAS
(Saint Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki
(Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
President of the International Dostoevsky Society
(Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Yerevan, Armenia)

Y. INOUE

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy and Philology,
Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member,
Karelian Research Centre of RAS
(Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic
Studies of RAS (Saint Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
RAS Academician, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg
(Göteborg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute
of the Academy of Sciences of Czech Republic
(Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philological Sciences, Vinogradov Institute
of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

S. KASCHENKO

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University
(Saint Petersburg, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of Historical Sciences, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONozHENKO

Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg
University (Saint Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)

I. RAZUMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

Candidate of Historical Sciences, National
Research University "Higher School of Economics"
(Moscow, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Воронцова И. В.	
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		А. В. Карташев и «неохристианство»: интеллектуальная биография историка	65
Абидулин А. М., Мусеева Е. Н.		Кривоноженко А. Ф.	
«Aperire terram gentibus»: индустриализм и идея создания Суэцкого канала	8	Влияние спиртного на социально-экономическое положение карельских крестьян накануне Первой мировой войны.	72
Гулева М. А.		Репухова О. Ю.	
Китайская карикатура-маньхуа о Второй италио-эфиопской войне и гражданской войне в Испании . . .	16	Организация курсов подготовки мобилизационных работников гражданских наркоматов и учреждений Советского государства	80
Маяцкий Д. И.		Ружинская И. Н.	
Проблема идентификации государств «Да-сян-го» и «Сяо-сян-го» в «Изображениях данников правящей династии Цин».	23	Виктор Клишко как уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.	85
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Чебаковская А. В.	
Зинина О. А.		Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период.	93
Деревянные часовни Устьмошского прихода. Новые исторические исследования.	31	ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ	
Носкова А. Г.		Разумова И. А.	
История и архитектура храмового комплекса в Космозере: исследование по архивным материалам. .	38	Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев	102
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Майкова Н. В.	
Бочков Е. А.		К истории традиционного японского лубяного текстиля: технология создания нити.	111
Видлицко-Гулокская десантная операция и ее роль в разгроме белофинского вторжения в Южную Карелию.	47	Рецензии	
Васильев Ю. А., Чернобаев А. А.		Веригин С. Г.	
«Карельский вопрос»: история несостоявшейся депортации в 1944 году	56	Рец. на кн.: Куренков Г. А. Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны.	120
Киселева Е. С., Веригин С. Г.		Кочуркина С. И.	
Советские военнопленные в финских концлагерях Карелии: обзор литературы	60	Рец. на кн.: Сумманен И. М. Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.)	121
		Научная информация	123
		Contents	124

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS (EUROPEAN REFERENCE INDEX FOR THE HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES) (Берген, Норвегия) с 2019 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.11.2019. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 65 экз.). Изд. № 227

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ
ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор исторических наук
С. Г. Веригин

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В июне 2019 года в Карелии состоялись две большие международные конференции. В Петрозаводске была проведена конференция «Карелия – приграничный регион России в XX–XXI веках. Карелия в годы Второй мировой войны», посвященная 75-летию окончанию войны на Севере; а в Олонце – Видлице – «Военная история Олонецкого района: 1919–1944 гг.», посвященная 100-летию Видлицкого десанта 27 июня 1919 года, определившего победу Красной армии в Гражданской войне в Олонецкой Карелии. По итогам работы этих конференций будут опубликованы сборники статей. Но доклады, вызвавшие наибольший научный и общественный интерес, в виде статей представлены в данном номере журнала.

Из материалов Олонецкой конференции выбрана статья санкт-петербургского историка Е. А. Бочкова, посвященная вторжению финской Олонецкой добровольческой армии в Карелию в 1919 году. Автор обоснованно оценивает эту акцию финских властей как пример открытой военной интервенции против Советской России с целью отторгнуть Карелию и присоединить ее к Финляндии. Свои выводы он формулирует на основе тщательного анализа архивных документов из фондов Центрального государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург), многие из которых впервые вводит в научный оборот.

Петрозаводская конференция представлена несколькими статьями. Из них можно выделить статью известных московских историков Ю. А. Васильева и А. А. Чернобаева, которая затрагивает так называемый «карельский вопрос» и несостоявшуюся депортацию карел в 1944 году после освобождения Карелии от немецко-финской оккупации. Петрозаводские историки С. Г. Веригин и Е. С. Киселева дают обзор российской и финляндской литературы по слабо исследованному вопросу – положению советских военнопленных в финских концлагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах. О. Ю. Репухова посвятила свою статью исследованию одного из сложных вопросов мобилизационной подготовки в СССР в 1920–1930-е годы – проблеме подготовки кадров. Большой интерес вызовут и статьи, помещенные в традиционных рубриках журнала. Написанные на широкой документальной базе, они, несомненно, вносят определенный вклад в отечественную историографию.

Публикации данного номера журнала будут интересны не только профессиональным исследователям, но и всем тем, кто интересуется отечественной и всеобщей историей.

АЛИМ МАРАТОВИЧ АБИДУЛИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии
Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
научный сотрудник
Институт Востоковедения РАН (Нижний Новгород, Российская Федерация)
abidulinam@gmail.com

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА МОИСЕЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии, социологии и сервиса
Саратовская государственная юридическая академия (Саратов, Российская Федерация)
moiseevaen@rambler.ru

«APERIRE TERRAM GENTIBUS»:**ИНДУСТРИАЛИЗМ И ИДЕЯ СОЗДАНИЯ СУЭЦКОГО КАНАЛА**

Анализируется подготовка к строительству Суэцкого канала. Целью исследования является изучение этой идеи как первого в истории предприятия, планировавшегося изначально при участии иностранного капитала. Главной фигурой в нем стал Фердинанд де Лессепс. Изучение данной проблематики позволит значительно расширить представление о формировании мировой экономической системы в XIX веке и включении в нее османского Востока. Исторический фон, описанный в мемуарной литературе, и прежде всего в письмах Лессепса, дает возможность понять отношение к Суэцкому каналу в высших политических кругах Франции, Великобритании и Османской империи. В ходе исследования установлено, что Суэцкий канал полностью менял баланс сил в регионе и геополитическую структуру Египта и всего Ближнего Востока. Благодаря анализу источников выявлено, что идея строительства канала была реализована в рамках философской концепции «индустриализма», выделившейся из «сенсимонизма» в 1830-х годах. Сенсимонистские идеи в экономике, в их либеральной версии, были приняты Наполеоном III через его близкого советника Мишеля Шевалье, а Лессепс как один из представителей «индустриализма» первым реализовал эти идеи на практике в столь масштабном формате.

Ключевые слова: Османская империя, Фердинанд де Лессепс, Франция, Великобритания, Египет, Суэцкий канал

Для цитирования: Абидулин А. М., Моисеева Е. Н. «Aperire terram gentibus»: индустриализм и идея создания Суэцкого канала // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.406

ВВЕДЕНИЕ

Османская империя начиная с похода Наполеона на Египет и восстания паши Египта Мухаммеда Али-пашы в 1831 году оказалась в достаточно сложном политическом положении, постепенно теряя рычаги управления крупной провинцией. Сохранение суверенитета Османской империи, пусть и формальное, фактически зависело от английского флота. Эта формальная власть над Египтом во многом благодаря поддержке англичан сохранялась вплоть до 1882 года. В 1882 году Великобритания, оккупировав Египет, положила конец османскому владычеству, длившемуся еще с 1517 года. Об опасности потери Египта еще в 1858 году предупреждал великого визиря Мехмеда Эмина Аали-пашу французский дипломат и предприниматель Фердинанд де Лессепс¹. В своем письме, адресованном Высокой Порте, он говорил о необходимости постройки судоходного канала в течение ближайших 10 лет, в противном случае, он отмечал, потеря османами власти над Египтом будет

неизбежной². Но, как мы знаем, торжественное открытие судоходного канала в 1869 году, представленное как начало экономического развития этого османского региона и как одновременное продвижение европейских ценностей на Восток, вклад в мировое благополучие, стало в дальнейшем главной причиной потери Египта османами. В результате в советской историографии закрепилось представление о Фердинанде Лессепсе как о хитром дельце, не считавшемся ни с суверенитетом Египта, ни с престижем паши Египта [2: 144]. Да и в некоторых работах современных авторов Лессепс предстает беспринципным деятелем [4], словно он с самого начала планировал поставить Египет в зависимость от Европы путем строительства Суэцкого канала. Источники же говорят обратное. Так, в докладе паши Египта в 1854 году Лессепс писал:

«Прокладка Суэцкого канала будет способствовать больше, чем все прочие меры, сохранению Оттоманской империи и докажет всем, кто предсказывает ее крах, что она может плодотворно существовать и способна

добавить блестящую страницу в историю мировой цивилизации» (Origines: 42)³.

У нас нет основания сомневаться в искренности Ф. Лессепа. Первый биограф Лессепа в России Михаил Барро высоко оценивал его деятельность по строительству канала и не видел в его действиях желания обмануть пашу Египта [1]. Для французов Лессепс является национальным героем [5], [8], [9], [10]. Джилиан де Дизбах считает Лессепа и Виктора Гюго самыми знаменитыми французами последней трети XIX века [6]. Анализируя вклад Ф. Лессепа в изменение геополитической структуры Ближнего Востока, отметим слова члена Французской академии и администратора Коллеж де Франс Жозефа Эрнеста Ренана, сказанные им после избрания Лессепа во Французскую академию, 23 апреля 1885 года. Знаменитому ученому Жозефу Эрнесту Ренану выпала честь приветствовать выступление нового члена академии. Приветствуя покорителя Суэца, Ренан сделал памятное заявление, посвященное вере в идею прогресса, обозначив сенсимонистские идеи проекта Суэцкого канала. Но к своей речи Ренан добавил мрачное предсказание, что Суэцкий канал, столь важный и стратегически расположенный, несомненно, станет местом великих сражений будущих войн⁴.

Еще во 2 тысячелетии до н. э. был построен «Канал фараонов», соединявший Нил с Красным морем, участие в его реконструкции в разные времена принимали фараоны Рамзес II и Нехо II, покоритель Египта Дарий I, эллинистический правитель Птолемей II Филадельф, римский император Траян. Последняя реконструкция канала произошла в 642 году после арабского завоевания Египта, но по приказу халифа Абу Джафара аль-Мансура в 776 году канал был засыпан⁵. Интерес к древнему каналу и его возрождению появился в 1569 году, когда по приказу османского визиря Соколлу Дамат Мехмеда-паши были разработаны планы по его воссозданию. Но Османская империя не смогла построить канал. В 1798 году, когда Наполеон находился в Египте, он всерьез задумался о восстановлении канала. По его приказу инженер Жак-Мари Лепер занялся изучением вопроса создания канала. Но, по мнению Лепера, для создания канала требовалась система шлюзов, поскольку он считал, что без шлюзов канал затопит огромные территории. На тот момент строительство шлюзов требовало огромных финансовых затрат, и от канала было решено отказаться. В XIX веке философ-утопист Бартеlemi Проспер Анфантен одним из первых предложил идею Суэцкого канала. Находясь в Египте, Анфантен и несколько его единомышленников основали сенсимонистскую общину, которая просуществовала два года. В 1833 году Фердинанд Лессепс, в то время французский консул

в Египте, познакомился с Бартолеми Анфанте-ном, который и заинтересовал его идеей создания Суэцкого канала. Также в строительстве канала был заинтересован французский инженер-гидролог Луис Морис Адольф Линант де Беллефонде, более известный как Линант-паша, который еще в 1831 году был назначен главным инженером общественных работ Верхнего Египта. Линант-паша, будучи в Синае в 1822 году, нашел следы канала Траяна (Memoires: 89)⁶. В 1841 году он представил предварительный план канала Лессепсу. В 1847 году при помощи теодолита удалось провести комплексные геодезические исследования на территории будущего канала, эти работы были выполнены французским инженером Полем Адриеном Бордалу (Memoires: 134, 221). Исследования опровергли гипотезу Жак-Мари Лепера о необходимости строительства шлюзов, что существенно облегчало создание канала. Но на тот момент правитель Египта Мухаммед Али был занят реформами и безразлично отнесся к такому затратному предприятию. Лессепс был вынужден отложить строительство канала, отложить, но не забыть. Вернулся к этой идее он немного позже, в 1854 году, а Линант-паша стал главным инженером строительства Суэцкого канала.

Для формирования наиболее четкой картины событий, связанных с таким крупным строительством, мы постараемся изучить содержание писем Фердинанда де Лессепа, которые отражают его размышления об идее строительства Суэцкого канала, международной торговле, переговорах с политиками европейских государств и Османской империи. Анализ переписки Лессепа позволит по-новому взглянуть на подготовку к реализации одного из крупнейших проектов XIX века.

Следует отметить, что процветание Египта Лессепс связывал с деятельностью Франции. «С экспедиции Бонапарта и прихода в Египет французов начинается его процветание, и в настоящий момент оно может закончиться» (Origines: 22), – писал он в предисловии к изданию «Истоки Суэцкого канала» в 1890 году. Угрозу процветанию Египта Лессепс связывал с англичанами. Его размышления тех лет содержат явную антианглийскую риторику. Лессепс писал:

«Я не скрываю, когда приезжаю в Англию, что говорю англичанам, что им нечего там делать». «Я надеюсь, что время придет, и англичане это поймут» (Origines: 22, 23).

Влияние Франции в Египте он считал исторически обусловленным, тогда как действия англичан были им оценены негативно. Таким образом, у Лессепа было много претензий к англичанам.

«Почему они использовали все свое могущество, чтобы экспедиция Бонапарта провалилась? Почему позднее они поддерживали мамлюков, которые разделяли страну...? Почему они в 1840 году, настроив всю Европу против Франции и против Мехмеда-Али, остановили

прогресс? Почему своими советами они поддерживали Аббас-пашу, фанатичного правителя и врага прогресса...?» (Origines: 89).

Обращения Лессепса к османским властям по поводу строительства канала подкреплялись и его личными связями. Известие о смерти Аббас-паши в 1854 году вселяло в Лессепса надежду. Его приемника Саид-пашу он называл своим «учеником» (Origines: 14). В письме генеральному консулу Нидерландов в Александрии господину Руиссенару он называл Саид-пашу «умным и симпатичным» (Origines: 28).

«Как только я узнал о приходе к власти моего ученика, я написал ему, чтобы его поздравить. В ответе он попросил, чтобы я немедленно приехал повидаться с ним» (Origines: 28).

В письмах к своей теще мадам Деламаля Лессепс также тепло отзывался о Саиде-паше – новом паше Египта (Origines: 31). На наш взгляд, ошибочно было бы утверждать, что Лессепс с самого начала преследовал цель поставить Египет в зависимость путем навязывания ему Суэцкого канала.

9 ноября 1854 года в письме к своей теще Лессепс писал, что хотел бы таким образом донести паше Египта идею о необходимости строительства канала, «чтобы он принял эту идею так, как будто эта идея была в большей степени его, чем моя» (Origines: 31). «Я должен действовать осторожно» (Origines: 31), — замечал Лессепс. Разумеется, ведь до этого идею строительства канала отверг Аббас-паша, поэтому Лессепс вел с Саидом-пашой первоначально общие разговоры на тему необходимости ведения крупных общественных работ (Origines: 39).

В ноябре 1854 года Лессепс сопровождал Саид-пашу в поездке по Египту. Он ожидал удобного момента для разговора о строительстве Суэцкого канала. Лессепс словно уговаривал сам себя начать разговор и ждал доброго знака. 15 ноября добрый знак в виде многоцветной радуги вдохновил Лессепса на важный разговор с пашой Египта.

«Под воздействием предчувствия от увиденной радуги, я надеялся, что сегодняшний день закончится успешным принятием решения о строительстве канала через Суэцкий перешеек» (Origines: 39).

Разговор состоялся в палатке паши Египта, Лессепс высказал свои аргументы, на что паша ответил:

«Вы меня убедили. Я принимаю ваш план. Мы этим займемся... дело решенное, Вы можете рассчитывать на меня» (Origines: 39).

После этого разговора Лессепс составил доклад паше Египта, в котором детально обосновал идею строительства канала и связи двух морей в единое пространство. В этом докладе от 15 ноября 1854 года Мухаммеду-Саиду, паше Египта, Лессепс отмечал:

«Связать Средиземное море и Красное море в судосходный канал, это предприятие, о пользе которого говорили все великие люди, правившие в Египте: Сенусерт, Александр, Цезарь, арабский завоеватель Амр, Наполеон I и Мухаммед-Али» (Origines: 41).

Как отмечал Лессепс, пришло время воплотить в жизнь идею, возникшую еще в античности. Следует подчеркнуть, что для французских колонизаторов XIX века самым ранним примером для подражания была римская колонизация. Римское прошлое в Африке должно было стать частью французского настоящего, вплестись в него. Деятельность Франции в Северной Африке представлялась как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами [3: 87–93]. Лессепс в своем докладе не писал о строительстве канала как о чем-то новом и неизвестном, он, напротив, понимая традиционализм восточного общества и паши Египта в качестве представителя, представил проект как возрождение существовавшего еще в древности канала, соединявшего Нил с Красным морем (Origines: 41).

Далее в своем докладе Лессепс писал о времени Наполеона I и вышеупомянутом проекте ученого Лепера. Он привел слова Наполеона I о том, что «турецкое правительство найдет одобрения славу, построив этот канал» (Origines: 41–42). Именно в этом докладе Лессепс подчеркнул идею, о которой уже было написано в начале статьи, что строительство канала «будет способствовать сохранению Османской империи» (Origines: 42). Он объяснил, почему привел в пример недавнюю войну с Россией и поддержку европейских держав правительства Константинополя, так как в случае, если бы только одна держава добилась контроля над путем из Черного моря в Средиземное, это нарушило бы международное равновесие. По мнению Лессепса, аналогичную ситуацию необходимо создать в другом конце Османской империи. Новый торговый путь, по его словам, заставит европейские державы, из страха не допустить преобладания одной из них, гарантировать свой нейтралитет. «...Сделав Египет центром мировой торговли через Суэцкий перешеек, мы сделаем ситуацию на Востоке непоколебимой» (Origines: 42). Лессепс уверял, что канал принесет славу и богатство Египту, а имя правителя, открывшего канал, останется в веках (Origines: 44).

Хотелось бы подчеркнуть, какое важное значение придавал Лессепс будущему каналу как центру мировой торговли. Он не всегда говорил об этом прямо. Описывая обед у английского консула, Лессепс перечисляет блюда, которые он отведает: это баранина из Калькутты, картофель из Бомбея, вино из Франции, чай из Китая и т. п. (Origines: 70). Очевидно, что его цель не похвалиться тем, как вкусно ему удалось пообедать, а показать, что Египет может стать тем местом, куда будут стекаться товары со всего мира.

В своем докладе паше Египта Лессепс написал о технической подготовке к строительству,

о том, что им занимались лучшие инженеры. Это должно было убедить пашу в серьезности и обоснованности создания канала. Следующий аргумент в пользу строительства можно назвать религиозным. Речь шла о паломничестве в Мекку, которое, по словам Лессепса, благодаря каналу будет легче осуществить (Origines: 70). Он рисовал перед пашой картину будущего величия Египта, который станет практически центром мира. В конце доклада Лессепс привел цифры, которые должны были поразить пашу: тоннаж европейской торговли через Мыс Доброй Надежды составляет 6 миллионов тонн в год. Можно не сомневаться, писал он, что минимум 3 миллиона тонн будет тоннаж грузов, проходящих через Суэцкий канал. Если собирать по 10 франков с тонны, то ежегодный доход составит 30 миллионов франков (Origines: 70). В конце доклада обращалось внимание паши на подготовку в Америке проекта канала, который должен будет соединить Атлантику и Тихий океан. Лессепс торопил пашу, подчеркивая, что весь мир поддержит его.

Таким образом, Фердинанд де Лессепс в своем докладе связал воедино аргументы экономического, политического, религиозного характера, показал преемственность нового канала с каналами античности и обозначил всемирное значение канала через Суэц. Лессепс говорил не только с пашой, он также имел честь рассказать о проекте племяннику паши – Мустафе-паше, о котором он отзывался как об очень образованном человеке и горячем стороннике строительства (Origines: 51–52).

В результате всех усилий Лессепса 30 ноября 1854 года новый паша Египта Саид-паша дал высочайшее разрешение на организацию акционерного общества. После чего Лессепс сказал ему: «Я не финансист, не деловой человек, что Вы хотите, чтобы я сделал?» (Origines: 15). Далее он писал, что у него были коллеги, друзья, у которых имелись средства, их набралась сотня, он предложил им поучаствовать. «Каждый из нас дал по 5 000 франков» (Origines: 15). Эти средства были потрачены на приглашение инженеров из Европы в Египет. После чего Лессепс спросил у паши Египта:

«Вопрос возможности строительства решен. Хотите ли Вы, чтобы я собрал в Париже финансистов, которые, возможно, поддержали бы меня?» (Origines: 16).

Ответ последовал:

«Честное слово, я пришел к власти, и у меня есть средства (Египет не был еще в ужасном состоянии, в каком он находится сейчас. – *Примеч. Лессепса*). Я готов сделать необходимые траты» (Origines: 16).

Новым исследованием местности, где должен быть построен канал, Лессепс занимался в составе экспедиции в декабре 1854 – январе 1855 года. Для снятия всех вопросов, связанных с экономической целесообразностью Суэцкого канала, Лессепс подготовил рапорт для научной комиссии. Но все эти подготовительные работы

ничего не значили без официального высочайшего разрешения султана. Именно это заставляло Лессепса очень спешить, чтобы получить разрешение султана на строительство. Похоже, он желал держать в своих руках все нити этого грандиозного проекта до момента его окончания:

«Я хочу сделать большое дело, без задней мысли, без личного денежного интереса... я буду непоколебимым на этом пути, никто не заставит меня отступить...» (Origines: 94).

Порту волновало следующее: вопрос о проходе через канал военных судов; вопрос о европейских концессиях в Египте; вопрос о возможной враждебности Англии к строительству канала. Эти вопросы были заданы паше Египта посланником великого визиря Камилем-пашой (Origines: 96–97). По словам Лессепса, ответ паши Египта содержал в себе следующие утверждения: суверенитет Османской империи останется непоколебим; земли, которые благодаря каналу станут культивируемыми, останутся за Египтом, что будет способствовать общему процветанию империи; враждебности Англии бояться не следует, так как она почувствует выгоду от торговли через канал (Origines: 98). Эта аргументация устраивала Лессепса. Но Камиль-паша, по словам Лессепса, старался отговорить пашу Египта от строительства Суэцкого канала. Он припомнил Мухаммеда Али-пашу, который никогда не позволял европейцам владеть значительными участками земли в Египте (Origines: 99). Но паша Египта проявил настойчивость и продлил разрешение на деятельность акционерного общества. Это было сделано 5 января 1856 года. Чуть ранее, в декабре 1855 года, паша представил членам Международной комиссии, собравшейся в Суэце, свое видение ситуации. Он подчеркнул свою поддержку строительства канала в частности и науки в целом (Origines: 105). Удостоверившись в поддержке паши и на этом уровне, Лессепс начал дипломатическую подготовку, необходимую для реализации проекта. В письме к императору Франции Наполеону III от 13 марта 1856 года Лессепс в первую очередь подчеркнул, что лучшие инженеры подтвердили техническую возможность создания канала, и это строительство будет стоить не дороже 200 миллионов. Далее в письме шло указание на факт согласия паши на строительство канала и благоприятное общественное мнение, сложившееся в Англии по поводу строительства. По словам Лессепса, Порты была согласна и готова подписать фирман паши, как только правительство Франции официально даст свое одобрение и гарантии против возможного протеста посольства Англии (Origines: 113). В прикрепленной копии к письму Лессепс отметил согласие самого великого визиря на строительство, единственное, что его волнует, – это согласие европейских держав на будущий нейтралитет канала (Origines: 114).

В письме французскому посланнику в Константинополе господину Тувнелю 4 апреля 1856 года Лессепс писал, что решение теперь за Императором, который выждет удобный момент; он также выразил надежду на то, что Лондон поддержит проект (Origines: 145). Пока этого не произошло, Лессепс стремился заверить пашу в благоприятном исходе. Обращаясь в письме в апреле 1856 года к паше, он пишет:

«Я не должен скрывать от Вас, Ваше высочество, что лорд Пальмерстон и его агенты распространяют мнение, что Суэцкий канал будет причиной больших затруднений для Египта...» (Origines: 116).

Но далее заверяет пашу Египта, что тот только выиграет, если будет упорствовать в своей поддержке строительства (Origines: 117). Ведь без Суэцкого канала паша Египта утратит поддержку и симпатии, которые он уже приобрел в Европе, и тогда его враги и интриганы сделают все, чтобы ослабить Египет. У его соперников будет аргумент, что он не смог последовательно отстаивать идеи цивилизации и прогресса и что он еще больший противник Европы, чем Аббас-паша (Origines: 117). Таким образом, Лессепс пытался поддержать пашу Египта, внушить ему необходимость быть настойчивым в осуществлении намеченных планов, не упускать инициативу (Origines: 118). Он также уверял пашу Египта в том, что общественное мнение Англии склоняется в сторону строительства канала, а значит, необходимо выждать удобного момента для его начала. «Политика выбирает подходящий момент» (Origines: 119). С началом подготовительных работ англичане обратят внимание на Египет, политические трудности будут разрешены постепенно естественным образом. Лессепс сообщил также паше Египта о своем намерении отправиться в Англию, готовить общественное мнение, пообещав, что международная комиссия продолжит работу по технической подготовке, в это время определяться и финансовые интересы заинтересованных сторон (Origines: 120).

В Англии произошла встреча Лессепса с лордом Кларендоном, министром иностранных дел Великобритании, которому Лессепс представил свое видение Суэцкого канала, рассказал о поддержке Франции и, в частности, сказал, что султан в принципе одобряет эту деятельность (Origines: 122). «Теперь паша Египта терпеливо ждет решения Англии» (Origines: 123). Отметим, что Лессепс умело вел переговоры. Паше Египта он говорил, что все зависит от него, в его руках должна быть инициатива; Наполеона III он заверил, что последнее слово за ним; перед английским министром представил все таким образом, что окончательное решение за Лондоном. Теперь главный вопрос, который Лессепс задал лорду Кларендону, звучал так:

«Могу ли я надеяться на то, что просьба паша Египта к султану не вызовет недовольство Британии?» (Origines: 125).

В ответ лорд заверил Лессепса, что возможности для того, чтобы договориться, существуют. При этом удобной площадкой для обсуждения строительства Суэцкого канала стал Парижский конгресс 1856 года.

На банкете в честь подписания Парижского мирного договора в марте 1856 года к императору Франции подошел посланник Османской империи Мехмед Эмин Аали-паша и поинтересовался у него, как он относится к идее строительства Суэцкого канала, подчеркнув, что султану особенно важно мнение императора Франции (Origines: 126). Эти сведения Лессепс передал господину Тувнелю – французскому послу в Константинополе. Далее в письме Лессепс пишет, что император ответил, что имеет большой интерес к этому делу, что это дело выгодно всему миру. Он также заверил посланника, что тщательно изучил проектную документацию, и те препятствия со стороны англичан, которые существуют, будут улажены, но не стоит торопить события. В свою очередь Аали-паша пообещал передать своему господину позицию императора, сказать, что он благоволит этому делу, несмотря на некоторые препятствия вторичного характера (Origines: 126). Затем, судя по письму Лессепса, император пригласил министра иностранных дел Великобритании лорда Кларендона и спросил его, что он думает про Суэцкий канал, пересказав ему свой разговор с Аали-пашой.

«Лорд был несколько удивлен и уклонился от прямого ответа, сказав, что дело это очень серьезное, и он над ним еще не размышлял, однако он уточнил, что паша Египта не сможет осуществить это дело без согласия Порты» (Origines: 127–128).

Для Лессепса этот разговор был очень важен. Он разбил по пунктам выводы, которые вытекали, по его мнению, из этого разговора. Приведем их.

1. Очень тщательно отслеживать настроение (восприимчивость) Порты.
2. Не менее тщательно отслеживать настроение паша Египта, чтобы противники проекта не спровоцировали конфликт между ним и его сюзереном.
3. Мнение, выраженное императором Франции, будет иметь большое значение для Порты и для Англии.
4. После заявления лорда Кларендона необходимо обратиться к общественному мнению Англии и показать интерес к этому предприятию (Origines: 128).

Таковы рекомендации, которые Лессепс давал французскому послу в Константинополе. Мы можем, таким образом, отметить, что Лессепс активно участвует в переговорах сторон, при этом делает участникам переговоров определенные наставления.

К этому времени было подготовлено европейское общественное мнение, для этого в прессе появился ряд публикаций Лессепса. По его

инициативе с 1856 года начал выходить специализированный журнал «Суэцкий перешеек». Известно, что в 1856 году Лессепс провел немало переговоров в Англии. Он встречался с принцем Альбертом, герцогом Кембриджским, присутствовал на заседании Лондонского географического общества, господин Гладстон, кузен министра, выразил поддержку создания канала (Origines: 129). Об этом в письме к генеральному консулу Нидерландов в Александрии господину Руиссенару писал Лессепс. В 1857 году Лессепс издал труд под названием «Прорытие Суэцкого перешейка. Английские встречи по поводу Суэцкого канала»⁷. В этой работе были собраны речи, письма Лессепса, отчеты о встречах в разных городах и отклики на них английских общественно-политических деятелей. Лессепс все более убеждается в поддержке своих идей:

«Сардиния, Австрия, Голландия, Венеция, Папа Римский смотрят на проект как на свершенное дело и готовятся с похвальной предусмотрительностью к последствиям того, что должно случиться» (Origines: 136).

В письме к Наполеону III от 20 октября 1857 года Лессепс пишет о том, что время пришло напрямую обращаться к султану (Origines: 149).

24 декабря 1857 года Лессепс встретился с Мустафой Решид-пашой в его резиденции на Босфоре, визирь на словах выразил поддержку Лессепсу. 29 декабря 1857 года Лессепс обратился с меморандумом к великому визирю Мустафе Решид-паше⁸:

«Я прошу Ваше Высочество просить его Величество Султана подписать указ, разрешающей коммерческой компании, находящейся в Александрии, интересы которой я представляю, начать работы по соединению Средиземного моря с Красным морем с помощью канала, призванного дополнить морской путь и сократить коммуникации между различными частями мира...» (Origines: 156).

Лессепс пишет, что все подготовительные работы сделаны, проведены исследования ведущими учеными, подготовлено общественное мнение в европейских странах, многочисленные встречи в Англии не прошли даром. Он приводит в меморандуме выдержки из речи господина Гладстона и лорда Пальмерстона, чтобы заверить визиря в предварительном согласии Англии на строительство канала. Теперь решение должен принять султан. Как и прежде, Лессепс акцентирует внимание османских властей на стратегической важности строительства, а также обращает внимание на такой важный аспект религиозной жизни мусульман, как посещение святых мест:

«Чтобы говорить о преимуществах, стоит напомнить, что дорога из Константинополя в Индийский океан станет короче на 4 800 лье, что османские владения на Аравийском полуострове и Восточной Африке смогут по морю получать вооружение из метрополии, к тому же легкий доступ к Красному морю внесет неоценимый вклад в организацию паломничества к святым местам мусульман» (Origines: 158).

В письме великому визирю Лессепс приводит мнение влиятельного политического деятеля Европы, австрийского дипломата князя Меттерниха, который считал, что в вопросе организации торговли через канал первенство должно принадлежать Османской империи (Origines: 159). Лессепс отмечает, что строительство может привлечь выгодные инвестиции. Внезапная смерть Мустафы Решид-паши в начале 1858 года спутала карты Лессепсу. Его приемник Мехмед Эмин Аали-паша, по словам Лессепса, был человеком честным, но безынициативным (Origines: 159–160). «Угрозы лорда Пальмерстона на Парижском конгрессе до сих пор звенят у него в ушах» (Origines: 161). Далее переговоры были продолжены уже с Аали-пашой. Обращаясь к Аали-паше, Лессепс писал 15 января 1858 года, что Решид-паша накануне уверил его в своей личной симпатии к созданию канала (Origines: 162).

Лессепс предоставил Аали-паше подготовленный им самим проект султанского указа, в котором были определены основные принципы функционирования канала, его нейтралитет. В письме к брату Теодору Фердинанд де Лессепс 27 января 1858 года выразил опасение, что Мехмед Эмин Аали-паша, несмотря на свою добрую волю, все еще боится вызвать недовольство Англии (Origines: 164). Он понимал, что новый визирь колеблется, но считал, что противники строительства канала уже близки к поражению, «их аргументы исчерпаны» (Origines: 165). На пути тем не менее было еще немало трудностей.

В апреле 1858 года в очередном письме из Константинополя в Париж к брату Лессепс первым делом пишет о противодействии англичан, это заботит его больше всего (Origines: 165). На тот момент он считал свое присутствие в Константинополе обязательным, так как французская дипломатия проявляла себя сдержанно, в отличие от английских агентов, которые, по мнению Лессепса, угрожали сорвать предприятие.

«...в настоящий момент я, более чем когда-либо, убежден, что без моего присутствия здесь лорд Пальмерстон или его последователи втянут Порту в какую-нибудь декларацию, гибельную для канала» (Origines: 166).

28 апреля 1858 года Лессепс переслал французскому послу в Константинополе господину Тувнелю телеграмму, которую накануне получил от своих сторонников в английском парламенте. В ней было написано, что «Англия желает канал» (Origines: 167). Одновременно Лессепс переправил телеграмму из Лондона великому визирю. В письме члену международной комиссии по изучению проекта строительства канала, философу, журналисту Жюлю Бартелеми Сент-Илеру он пишет:

«Вместо того, чтобы оставаться в Константинополе, дожидаясь окончания парламентской дискуссии, я решил сам отправиться в Англию, проездом через Париж, а затем вернуться до того, как создать Компанию с одобрения султана или без него» (Origines: 168).

19 мая 1858 года Лессепс выехал из Константинополя, но в пути из-за непогоды пришлось сделать остановку, и он не попал на сессию парламента 1 июня, где обсуждался вопрос строительства канала (Origines: 169). В Лондоне он узнает о том, что «сторонники канала одержали моральный успех» на слушаниях (Origines: 170). По возвращении в Александрию Лессепс был сражен новостью о массовом убийстве в Джидде на побережье Красного моря. 5 тысяч бунтарей пришли к английскому и французскому консульствам. Был убит консул Франции, «на куски разрезан консул Англии» (Origines: 174). Были и другие жертвы. Подробности он описывает в письме к Жюлю Бартелеми Сент-Илеру. Лессепс удручен. «Наш канал наведет там порядок», — пишет он, подчеркивая цивилизационную значимость Суэцкого канала (Origines: 174).

В конце июля 1858 года Лессепс из Константинополя в Александрию пишет генеральному консулу Нидерландов в Александрии Самюэлю-Уильяму Руиссенару: «Вы можете поздравить меня, так как я только что открыл занавес нашего последнего акта» (Origines: 176).

30 июля 1858 года в письме господину Тувне-лю Лессепс уверяет, что настало время переговоров с министрами Высокой Порты (они настроены положительно), чем он и собирается заняться. Он обращает также внимание на то, что английский посол, несмотря на его враждебность строительству, не предпринимает официальных враждебных действий (Origines: 177). Дело осталось за малым — организовать компанию. Молчание Порты, отсутствие фирмана уже не имело для Лессепса значения. В конце 1858 года Фердинанд де Лессепс, уже имевший разрешение паши Египта, основывает компанию «La Compagnie universelle

du canal maritime de Suez» [7] для строительства канала. Под разными названиями деятельность этой фирмы продолжалась вплоть до 2008 года. Строительство канала началось в 1859 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить, что, во-первых, идея строительства канала была реализована благодаря Фердинанду де Лессепсу. Успешное завершение строительства и торжественное открытие Суэцкого канала принесли ему заслуженную славу. Очевидно, что Лессепс, как представитель индустриализма, считал себя причастным к процессу вовлечения еще феодального Востока в международные экономические и торговые связи быстро развивающегося капиталистического Запада. Во-вторых, идея создания канала, дававшего возможности для развития международной торговли, неожиданно быстро получила поддержку финансовых кругов Франции и стала влиять на внешнюю политику государства. Во время строительства были применены все технические новинки того времени: экскаваторы, драги, землеснаряды и многое другое. Индустриализм как новая идеология промышленных и финансовых кругов великих держав стал влиять на экономическую политику европейских государств. Следует отметить, что впервые Суэцкий канал стал объектом международной дипломатии, поскольку имел стратегическое значение сразу для нескольких государств. К традиционным политическим и военным конфликтам добавился новый, доселе неизвестный экономический конфликт, конфликт экономических интересов государств, более опасный, чем прежде известные формы межгосударственных разногласий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Именовавшийся современниками «Великим Французом» Фердинанд Мари виконт де Лессепс родился 19 ноября 1805 года в Версале. Семья Лессепса имела баскские корни, отец будущего дипломата, Матьё Максимилиен Проспер, граф де Лессепс, во времена Наполеона Бонапарта был французским консулом в Марокко и Испании. Во времена Мухаммеда Али-пашы, бывшего пашой Египта в 1805–1848 годах, Матьё Лессепс участвовал в его реформаторской деятельности (см. подр. о биографии Ф. Лессепса: Lesseps, Ferdinand de. Allocution de M. Ferdinand de Lesseps // Société des Etudes Historiques, Séance du 23 Mars 1884, Fête de la Cinquantaine. Paris, 1884. P. 1–8). В молодости Фердинанд де Лессепс, будучи в Мадриде у своего кузена, познакомился со своей двоюродной племянницей, юной Эухенией Палафокс, графиней де Монтихо, будущей императрицей Франции и супругой Наполеона III. Это знакомство в дальнейшем во многом определило поддержку строительства Суэцкого канала Францией на международном уровне. Дипломатическую карьеру Фердинанд де Лессепс начал благодаря своему дяде, Жану-Батисту Бартелеми де Лессепсу, став в 1832 году в возрасте 20 лет помощником французского консула в Александрии. В 1835 году он становится консулом в Александрии, а Мухаммед Али-паша доверил ему домашнее обучение своего сына Саида, ставшего в 1854 году пашой Египта. Позже Лессепс был консулом в Нидерландах и Испании, закончил свою дипломатическую карьеру в 1849 году. Возвращение Лессепса в большую политику произошло в 1854 году, когда он начал согласование строительства Суэцкого канала на международном уровне. В этом же году Мухаммед-Саид паша Египта дал свое согласие на строительство Суэцкого канала и создание международного акционерного общества.

² Государственный архив премьер-министра Турции: Османский архив. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. HR. SYS (Hariciye Nezareti Siyasî Kısım Evrakı (Раздел документов министерства иностранных дел)). 970.2.9. (Перевод с османского языка выполнен А. М. Абидулиным и публикуется впервые).

³ Ferdinand de Lesseps. Origines Du Canal Du Suez. Paris, C. Marpon et E. Flammarion Editeurs, 1890. 220 p. (Перевод с французского языка выполнен Е. Н. Моисеевой и публикуется впервые). Ссылки на это произведение в тексте далее будут указаны в круглых скобках (Origines:).

⁴ Discours de réception de M. F. de Lesseps: réponse de M. Ernest Renan. Directeur L'Académie française. Paris, Calmann Lévy, 1885. P. 34.

⁵ Lesseps Ferdinand de. Entretiens sur le Canal de Suez, D'après la Sténographie de M. Sabbatier. Paris, 1864. P. 6.

⁶ Linant de Bellefonds Bey. Mémoires sur les principaux travaux d'utilité publique, exécutés en Egypte depuis la plus haute antiquité jusqu'à nos jours. Paris, Arthus Bertrand éditeur Librairie Scientifique et Maritime. 1872-1873. 620 p. (Перевод с французского языка выполнен Е. Н. Моисеевой и публикуется впервые).

ского языка выполнен А. М. Абидулиным и публикуется впервые). Ссылки на это произведение в тексте далее будут указаны в скобках (Mémoires:).

- ⁷ Ferdinand de Lesseps. Percement de l'isthme de Suez. Meetings anglais en faveur de canal de Suez. Paris, Hanri Plon, 1857. 320 p.
- ⁸ Государственный архив премьер-министра Турции: Османский архив. Başbakanlık Osmanlı Arşivi. HR. SYS (Hariciye Nezareti Siyasî Kısım Evrakı (Раздел документов министерства иностранных дел)). 970.1.2. (Перевод с османского языка выполнен А. М. Абидулиным и публикуется впервые).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барро М. Ф. Лессепс, его жизнь и деятельность. Биограф. очерк 1893 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/author/234930-mihail-barro> (дата обращения 04.05.2019).
2. Виноградов К. Б. Исторические очерки. Фердинанд Лессепс и строительство Суэцкого канала // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 139–154.
3. Моисеева Е. Н. Память об античном прошлом во французском колониальном дискурсе последней трети XIX в.: «места памяти» в контексте колониальной пропаганды // Гуманитарные и юридические исследования: Научно-теоретический журнал. 2017. № 4. С. 87–93.
4. Хизриев А. Х. Дипломатическая борьба между европейскими державами за влияние в зоне Суэцкого канала в 50–70-е годы XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8. № 4. С. 79–83.
5. Alexandre Sumpf. «Une figure de son temps: Ferdinand de Lesseps», Histoire par l'image [en ligne], consulté le 08 mars 2019. Available at: <http://www.histoire-image.org/fr/etudes/figure-son-temps-ferdinand-lesseps> (accessed 04.05.2019).
6. Diesbach G. Ferdinand de Lesseps. Paris, Perrin, 1998. 453 p.
7. Goldman B. La Compagnie de Suez Société internationale. Le Monde, édition du 4 octobre 1956.
8. Heimermann B. Suez et Panama, la fabuleuse épopée de Ferdinand de Lesseps, Paris, Arthaud, 1996. 200 p.
9. Malecot C. «Célébrités contemporaines de Félix Potin» in Une traversée photographique du XXe siècle, Paris, Créaphis Éditions, 2008. 144 p.
10. Tesson T. Ferdinand de Lesseps. Paris, Éditions Jean-Claude Lattès, 1992. 223 p.

Поступила в редакцию 06.05.2019

Alim M. Abidulin, PhD in History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
abidulinam@gmail.com

Ekaterina N. Moiseeva, PhD in History, Saratov State Law Academy (Saratov, Russian Federation)
moiseevaen@rambler.ru

“APERIRE TERRAM GENTIBUS”: INDUSTRIALISM AND THE IDEA OF CREATING THE SUEZ CANAL

The article analyzes the preparation for the construction of the Suez Canal. The purpose of the research is to study this idea as the first in the history of the enterprise, originally planned with foreign capital participation. Ferdinand de Lesseps was the main figure in it. The study of this issue will significantly expand the understanding of the world economic system formation in the XIX century and the inclusion of the Ottoman East into it. The historical background described in the memoirs of contemporaries and above all in Lesseps's own correspondence makes it possible to understand the attitude to the Suez Canal in the highest political circles of France, Great Britain, and the Ottoman Empire. The study found that the Suez Canal completely changed the balance of power in the region, as well as the geopolitical structure of Egypt and the entire Middle East. The analysis of the sources revealed that the idea of building the canal was implemented within the framework of the philosophical concept of “industrialism”, which emerged from “Saint-Simonianism” in the 1830s. Saint-Simonian ideas in economics, in their liberal version, were accepted by Napoleon III through his close adviser Michel Chevalier, and Lesseps, being one of the representatives of “industrialism”, was the first to put these ideas into practice in such a large-scale format.

Keywords: Ottoman Empire, Ferdinand de Lesseps, France, Great Britain, Egypt, Suez Canal

Cite this article as: Abidulin A. M., Moiseeva E. N. “Aperire terram gentibus”: industrialism and the idea of creating the Suez Canal. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.406

REFERENCES

1. Barro M. F. Ferdinand Marie de Lesseps, his life and work. Biography essay. Available at: <https://www.livelib.ru/author/234930-mihail-barro> (accessed 04.05.2019). (In Russ.)
2. Vinogradov K. B. Historical essays. Ferdinand Lesseps and the construction of the Suez Canal. *Voprosy istorii*. 1969. No 11. P. 139–154. (In Russ.)
3. Moiseeva E. N. The memory of the ancient past in the French colonial discourse of the last third of the XIX century: “places of memory” in the context of colonial propaganda. *Humanitarian and Legal Studies. Scientific and Theoretical Journal*. 2017. No 4. P. 87–93. (In Russ.)
4. Hizriev A. H. Diplomatic struggle between the European powers for influence in the Suez Canal zone between the 1850s and the 1870s. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 2009. Vol. 8. No 4. P. 79–83. (In Russ.)
5. Alexandre Sumpf. “Une figure de son temps: Ferdinand de Lesseps”, Histoire par l'image [en ligne], consulté le 08 mars 2019. Available at: <http://www.histoire-image.org/fr/etudes/figure-son-temps-ferdinand-lesseps> (accessed 04.05.2019). (In Russ.)
6. Diesbach G. Ferdinand de Lesseps. Paris, Perrin, 1998. 453 p.
7. Goldman B. La Compagnie de Suez Société internationale. Le Monde, édition du 4 octobre 1956.
8. Heimermann B. Suez et Panama, la fabuleuse épopée de Ferdinand de Lesseps. Paris, Arthaud, 1996. 200 p.
9. Malecot C. “Célébrités contemporaines de Félix Potin” in Une traversée photographique du XXe siècle, Paris, Créaphis Éditions, 2008. 144 p.
10. Tesson T. Ferdinand de Lesseps. Paris, Éditions Jean-Claude Lattès, 1992. 223 p.

Received: 6 May, 2019

МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА ГУЛЕВА

кандидат исторических наук, докторант философского факультета

Карлов университет (Прага, Чехия)

mangul@mail.ru

КИТАЙСКАЯ КАРИКАТУРА-МАНЬХУА О ВТОРОЙ ИТАЛО-ЭФИОПСКОЙ ВОЙНЕ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ИСПАНИИ*

Международное напряжение и атмосфера тревоги ощущались в десятилетие перед Второй мировой войной во всех странах мира. Симптомами близящейся катастрофы служили военные столкновения, прежде всего бои между Италией и Эфиопией и Гражданская война в Испании. В Китайской Республике, переживавшей в тот момент чрезвычайные трудности, балансирующей на грани войны между Гоминьданом и Компартией и оказавшейся жертвой начинающейся оккупации со стороны Японии, тем не менее пристально следили за развитием событий на другом конце континента. В настоящей статье отклик китайского общества на растущую угрозу мировой катастрофы в середине 1930-х годов рассматривается через призму карикатур-маньхуа, которые публиковались в популярных в те годы в Шанхае и других городах иллюстрированных журналах. Такие карикатуры насыщены деталями и в лаконичной форме отражают, как воспринимались Итало-Абиссинский кризис и гражданская война в Испании частью китайского общества. Рассмотрение этих источников приводит к выводу, что обсуждение собственных бед Китая соединялось с описанием жестокости и беспощадности войн вдали от него. Тем самым менялась точка зрения китайских карикатуристов и их читателей: хотя в центре внимания оставался Китай, но появлялась и глобальная перспектива, а несчастья, обрушившиеся на Китай, становились лишь частью мрачной судьбы всей планеты и, в особенности, «слабых» стран, беззащитных перед агрессией «сильных».

Ключевые слова: Китайская карикатура-маньхуа, Вторая итало-эфиопская война, Гражданская война в Испании, Вторая мировая война, Лига Наций, фашизм, Хайле Селассие I, Муссолини, Гитлер, Франко

Для цитирования: Гулева М. А. Китайская карикатура-маньхуа о Второй итало-эфиопской войне и гражданской войне в Испании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.407

ВВЕДЕНИЕ

Вторая мировая война, охватившая планету в середине XX века, стала местом памяти и для свидетелей событий, и для последующих поколений. При этом сама «всемирность» конфликта приводит к тому, что множество столкновений локального характера в разных точках планеты «соперничают» за звание первых проявлений глобальной катастрофы. В этом смысле устоявшаяся дата начала Второй мировой войны, 1 сентября 1939 года, оказывается слишком поздней для целого ряда стран – например, для Китайской Республики, к концу войны ставшей одной из стран – основательниц ООН, но оказавшейся втянутой в военные действия уже 7 июля 1937 года, а если считать отторжение Маньчжурии Японией началом китайско-японского конфликта, то еще раньше, 18 сентября 1931 года. Конфликт на территории другого неевропейского государства, Эфиопии, тем более можно рассматривать как начало разлома по оси фашизма и противостоящих ему сил: вторжение Италии в Эфиопию (точнее, столкновение при Уал-Уале 5 декабря 1934 года) названо исследователями Дуганом и Лафором «первым кровопролитием Второй мировой войны» [10: 85]. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов также является

одним из событий, повлиявших на распределение сил в будущем общемировом конфликте. Сами эти столкновения вызывали большую тревогу у современников, в связи с чем интересно проанализировать, как бои виделись издалека, жителями страны, втянутой в конфликт на другой стороне планеты.

Если взглянуть на 1930-е годы сквозь призму новостных газет и журналов, издававшихся в Китае, становится очевидно, что отклик на войны в Эфиопии и Испании был не менее ярким, чем на трудности самого Китая, оказавшегося под натиском японской агрессии. И Вторая итало-эфиопская война (1935–1936 годы, по-китайски чаще называлась Абиссинской войной), и гражданская война в Испании вызывали беспокойство у репортеров и их читателей. Абиссинские события порождали особенно явные ассоциации с судьбой Китая и других «слабых» наций, не имеющих опоры на военную мощь. При этом и африканские, и испанские события рассматривались не только как метафора китайских неудач и инструмент околичной критики собственного правительства, но и как повод для сочувствия и сострадания к жертвам несправедливой войны, как тревожные предвестники еще более страшных столкновений.

В настоящей статье предпринимается попытка реконструировать представления жителей Китая о зарубежных конфликтах 1930-х годов по материалам иллюстрированных журналов, издававшихся в Шанхае. Это десятилетие называют «золотой эпохой» маньхуа 漫畫, карикатуры или скетча [9], в Китае: в середине 1930-х издавалось более десяти журналов (почти все в Шанхае) со словом «маньхуа» в названии. Источниками настоящего исследования стали журналы «Дули маньхуа» 獨立漫畫 (1935–1936, ДЛМХ), «Маньхуацзе» 漫畫界 (1936, МХЦ), «Цюньчжун маньхуа» 群眾漫畫 (1935, ЦЧМХ), «Чжунго маньхуа» 中國漫畫 (1935–1937, ЧГМХ), «Шанхай маньхуа» 上海漫畫 (1936–1937, ШХМХ) и «Шидай маньхуа» 時代漫畫 (1934–1937, ШДМХ). Во внимание принимались только визуальные источники (рисунки, фотографии и фотоколлажи). Разумеется, нельзя считать, что видение событий, представленное в журналах, было единственным или хотя бы доминирующим, но популярность перечисленных журналов, разнообразие их сюжетов и взглядов позволяют рассматривать эту группу источников как репрезентативную для части распространенных тогда в Китае мнений.

Международная тематика занимала заметное место на страницах иллюстрированных журналов. В каждом выпуске любого из них можно найти много разнообразных публикаций, связанных с политическими, экономическими, социальными, культурными событиями и тенденциями, а также с модой, повседневной жизнью и юмором заграничцы. Из таких «международных» сюжетов зарисовки, связанные с боями в Эфиопии и Испании, составляют около 20 % (подсчет по журналам «Шидай маньхуа» и «Шанхай маньхуа»).

Число отсылок ко Второй итало-эфиопской войне и гражданской войне в Испании в иллюстрированных журналах (шт.)

Number of references to the Abyssinian Crisis and the Spanish Civil War in *Shidai Manhua* and *Shanghai Manhua* cartoons

Отсылки	«Шидай маньхуа»	«Шанхай маньхуа»
Абиссиния, чернокожий человек	17	24
Хайле Селассие I, император Эфиопии	9	7
Испания	14	11
Бык	4	4
Генерал Франко	2	4
Мадрид	1	1
Тореадор	1	0
Лига Наций, Женева, разоружение	13	4

Как видно из таблицы, оба конфликта фигурировали нередко, в основном чаще одного упоминания в каждом выпуске журналов, приходив-

шемся на период конфликтов (в случае «Шидай маньхуа» это 18 выпусков во время абиссинского кризиса и 12 – во время войны в Испании; для «Шанхай маньхуа» – 13 и 11 выпусков соответственно).

АБИССИНСКИЙ КРИЗИС

Заметно, что Хайле Селассие I часто выступал в роли персонафицированного воплощения итало-эфиопского конфликта. Его иконографическими признаками были курчавые волосы и борода, а также «африканское» облачение; особенно узнаваемы эти черты в рисунках карикатуриста Ван Цзымэя 汪子美, где портретное сходство с эфиопским императором приобретают лошадь из китайского зодиака, морское существо с рыбьим хвостом, а также неанималистические изображения¹. Судьба Абиссинии сравнивалась с положением дел в Китае как с точки зрения агрессивного вмешательства внешних сил, так и с учетом позиций, занятых правительствами, – сопротивление или несопротивления врагу. Непосредственное сопоставление можно найти в небольшом черно-белом рисунке, изображающем двух человек: крошечного африканца в соломенной юбке и более крупного китайца в традиционном халате. Пояснение к рисунку гласит: «Черный раб, потерявший страну, задумчиво говорит: “Он не сопротивляется, почему же не теряет страну?”»². Другой пример того, как абиссинские события воспринимались в контексте китайско-японского противостояния, – работа, опубликованная в журнале «Дули маньхуа». В ней фигурируют два «скульптора», Муссолини и обобщенный японец, причем в подписи говорится, что оба «страстно» стремятся «воплотить дух XX века» в своих произведениях: фигурах коленопреклоненного африканца и разрезанной свиньи³. Одним из наиболее многозначительных рисунков можно признать лаконичную карикатуру Ху Тунгуана 胡同光, в которой «посетитель» галереи останавливается перед двумя портретами – с наибольшей вероятностью, Махатмы Ганди и Хайле Селассие – желая их рассмотреть и «сравнить»⁴. Здесь надо отметить, что отношение к Ганди в 1930-е годы в Китае было неоднозначным: его идеи Сатьяграха и ненасильственного сопротивления вызывали восхищение у одних и презрение у других (подробнее см. [12]); сам Ганди и индийские способы протеста высмеивались в нескольких карикатурах. Примером может быть рисунок, на котором «Будда» говорит пришедшему к нему из Китая «паломнику», что тот должен вернуться на родину и сказать своим соотечественникам, этим «бестолочам» (хутучун 糊塗蟲), что молиться Будде бесполезно, раз он не может даже сбросить орла, сидящего на его голове⁵. Другой пример – карикатура, высмеивающая неоднократные голодовки Ганди как метод национального

сопротивления⁶. В то же время в иллюстрированных журналах Ганди порой оказывался в одном ряду с крупнейшими политическими фигурами эпохи⁷. Возвращаясь к рисунку Ху Тунгуана, можно отметить, что если действия Ганди рассматривались как пример ненасильственного сопротивления, то мероприятия второго портретируемого, Хайле Селассие I, напротив, служили образцом сопротивления вооруженного, активного и подготовленного. Таким образом, в этом рисунке вновь проступала тема того, как китайское правительство избрало путь несопротивления после Мукденского инцидента (18 сентября 1931 года, начало отторжения Маньчжурии от Китая), в отличие от эфиопского императора, проводившего подготовку к боевым действиям и оказавшего заметный отпор итальянским войскам⁸. Аналогичное одобрение действиям Хайле Селассие видно и в репринте иностранного рисунка, в свою очередь цитирующего знаменитую работу британского карикатуриста Бернарда Партриджа «Непобедимый» времен Первой мировой войны⁹. В этом парафразе карикатуры двадцатилетней давности Хайле Селассие занял место Альберта I, короля бельгийцев, как несокрушимый и справедливый предводитель своего народа в борьбе против оккупантов. Впрочем, отъезд императора из Эфиопии за границу в мае 1936 года некоторые китайские карикатуристы расценили как бегство – два нелестных отклика были опубликованы уже через месяц, в июньском выпуске журнала «Шанхай маньхуа». В одном рисунке можно усмотреть насмешку над огорчением Хайле Селассие по поводу новостей с родины (император с грустно-задумчивым выражением лица опирается на радиоприемник в виде свирепой головы Муссолини)¹⁰. В другой работе высмеивается бегство под видом «инспекционной поездки» или «оздоровительного путешествия» – последнее порой использовалось китайскими политиками и военными, вынужденно покидавшими страну после утраты власти¹¹. Несмотря на это, как сам Хайле Селассие I, так и обобщенная фигура чернокожего человека стали символами сопротивления и борьбы; они использовались в метафорических изображениях несправедливого иностранного вторжения, приведшего к невинным жертвам. Особо подчеркивалась несопоставимость противников: утрированно плохо вооруженных африканцев и явно превосходящих их по силе и оснащению итальянцев. Главным злодеем, разумеется, выступал Муссолини: он ел африканцев, поработал их, сидел на них, душил и убивал их всеми прочими способами¹². Чаще всего он изображался намного более крупным и тяжеловесным, чем Хайле Селассие или неперсонифицированный абиссинец. Это было призвано подчеркнуть тему неравенства держав и малых стран, несправедливости агрессивной

войны и возобладавшего в международных отношениях права силы¹³.

На фоне столь разительного отличия в силах Эфиопии и Италии тем большее возмущение вызывала у китайских карикатуристов пассивность Лиги Наций. В «Шанхай маньхуа» три из четырех рисунков, в которых появляется Лига, высмеивают недостаточность принятых санкций против Италии¹⁴; в «Шидай маньхуа» это пять из девяти карикатур¹⁵. Медлительность, «черепашьи» шаги Лиги, ограниченность и безрезультатность принятых мер, бесконечность переговоров, выступлений и резолюций подвергались острой критике¹⁶ – несомненно, китайские художники помнили при этом и о неспешности и неэффективности комиссий и решений Лиги при обсуждении китайско-японского конфликта после Мукденского инцидента. Не менее острой была и сатира, касавшаяся международных усилий по разоружению. Иллюстрированные журналы публиковали китайские и зарубежные карикатуры, в которых обсуждение коллективной безопасности превращалось в спор коварных и эгоистичных зверей. Показательным примером служит длинная заметка с иллюстрациями, воспроизведенная в «Шидай маньхуа» как перевод публикации из французской газеты «L'Intransigeant». Среди прочего там приводится анекдот, в котором дикий бык предлагает отказаться от клыков и когтей, лев советует оставить то и другое, а запретить рога, слон просит оставить клыки, но избавиться от рогов и когтей, а затем появляется русский медведь, желающий запретить все и оставить только лапы, чтобы крепко обнимать товарищей¹⁷. Все эти пустопорожние разговоры происходили на фоне смертельных схваток и гибели невинных людей¹⁸. Характерно, что Лига Наций упоминалась именно в описаниях абиссинских событий, но не в контексте Гражданской войны в Испании, иностранное вмешательство в которую вызывало у китайских карикатуристов как раз осуждение, а не призывы урегулировать конфликт усилиями международного сообщества.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

Гражданская война в Испании воспринималась иначе, чем итало-эфиопский конфликт. Хотя мирное население, невинные жертвы кровопролития, вызывало сочувствие и в карикатурах изображалось в трагических тонах, в этой войне не было символического героя. Выбирая подходящие метафоры для описания боев в Испании, карикатуристы прибегали к сюжетам, показывавшим равную неразумность сторон конфликта: коррида, петушиные схватки и драки иных существ, живописание бескрайних руин и изуродованных трупов, а также различные приемы, призванные показать роль иностранцев во внутреннем конфликте. В одном случае в корриде,

вместо быка и тореадора, дерущимися оказались два быка, которых подзуживают наездники (Гитлер и Муссолини с одной стороны, безымянный человек – с противоположной)¹⁹. В другом, более «кровавом» рисунке фашисты «надувают» павшего быка, чтобы он мог снова броситься на мальчика-тореадора, сплошь забрызганного кровью²⁰. В третьем случае Гитлер в одиночку крутит на вертеле целого быка (уже мертвого), причем рукоятка вертела имеет форму свастики²¹. Впрочем, отмечалось не только фашистское вмешательство, но и роль коммунистических сил, что хорошо заметно на рисунке «Вселенское безумие», где Сталин и Гитлер срамливают двух крабов на сковороде с подписью «Испания», причем клешни одного из ракообразных выглядят как серп и молот²². Советское и фашистское вмешательство высмеиваются в равной степени в карикатуре «Кто творит несправедливые дела?..», где Сталин и Гитлер вот-вот вступят в схватку, в то время как у их ног маленький генерал Франко собирается вести в бой танки со свастикой на флагах²³.

Собственно генерал Франсиско Франко фигурировал не слишком часто (см. таблицу). Тем не менее в журнале «Шидай маньхуа» появилась целая карикатурная «биография» Франко, согласно которой он оказывался то «Евой» около «Адама»-Гитлера, держащего бомбу вместо яблока, то сироткой-младенцем, подобранным все тем же Гитлером в женском наряде, то Тарзаном в набедренной повязке с узором из свастики, то «испанкой», танцующей с «веером» из кинжалов, то подражателем скелета-Смерти, то новым Дон-Кихотом, приветствующим фасции и свастику, то пиратом, то апостолом со свастикой вместо креста²⁴. Ван Цзымэй, автор этого яркого образца карикатурного жанра, повторил мотив встречи Франко со Смертью в другой своей работе, где генерал получает от скелета в дар меч²⁵. Подобный калейдоскоп образов показывал Франко то игрушкой в руках Муссолини и Гитлера, то посланником персонифицированной Смерти на земле. Это подчеркивается в рисунках и фотоколлажах, где Гитлер и Муссолини прогуливаются среди испанских руин, «выражая благодарность фашистским воинам», в то время как женщины и дети страдают и гибнут без крова и пропитания²⁶. Более того, китайские карикатуристы не обошли вниманием и параллели между гражданской войной 1936–1939 годов и событиями столетней давности, Пиренейскими войнами начала XIX века, изображенными Франсиско Гойей в серии офортов «Бедствия войны»: в журнале «Шидай маньхуа» было опубликовано 7 офортов²⁷. В комментарии к ним говорилось, что две национальные особенности испанцев, «отвага и безжалостность», усматриваются в повторяющихся внутренних войнах.

Любопытно, что, хотя китайских художников явно возмущала кровопролитность гражданской войны, пока не удалось найти карикатуры, где испанские бои сравнивались бы с многочисленными сражениями первых десятилетий Китайской Республики. Единственным возможным, но весьма отдаленным исключением служат несколько рисунков под общим названием «Левое и правое», где одновременно появляются канатоходец-испанец, балансирующий между двумя идеологиями, и Конфуций, которого Гитлер и Сталин тянут в разные стороны²⁸, но это явно отсылка не к гражданским войнам 1920-х годов в Китае, а к противоречиям и неопределенности 1930-х.

Китайские карикатуристы описывали испанский конфликт в довольно общих чертах, уделяя сравнительно мало внимания конкретным сражениям (то же можно сказать и об абиссинских событиях). Например, хотя в одном из фотоколлажей отмечаются бомбардировки города Бильбао войсками националистов в 1936–1937 годах,²⁹ гораздо более известная сегодня трагическая судьба Герники не успела отразиться в подобной форме в китайских иллюстрированных журналах. Также не было найдено и репродукций знаменитой одноименной картины Пабло Пикассо, созданной в мае – июне 1937 года. Скорее всего, это связано с тем, что уже в июле того же года Китай погрузился в кровопролитную войну на собственной территории и внимание перешло от зарубежных сражений к внутренним.

Нельзя не отметить широту и разнообразие метафорических схем и приемов в карикатурах. Отношения между государствами и участниками конфликтов изображались через анималистические аллегории, христианские библейские сюжеты (вплоть до апокалипсических видений и намеков на второе пришествие), мотивы традиционной китайской культуры и религии (в том числе отсылки к литературным произведениям, фольклору, мифологии и буддизму), художественное наследие Древнего Рима и более позднего западного искусства. Кроме того, общее положение дел и война как проявление «неправильности» этого положения воплощались в метафорах болезни, умопомрачения, впадения человечества в первобытное состояние. Поглощение слабых сильными также подталкивало карикатуристов обращаться к идее каннибализма, в особенности пожирания детей, и мира как ресторана, угощающего посетителей человечины или военными приспособлениями.

В ряде случаев повествование о конфликтах – итальянском вторжении в Эфиопию и войне в Испании – велось посредством фотографий и стрипов, то есть серий рисунков с сюжетом, разворачивающимся наподобие комикса. Обращение к фотографии можно расценить как попытку придать правдоподобность изображаемым

событиям и создать иллюзию присутствия, наблюдений очевидца, тем самым делая более явным обвинение в адрес разжигателей войны [13: 6, 116–122]. Конечно, надо иметь в виду при этом низкое качество печати, из-за которого иллюзия присутствия была очень непрочной и к тому же легко поддавалась манипуляциям. Так, уже упомянутые фотоколлажи с Муссолини и Гитлером в Испании явно представляют собой монтаж двух или более фотографий, хотя в подписи к ним говорится, что это снимки корреспондентов тех или иных новостных агентств. Сейчас почти невозможно узнать, считали ли китайские читатели журналов такие изображения подлинными фотографиями или все же понимали, что это коллаж, но само обращение к фотографии как к приему антивоенной сатиры демонстрирует желание художников дополнить визуальный ряд карикатур фотографически «точными» образами. Стрипы в свою очередь увязывали события в тесный сюжетный ряд со сменяющимися сценами насилия, отчаяния и героизма. Они позволяли показать многогранность и многоликость страшной войны, ее неописуемость и всепроникающий ужас. Абиссинский кризис изображался в категориях поражения одной страны другой, а испанская война выглядела как череда картин взаимного истребления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Абиссинские и испанские события стали частью мрачного потока новостей накануне полномасштабной китайско-японской войны, начавшейся в июле 1937 года. Конфликты на другом краю континента вызвали предчувствие новых неотвратимых войн, что явственно видно в китайских карикатурах: в 1930-е годы настроения читающей части населения были весьма неоптимистическими, а связь между дальними регионами планеты ощущалась чрезвычайно остро. Многочисленность карикатур по поводу абиссинского и испанского кризисов, эмоциональность и высокий художественный уровень рисунков доказывают, что географически отдаленные события представлялись важными и неразрывно связанными с судьбой самого Китая и всей планеты. В центре внимания карикатуристов оказывалась слабость и беззащитность малых стран, нежелание держав останавливать агрессора и вообще отсутствие положительной силы в международных отношениях. То, что Лига Наций медлила в итало-эфиопском конфликте и что внешние силы лишь подливали масла в огонь испанских боев, подтверждало в глазах авторов рисунков и их читателей трагическую мысль: усилия по предотвращению войны обречены на провал, а мир на Земле недостижим.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и DFG в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ван Цзымэй 汪子美. Взаимные козни 鈎心鬥角 // МХЦ. 1936. № 8 (декабрь). Б. с.; Он же. Двенадцать зодиакальных животных 十二生肖圖 // ШДМХ. 1936. № 33 (декабрь). Б. с.; Он же. Крест 十字架 // ШХМХ. 1936. № 6 (октябрь). Б. с.; Он же. Легенды нового времени 近代神話 // ШДМХ. 1936. № 31 (октябрь). Б. с.; Он же. Новое Святое Писание 新聖經 // ШДМХ. 1936. № 27 (июнь). Б. с.; Он же. Собрание героев 群英會 // ШХМХ. 1937. № 10 (март). Б. с.; Он же. Средиземное море 地中海 // ДЛМХ. 1935. № 2 (октябрь). Б. с.
- ² Лао [?] 老[?]. Чёрный раб, потерявший страну... 亡了國的黑奴 // ШХМХ. 1936. № 6 (октябрь). Б. с.
- ³ Ван Цзымэй. Нужно пылко выразить... 要熱烈地表現 // ДЛМХ. 1935. № 5 (ноябрь). Б. с.
- ⁴ Ху Тунгуан 胡同光. Посетитель... 參觀者 // ШДМХ. 1935. № 21 (сентябрь). Б. с.
- ⁵ Б. а. Будда говорит китайскому паломнику... 佛對到印度來朝聖的中國使者說 // ШХМХ. 1937. № 11 (апрель). Б. с.
- ⁶ Ван Цзымэй. Собрание героев // ШХМХ. 1937. № 10 (март). Б. с.
- ⁷ Ай Чжунсинь 艾中信. Всемирный зоопарк 世界動物園 // ШХМХ. 1936. № 8 (декабрь). Б. с.
- ⁸ О подготовке и ходе боевых действий в Эфиопии см.: Кассе Н. В. М. Внешнеполитическая деятельность императора Хайле Селассие I 1916–1974 гг.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: РУДН, 2007; также см.: [2: 81–148], [8], [10: 168–171], [11], [14: 27–70].
- ⁹ Partridge B. Unconquerable // Punch, or the London Charivari. 1914. Vol. 147 (21 October); Б. а. Каждый имеет достоинство 各有尊嚴 // ШХМХ. 1936. № 5 (сентябрь). Б. с.
- ¹⁰ Хуан Мяоцзы 黃苗子. Майские зарисовки 五月漫筆 // ШХМХ. 1936. № 2 (июнь). Б. с.
- ¹¹ Вэн Синцин 翁興慶. Китайский репортер... 中國記者 // ШХМХ. 1936. № 2 (июнь). Б. с.
- ¹² Ван Цзымэй. Взаимные козни // МХЦ. 1936. № 8 (декабрь). Б. с.; Он же. Классический римский дух в XX веке 二十世紀之羅馬古典精神 // МХЦ. 1936. № 3 (июнь). Б. с.; Он же. Победитель... 勝利者 // ЧГМХ. 1936. № 7 (май). Б. с.; Гу Ба 古巴. Один день. 15 мая 1936 года 一日間. 一九三六年五月十五日 // ШХМХ. 1936. № 2 (июнь). Б. с.; Тэ Вэй 特偉. Прелюдия 序幕 // ДЛМХ. 1935. № 3 (октябрь). Б. с.; Чжан Э 張謨. Единственный исторический курс Муссолини – уничтожение рабства! 墨索里尼歷史的一貫政策——廢除努力!! // ШДМХ. 1935. № 23 (ноябрь). Б. с.; Янь Чжэси 嚴折西. Гость со слабым желудком 一個胃弱的顧客 // ШХМХ. 1937. № 10 (март). Б. с.
- ¹³ Лу Шаофэй 魯少飛. Живущее яйцо 有生命力的卵 // ШДМХ. 1935. № 20 (август). Обложка.
- ¹⁴ Гу Ба. Один день. 15 мая 1936 года // ШХМХ. 1936. № 2 (июнь). Б. с.; Лу Чжэньшэн 陸振聲. Статуя Лиги наций 國聯造像 // ШХМХ. 1936. № 5 (сентябрь). Б. с.; Чэнь Чжэньлун 陳振龍. Вспоминая 1936 год: май, Италия успешно проглатывает Абиссинию 一九三六年的回顧: 五月, 意吞阿成功 // ШХМХ. 1937. № 9 (январь). Б. с.
- ¹⁵ Б. а. Король без короны Селассие прибыл в Китай посетить друзей 無冕之王塞拉西來華訪友 // ШДМХ. 1936. № 30 (сентябрь). Б. с.; Маньжэнь 漫人. Зрители льют слезы 眾皆哭泣 // ШДМХ. 1936. № 28 (июль). Б. с.; Цзинь Мо 金沫. Упрямый Муссолини... 倔強的墨索里尼 // ШДМХ. 1935. № 23 (ноябрь). Б. с.; Чжан Вэньюань 張文元. Черное, белое,

- красное 黑白紅 // ШДМХ. 1936. № 29 (август). Б. с.; Чжан Э. Та же жалоба 同樣的伸訴 // ШДМХ. 1935. № 15 (март). Б. с. О международной реакции на итало-эфиопскую войну см. [1], [2: 99–124], [7], [15].
- ¹⁶ Чэнь Ифань 陳依範 [Джек Чэнь]. Комиссия Лиги Наций отправляется в оккупированную страну! 國聯調查團到被侵略國去! // ШХМХ. 1937. № 9 (январь). Б. с.
- ¹⁷ Чжан Жогу 張若谷. Литвинов глазами карикатуриста 漫畫家眼光中之李維諾夫 // ШДМХ. 1935. № 16 (апрель). Б. с.
- ¹⁸ Тэ Вэй. Война и мир происходят одновременно 戰爭與和平同時進行著 // ДИМХ. 1935. № 5 (ноябрь). Б. с.
- ¹⁹ Чэнь Хаосюн 陳浩雄. Интернационализация гражданской войны в Испании 西班牙內戰的國際化 // ШДМХ. 1936. № 29 (август). Б. с.
- ²⁰ Чжан Дин 張丁. Помощники мучителя... 助傑為虐者 // ШХМХ. 1937. № 2–1 (июль). Б. с.
- ²¹ Ай Чжунсинь. Последние дни Испании 西班牙的末日 // ШХМХ. 1937. № 11 (апрель). Б. с.
- ²² Б. а. [Ван Цзымэй? Чжан Гуаньюй 張光宇?]. Вселенское безумие 宇宙瘋 // ШХМХ. 1936. № 8 (декабрь). Б. с.
- ²³ Ван Цзымэй. Кто творит несправедливые дела?.. 誰有不平事? // ШХМХ. 1937. № 10 (март). Б. с. О международном влиянии на события испанской гражданской войны см. [3], [4], [5], [6].
- ²⁴ Ван Цзымэй. Психологический анализ лидера испанских националистов Франко 西班牙國民軍領袖佛朗哥精神的分析 // ШДМХ. 1937. № 35 (февраль). Б. с.
- ²⁵ Ван Цзымэй. Собрание героев // ШХМХ. 1937. № 10 (март). Б. с.
- ²⁶ Б. а. Жестокая гражданская война в Испании! Эти бездушные звери!! 慘酷的西班牙內戰! 這般無靈魂的禽獸!! // ЧГМХ. 1937. № 14 (июнь). Б. с.; Б. а. Свидетельства очевидца трагедий на фронтах повстанческой армии в испанской гражданской войне 西班牙內戰中叛軍前線目睹慘狀記 // ШДМХ. 1937. № 36 (март). Б. с.; Б. а. Скорбь на поле нынешней битвы 弔今戰場圖 // ШДМХ. 1936. № 30 (сентябрь). Б. с.; Б. а. Успех европейского движения за коллективную безопасность 歐洲集體安全運動成功 // МХЦ. 1936. № 6 (сентябрь). Б. с.; Ван Цзымэй. Оккупация Бильбао... 佔領比爾波 // ШДМХ. 1937. № 39 (июнь). Б. с.
- ²⁷ Гэя 哥雅 [Франсиско Гойя]. Следы беспощадности гражданской войны в Испании сто лет назад 百年前西班牙內戰的殘酷遺跡 // ШДМХ. 1936. № 30 (сентябрь). Б. с.
- ²⁸ Хуан Байбо 黃白波. Левое и правое 左與右 // ШДМХ. 1937. № 36 (март). Б. с.
- ²⁹ Ван Цзымэй. Оккупация Бильбао... // ШДМХ. 1937. № 39 (июнь). Б. с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глубокова Н. Г. Британская внешняя политика в Европе в период Абиссинского кризиса 1935–1936 гг. // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 205–211.
- Кассае Н. В. М. Хайле Селассие I – император Эфиопии. М.: РУДН, 2016. 407 с.
- Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов: международные аспекты // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 31–53.
- Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.: В 2 ч. Ч. I. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1994. 164 с.
- Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг.: В 2 ч. Ч. II. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1995. 132 с.
- Орехова М. С. Франко и Гитлер: отношения двух диктаторов в 1936–1943 гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 106–109.
- Урывский А. П. Италия и англо-французские отношения в 1935 г. на фоне Абиссинского кризиса // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165). Вып. 28. С. 57–62.
- Asserate Asfa-Wossen; Peter Lewis (transl.), Thomas Pakenham (foreword). King of kings: The triumph and tragedy of emperor Haile Selassie I of Ethiopia. London: HAUS Publishing Ltd., 2015. 336 p.
- Crespi John A. China's Modern Sketch–I: The Golden Era of Cartoon Art, 1934–1937 // MIT Visualizing Cultures. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 29.08.2019).
- Dugan James; Laurence Lafore. Days of emperor and clown: The Italo-Ethiopian war, 1935–1936. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1973. 383 p.
- Mallett Robert. Mussolini in Ethiopia, 1919–1935: The origins of Fascist Italy's African war. N.Y.: Cambridge University Press, 2015. 228 p.
- Shang Quanyu. Mahatma Gandhi in mainland China: Early 1920s to late 1970s // Gandhi Marg. 2013. Vol. 35. No. 2 (July / September). P. 245–261. Available at: <https://www.mkgandhi.org/articles/mg-and-china-1920-1970.html> (accessed 06.08.2019).
- Sontag Susan. Regarding the pain of others. N.Y.: Picador, 2004. 131 p.
- Spencer John H. Ethiopia at bay: a personal account of the Haile Selassie years. 2nd ed. Hollywood: Tsehai Publishers, 2006. 409 p.
- Strang Bruce G. (ed.). Collision of empires: Italy's invasion of Ethiopia and its international impact. 2nd ed. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2016. 398 p.

Поступила в редакцию 16.09.2019

Maria A. Guleva, PhD Student, Charles University (Prague, Czech Republic)
mangul@mail.ru

CHINESE MANHUA CARTOONS ON THE SECOND ITALO-ETHIOPIAN WAR AND THE SPANISH CIVIL WAR*

International tensions and the atmosphere of anxiety were felt in the decade before World War II in all countries of the world. Military conflicts appeared to be the symptoms of a nearing calamity – primarily, the fights between Italy and Ethiopia and the Civil War in Spain. The Republic of China was undergoing severe hardships at the time: it was balancing on the verge of a war between the Guomindang and the Communist Party, and was slowly yielding to the encroaching Japanese occupation. Nevertheless, China closely observed the trends on the other side of the continent. The article studies the response of Chinese society to the growing threat

of world catastrophe in the mid-1930s through the prism of *manhua* cartoons published in illustrated magazines highly popular in Shanghai and other cities at the time. Such cartoons employed rich details and succinctly reflected the way the Abyssinian Crisis and the Spanish Civil War were perceived by a part of Chinese society. Looking into these sources brings the conclusion that discussions of China's own sorrows intertwined with the narration of cruelties and mercilessness of the faraway wars. Thus, the angle of view of the Chinese cartoonists and their readers shifted: the focus remained on China, but included a more global perspective, while the hardships pestering China became just a detail of the grim prospects of the whole plane, especially the "weak" countries, defenseless against the aggression of the "powerful" ones.

Keywords: Chinese *manhua* cartoon, Second Italo-Ethiopian War, Spanish Civil War, World War II, League of Nations, fascism, Haile Selassie I, Mussolini, Hitler, Franco

* The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and DFG as part of the project No 17-21-49001 ("Chinese perceptions of Russia and the West during the XX century: changes, continuities and contingencies").

Cite this article as: Guleva M. A. Chinese *manhua* cartoons on the Second Italo-Ethiopian War and the Spanish Civil War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 16–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.407

REFERENCES

1. Glubokova N. G. British foreign policy in Europe during the Abyssinian Crisis in 1935–1936. *Space and Time*. 2011. No 4 (6). P. 205–211. (In Russ.)
2. Kassaye Nigusie W. Michael. Haile Selassie I, Emperor of Ethiopia. Moscow, 2016. 407 p. (In Russ.)
3. Malaj V. V. The Spanish Civil War of 1936–1939: international aspects. *Modern and Current History Journal*. 2016. No 3. P. 31–53. (In Russ.)
4. Novikov M. V. The USSR, the Comintern, and the Spanish Civil War of 1936–1939. In 2 parts. Part I. Yaroslavl, 1994. 164 p. (In Russ.)
5. Novikov M. V. The USSR, the Comintern, and the Spanish Civil War of 1936–1939. In 2 parts. Part. II. Yaroslavl, 1995. 132 p. (In Russ.)
6. Orekhova M. S. Franco and Hitler: relations between two dictators in 1936–1943. *Theory and Practice of Social Development*. 2014. No 10. P. 106–109. (In Russ.)
7. Uryvsky A. P. Italy and the English-French relations in 1935 amid the Abyssinian Crisis. *Belgorod State University Scientific Bulletin. History, Politology, Economics, Computer Science*. 2013. No 22 (165). Iss. 28. P. 57–62. (In Russ.)
8. Asserate Asfa-Wossen; Peter Lewis (Transl.), Thomas Pakenham (Foreword). King of kings: The triumph and tragedy of Emperor Haile Selassie I of Ethiopia. London: HAUS Publishing Ltd., 2015. 336 p.
9. Crespi John A. China's modern sketch—1: The golden era of cartoon art, 1934–1937. *MIT Visualizing Cultures*. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 29.08.2019).
10. Dugan James; Laurence Lafore. Days of emperor and clown: The Italo-Ethiopian war, 1935–1936. N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1973. 383 p.
11. Mallett Robert. Mussolini in Ethiopia, 1919–1935: The origins of fascist Italy's African war. N.Y.: Cambridge University Press, 2015. 228 p.
12. Shang Quanyu. Mahatma Gandhi in mainland China: Early 1920s to late 1970s // *Gandhi Marg*. 2013. Vol. 35. No. 2 (July / September). P. 245–261. Available at: <https://www.mkgandhi.org/articles/mg-and-china-1920-1970.html> (accessed 06.08.2019).
13. Sontag Susan. Regarding the pain of others. N.Y.: Picador, 2004. 131 p.
14. Spencer John H. Ethiopia at bay: a personal account of the Haile Selassie years. 2nd ed. Hollywood: Tsehai Publishers, 2006. 409 p.
15. Strang Bruce G. (Ed.). Collision of empires: Italy's invasion of Ethiopia and its international impact. 2nd ed. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2016. 398 p.

Received: 16 September, 2019

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ МАЯЦКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры китайской филологии Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
d.mayatsky@spbu.ru

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВ «ДА-СИЯН-ГО» И «СЯО-СИЯН-ГО» В «ИЗОБРАЖЕНИЯХ ДАННИКОВ ПРАВЯЩЕЙ ДИНАСТИИ ЦИН»*

Тема статьи актуальна в связи с ростом интереса ученых к изучению истории контактов Китая с иностранными государствами в условиях реализации проекта «Один пояс, один путь». Статья посвящена одной из проблем, которые могут быть подняты при изучении китайского историко-этнографического сочинения второй половины XVIII века «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту»), – отождествлению отдельных упоминаемых в нем географических названий. Особое внимание уделяется двум загадочным землям – «Стране Великого Западного океана» («Да-сиян-го») и «Стране Малого Западного океана» («Сяо-сиян-го»). Впервые переводятся на русский язык и анализируются фрагменты, содержащие описания жителей этих земель, исследуются прилагающиеся к ним рисунки. Изучение текстового и изобразительного материала книги, сопоставление его содержания с данными «Истории Мин» и известного китайцам Нового времени важного источника по географии мира – «Полной схемы всех земель» («Ваньго цюаньту») – позволили автору найти возможные варианты интерпретации «Да-сиян-го». Установили, что под фразой могло подразумеваться абстрактное европейское государство, совокупность европейских государств либо конкретные страны – Испанская империя времен наивысшего расцвета в XVII веке или Португалия. Словосочетание «Сяо-сиян-го» предположительно использовано в источнике для обозначения европейских, испанских или португальских колоний в бассейне Индийского океана. Также в статье выявляются особенности изображения жителей этих стран в книге. Статья призвана привлечь внимание исследователей «Изображений данников правящей династии Цин» и других китайских старопечатных источников, содержащих упоминания географических названий «Да-сиян-го» и «Сяо-сиян-го», к проблеме поиска эквивалентов для их адекватного перевода.

Ключевые слова: имагология, история Китая, зарубежные контакты Китая, Китай и Европа, образ Европы в Китае, перевод «Хуан цин чжи гун ту»

Для цитирования: Маяцкий Д. И. Проблема идентификации государств «Да-сиян-го» и «Сяо-сиян-го» в «Изображениях данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 23–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408

ВВЕДЕНИЕ

В процессе изучения древних и средневековых китайских сочинений по истории и географии Китая и сопредельных с ним регионов, а также китайских официальных документов, в которых зафиксированы политические, торговые и иные контакты китайцев с представителями других государств, современные исследователи нередко сталкиваются с острой необходимостью локализовать упоминаемые в них названия различных объектов физической и постоянно менявшейся политической географии – исторических стран, областей, населенных пунктов, гор, рек, водоемов и проч. От идентификации этих объектов нередко зависит правильность интерпретации сообщаемых в источниках сведений. Между тем именно география мира в императорском Китае долгое время оставалась на задворках развития научного знания, что было обусловлено отсутствием естественной необходимости и даже объективной возможности (в том

числе из-за научно-технического отставания, со временем проявлявшегося все более явственно) китайцев поддерживать постоянные контакты с далекими (а порой даже с близкими) зарубежными странами. Это для исследователей зарубежных связей Китая создает дополнительные трудности. Тем не менее эти трудности постепенно преодолеваются усилиями многих ученых, кого интересовал и продолжает интересовать вопрос соотнесения топонимов, гидронимов, этнонимов и прочих встречающихся в старинных китайских источниках наименований с устоявшимися в наше время названиями. К таким исследователям можно отнести Э. В. Шавкунова, Э. Н. Шаккумова, А. Р. Аюбова, Сунь Чжэнцзя и ряд других ученых [1], [12], [13], [15].

Обозначенная проблема способна возникнуть также в связи с изучением «Изображений данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту», далее – «Изображения данников»). «Изображения данников» – китайское культур-

но-этнографическое сочинение, составленное и отпечатанное во второй половине XVIII века по приказу шестого императора маньчжурской династии Айсиньгиоро Хунли (1735–1796). В Санкт-Петербурге оно доступно в нескольких учреждениях. Два экземпляра книги хранятся в фонде редких восточных книг (шифр Хул. 348) Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Два экземпляра – в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (шифры: Дорн 758, Дорн 759)¹. Четыре экземпляра книги имеются в Институте восточных рукописей РАН (шифры: Е-42, Е-43, Е-179 и Д-284)². Сочинение состоит из девяти томов и содержит около 600 черно-белых иллюстраций, изображающих представителей примерно 250 народов мира, известных китайцам ко времени создания памятника. Рисунки снабжены сжатыми историко-географическими и культурно-этнографическими комментариями, сообщающими базовую информацию об изображаемых народах. Памятник имеет особое значение для изучения представлений китайцев о географии мира в середине XVIII века и об известном им тогда населении Земли. Специальное изучение этой книги в России начали в 2019 году сотрудники Восточного факультета СПбГУ – Н. А. Самойлов, Д. И. Маяцкий, Н. А. Сомкина, Т. С. Миронова, М. В. Черевко и А. М. Харитонова [4], [5], [6], [7], [9], [10], [11]. В их публикациях можно увидеть обзоры отечественных и зарубежных исследований, ключевых проблем и вопросов, относящихся к сочинению.

В настоящей работе мы коснемся лишь одной проблемы – определения смыслового значения некоторых исторических географических указаний, фигурирующих в «Изображениях данников». Суть проблемы заключается в том, что данная книга насыщена взятыми из китайских летописей, старинных историко-географических сочинений и других источников редкими этнонимами и географическими названиями, обозначающими различные исторические государства, области, города, селения, моря, реки и прочие объекты. Многие топонимы и гидронимы с течением времени могли выйти из употребления по причине исчезновения обозначавшегося ими понятия или вытеснением их другими названиями, получившими впоследствии более широкое применение. Нередко одно и то же понятие могло иметь несколько архаичных синонимов. Например, Португалия в «Изображениях данников» названа как «Фаланьси» 法兰西, «Фоланси» 弗郎西 и «Фоланци» 佛郎机³ – из этих названий до настоящего времени сохранилось лишь «Фаланьси» в значении «Франция». Когда в «Изображениях данников» и других источниках встречаются подобные архаичные синонимы, они затрудняют (в каких-то случаях, как мы только что убедились с «Францией», искажают) понимание текста и по-

буждают ученых проводить дополнительную исследовательскую работу.

Проблема идентификации исторических названий географических объектов на материале «Изображений данников» до настоящего времени не исследовалась. Мы не будем претендовать на всеохватность и всесторонний анализ этой проблемы, потому что она в действительности сложная, а памятник – слишком большой и недостаточно глубоко изученный. Мы лишь выделим два частных случая и попробуем определить возможные варианты их толкования. Речь пойдет об упоминающихся в книге так называемых странах «Великого Западного» («Да-сиян-го» 大西洋国) и «Малого Западного» («Сяо-сиян-го» 小西洋国) океанов. Оба названия – одни из самых загадочных в книге, потому что непонятно, жители каких именно земель или государств подразумеваются под ними составителями. Неясно, почему авторы выбрали именно такие описательные формулировки, тогда как в других случаях регионы мира обычно имеют конкретные названия, полученные, как правило, посредством иероглифической транслитерации оригинальных наименований.

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ «ДА-СИЯН-ГО» И «СЯО-СИЯН-ГО»

В первом томике памятника «Изображения данников» представлены восемь иллюстраций жителей стран «Большого» и «Малого» «Западных океанов». Все они имеют названия и прокомментированы составителями книги в небольших статьях, приложенных к рисункам. Мы приведем названия этих рисунков в последовательности, в которой они представлены в томике:

- 1) «Чужеземец из страны Великого Западного океана» (大西洋国夷人);
- 2) «Чужеземка из страны Великого Западного океана» (大西洋国夷妇);
- 3) «Черный раб из страны Великого Западного океана» (大西洋国黑鬼奴);
- 4) «Черная рабыня из страны Великого Западного океана» (大西洋国黑鬼奴妇);
- 5) «Монах из страны Великого Западного океана» (大西洋国夷僧);
- 6) «Монашка из страны Великого Западного океана» (大西洋国女尼);
- 7) «Чужеземец из страны Малого Западного океана» (小西洋国夷人);
- 8) «Чужеземка из страны Малого Западного океана» (小西洋国夷妇).

Первые два рисунка обособлены от других и открывают в книге блок изображений, посвященных европейцам. За ними следуют иллюстрации швейцарцев, венгров и поляков. Затем вводятся остальные шесть рисунков, после которых демонстрируются представители других европейских стран. Разберем интересные нас иллюстрации и описания детально.

1) Мужчина и женщина из «Страны Великого Западного океана»

На рисунках, судя по внешнему виду, показаны типичные представители средних или высоких слоев населения некой европейской страны⁴. Мужчина в парике и треуголке одет в рубашку с выпущенными наружу кружевными рукавами, камзол и накиннутый поверх него кафтан-жюстокор без воротника, с фалдами, карманами и широкими отложными манжетами. Одет он также в короткие штаны-кюлоты и чулки. Обут в ботинки. На перевязи висит шпага. В правой руке держит трость (левая просунута в карман). Таков был вид типичного западноевропейского аристократа во второй половине XVII – первой половине XVIII века. Женщина – с завитыми волосами, в короткой блузке с кружевными рукавами, полностью закрывающей ноги длинной юбке, в накиннутом на плечи длинном плаще без рукавов и с длинными бусами на шее. В комментарии к этим рисункам говорится:

«Великий Западный океан. В период Юнлэ [(1403–1424)] ко двору приносили дары из Гули [(Каликут)], Соли [(страна Чола на юге Индии)], Хулумосы [(Ормуз)] – всего из нескольких десятков стран. Впоследствии из многих [этих государств даров] больше не присылали. В [годы правления под девизом] Ваньли [(1572–1620)] человек Западного океана Ли Мадоу [(католический миссионер Маттео Риччи, 1552–1610)] по морю приплыл в Срединное государство [(Китай)], назвался “человеком из страны Идалия” [(Италия)]. При правящей династии дань двору [со стороны Великого Западного океана] доставляли в шестом году Канси [(1667 г.)]. В третьем году Юнчжэн [(1725 г.)] из Идалия дань прислал духовный правитель [(римский папа Бенедикт XIII, 1724–1730)]. В пятом году [(1727 г.)] дары прислали из Боэрдугаэрья [(Португалия, от короля Жуана V, 1706–1750)]. В 18-м году Цяньлун [(1753 г.)] присылали снова. Их люди почитают Учение Небесного Владыки [(католичество)], искусно торгуют, многие из них богаты. Их кожа белая, носы – высокие, глаза голубые и глубоко посаженные, не отрачивают усы и бороду, делают фальшивые волосы, чтобы надевать на голову. Из черного войлока изготавливают треугольные шляпы; [их] платья короткие, туфли кожаные; штаны и чулки подвязывают [так, что они] плотно прилегают, как бинты. Женщины завивают волосы и укладывают в прическу, на шею вешают золото, жемчуг и драгоценные камни, носят кофты и юбки, спину закрывают парчовыми платками, называют их “накидками”. В их обычаях уважать женщин и пренебрегать мужчинами. Когда друг другу рады, вступают в брак. Есть переселенцы, проживающие в Макао уезда Сяншаньсянь под управлением чужеземных глаз [(начальников)], каждый год платят ренту»⁵.

По характеру содержащейся в описании антропологической и этнографической информации мы видим, что речь в нем преимущественно идет о европейцах, каким-то образом связанных с Португалией, Италией и Макао. Китайцы подметили те особенности их жителей, которые казались им необычными и важными. Много внимания уделили внешнему виду людей (заметили привычку бриться, носить парики, причудливую одежду). Некоторое замешательство у них вызвал обычай

европейцев вступать в браки по любви. Видимо, ввиду отсутствия, по словам Н. А. Спешнева, до XX века в китайском языке слова с понятным для нас значением «любить» (вместо него использовались слова, обозначающие действия «радоваться», «жалеть», «испытывать привязанность» и проч.) [8: 234], они вынуждены были передать его с помощью слова «радоваться».

Употребленное составителями словосочетание «Да-сиян-го» («страна Великого Западного океана») в современном китайском языке не используется. Зато в языке широко распространено сочетание «Да-сиян» («Великий Западный океан»), которое в переводе на русский язык означает «Атлантический океан»⁶. Согласно данным «Истории Мин» («Мин ши» 明史) – официальной хроники правления династии Мин (1369–1644), составление которой было завершено в 1739 году, то есть незадолго до «Изображений данников», – в этом значении первым его употребил упомянутый в приведенном фрагменте католический миссионер итальянского происхождения Маттео Риччи (1552–1610), известный китайцам под китайским именем Ли Мадоу. Маттео Риччи был выдающимся ученым и духовным деятелем, прожившим в Китае тридцать лет и основавшим в Пекине иезуитскую миссию (о нем и об истории миссии подробно писала Д. В. Дубровская в своей монографии [3]). Ему принадлежит честь не только установления продолжительных духовных связей между Европой и Китаем, но также организации в Китае просветительской работы иезуитов⁷. Маттео Риччи активно создавал на китайском языке труды, в которых делился с китайцами достижениями европейской науки, популяризировал знания о Европе. В 1601 году Маттео Риччи составил первую карту мира на китайском языке – «Полную схему всех земель» («Ваньго цюаньту» 万国全图) – и поднес ее императору Ваньли (1572–1620)⁸ [16: 138], [17: 8459]. На карте были отображены все известные на тот момент европейцам континенты и океаны, в том числе и Атлантика, впервые названная «Да-сиян». Составители «Истории Мин» пишут, что сам итальянский миссионер представлялся «человеком Великого Западного океана» («Да-сиян-жэнь» 大西洋人) из земли «Идалия» 意大里亚 [17: 8459]. Тогда китайские чиновники из министерства ритуалов Либу были сбиты с толку полученными от Маттео Риччи данными и поначалу даже усомнились в их достоверности, о чем свидетельствует такой оставленный ими отзыв: «В “Своде установлений” [(“Хуй дян” 会典)] упоминается только страна Западного океана Соли [(тамилское государство Чола на юге Индии)], про “Великий” Западный океан не сказано. Говорит правду или ложь, нет возможности выяснить» [17: 8459]. Но уже в следующем, 1602, году государь Ваньли приказал размножить «Полную схему всех земель» ксилографическим

способом. Так, благодаря Ваньли и Маттео Риччи вошло в китайский язык географическое понятие «Великий Западный океан» в значении «Атлантический океан».

В свете изложенного логично было бы предположить, что авторами «Изображений данников» под «страной Великого Западного океана» могла пониматься некая земля, омываемая Атлантикой. В китайском географическом трактате начала XIX века «Записки о морях» («Хай лу» 海录) цинского путешественника Се Цингао 谢清高 (1765–1821), содержащем сведения о различных государствах Европы, «страной Великого Западного океана» называется исключительно Португалия⁹. Под этим же названием Португалия фигурирует и в «Договоре о дружбе и торговле между Китаем и Португалией» («Чжун пу хэ хао тун шан тяо юэ» 中葡和好通商条约), заключенном 1 декабря 1887 года [18: 505–506]. Но из текста комментария к рисункам и содержания «Истории Мин» мы видим, что данное словосочетание в середине XVIII века у китайцев могло вызывать ассоциации с гораздо большим географическим пространством, включавшим в себя, помимо Португалии, также Италию. Более того, в альбоме «Изображения данников» словосочетание «Великий Западный океан» встречается еще в позиции определения к названиям трех европейских земель – Швейцарии («провинция Гельвеция Великого Западного океана» 大西洋合勒未祭亚省¹⁰ – об описании этой страны в памятнике писал Альфред Штайнман [14]), Венгрии («Венгерское государство Великого Западного океана» 大西洋翁加里亚国¹¹) и Польши («Польское государство Великого Западного океана» 大西洋波罗泥亚国¹²). А Венгрия и Швейцария, как мы знаем, никогда не имели, как не имеют и сейчас, прямого выхода к морю. Поэтому нам представляется уместным предположить, что в контексте «Изображений данников» словосочетание «Великий Западный океан» подразумевает не только Атлантику, но и Европейскую часть Евразии, то есть выступает синонимом слова «Европа».

Также стоит оговорить еще один существенный момент. В китайском языке отсутствует категория числа и любое существительное ситуативно может передавать единичное или множественное понятие [2: 14]. По этой причине в «Изображениях данников» фраза «страна Великого Западного океана» может относиться и к одному государству, и ко многим. Причем, опять же, одно государство может быть как абстрактным, так и конкретным. Иными словами, грамматически допустимы такие интерпретации данной фразы – «одна из стран Великого Западного океана (то есть Европы)», «некая абстрактная страна Великого Западного океана», «конкретная страна Великого Западного океана» и «страны Великого Западного океана». Применительно к рассматриваемому фрагменту мы склоняемся к допу-

мости всех вариантов грамматической трактовки выражения. Это выражение вполне может выполнять обобщающую функцию и обозначать неопределенную часть обширной европейской территории, а связанное с ней описание – играть роль небольшой вводной статьи, предвещающей весь блок рисунков, посвященных европейцам. Составители книги могли задумать воспроизвести на рисунках типичный в их представлении образ жителей Европы и дать общую о них информацию, чтобы потом перейти к рассмотрению отдельных стран. Но нельзя исключать возможности и того, что «Да-сиян-го» – конкретная страна. В ее описании упоминаются Португалия, Италия, португальские владения в Индийском океане (Ормуз, земли Индостана) и Китае (Макао), приводятся факты контактов китайского двора с представителями этих стран. Португалия и большая часть Италии во времена Маттео Риччи входили в состав Испанской империи. Такое положение сохранялось долгое время и после смерти итальянского миссионера. С выходцами из Италии и Португалии китайцы познакомились раньше, чем с другими европейцами, и контактировали с ними на протяжении XVII–XVIII веков регулярно. Составители должны были иметь представление об этих странах. Но именно им и Испании они не уделили отдельных изображений и описаний, объяснение чему нигде не дается. Вероятная причина могла быть обусловлена оставленной еще Маттео Риччи устаревшей к середине XVIII века информацией, что эти земли объединяла общая зависимость от Испанской империи. Получив представление о разнородности и обширности Испанской империи и не желая или не имея объективной невозможности вникнуть в нюансы истории и географии далекой и все же мало известной Европы, составители «Изображений данников» могли испытать затруднения с обозначением Испании и назвать ее расплывчато «Страной Великого Западного океана». И эта страна могла ассоциироваться у них с государством происхождения португальцев, основавшими в Макао колонию – единственную на протяжении почти трех столетий европейскую колонию в Китае, из которой первыми же из европейцев в Пекин пришли Маттео Риччи и другие католические иезуиты, чтобы основать там миссию. К началу XVIII века Испания утратила многие свои владения в Европе. Проживавшие в Макао и Пекине европейские граждане оказались теперь уже подданными Португалии, а название «Страна Великого Западного океана» могло автоматически закрепиться за ней и перекочевать в китайские официальные документы и сочинения XIX века.

2) Черные рабы из «Страны Великого Западного океана»

На картинках показаны африканцы¹³. Голова мужчины покрыта простеньким беретом. Одет он

в просторную рубаху и свободные штаны до колен. Подпоясан лентой. Обут в сандалии. Правой рукой опирается на палку. Женщина обмотана двумя кусками ткани, закрывающими верхнюю и нижнюю части тела. Плечи ее открыты. Она также обута в сандалии. В левой руке держит за ручку глубокую похожую на ведро посуду, чем-то наполненную. Оба коротко острижены, с кучерявыми волосами, но черты их лиц нетипичны для людей негроидной расы. В описании о рабах сказано:

«Прислуживающие иноземцам черные рабы – это те, кого в эпоху Тан [(618–907)] называли “куньлуньскими рабами”. В “Истории Мин” тоже есть записи о том, что голландцам служили так называемые “черные демоны”. Они происходят из заморских островов. Вначале, когда приезжают [в Китай] и получают горячую пищу, каждый день страдают от поноса, называют это “привыканием кишок”, некоторые от более умирают. Кто не умирает, может жить долго. Их тела полностью черные как лак. Лишь губы красные, зубы – белые. На голове носят красные фетровые шляпы, одеваются в короткие разноцветные рубашки из грубой шерсти. Постоянно держат в руках палки. Женщины повязывают на шее куски цветной ткани, обнажают грудь и спину, ходят в коротких юбках без белья. На руках и ногах носят браслеты. Мужчины и женщины плетут себе обувь из полосок черной травы – в ней удобно работать. Иноземцы рассаживаются беспорядочно, черные рабы подают им пищу. Остатки еды складывают в одну посудину, напоминающую кормушку для лошадей. Черные рабы и рабыни руками едят [ее]. Иноземцы живут в многоэтажных домах, черных рабов селят внизу. Если хозяин сочтет раба отвратительным, заточит его в оковы и до конца дней не даст ни с кем соединиться, чтобы не плодил себе подобных»¹⁴.

Во фрагменте описаны африканские невольники, привозившиеся в Китай европейцами. Примечательно то, что в описании составители переосмысливают известия о черных рабах, обратившись к прецедентам исторического прошлого Китая. Из произведений литературы танской династии (например, знаменитых танских новелл) им было известно, что уже тогда черные рабы были известны китайцам и назывались «куньлуньскими»¹⁵. В ту пору Китай вступал с внешним миром в активные торговые и культурные отношения. Китайские караваны и путешественники ходили далеко на запад за горы Куньлунь. Оттуда вместе с необычными товарами привозили также черных рабов. Куньлуньские горы тогда казались китайцам краем земли, поэтому и экзотические рабы ассоциировались с ними.

Оперирование обилием мелких деталей (точное определение диагноза, указание на материал, из которого изготавливались обувь, предметы одежды и проч.) при изложении некоторых, порой даже весьма неожиданных, известий создает ощущение их достоверности, как будто все они были зафиксированы в результате личных наблюдений или почерпнуты из уст объективных очевидцев. При этом авторы не упускают возможности лишний раз напомнить читателю

о дикости даже состоятельных чужеземцев, которые не только «рассаживаются беспорядочно» (то есть не имеют понятия об этикете), но также крайне жестоко (нарушая принцип гуманности и человеколюбия *жэнь*) обращаются со своими рабами.

3) Духовные лица из «Страны Великого Западного океана»

На рисунках изображены христианские священнослужители¹⁶. Лицо монаха имеет азиатские черты, но он с нетипичной для китайцев пышной бородой. На его голову надета биретта. Облачен он в длинную сутану, подпоясан шнуром. На плечи накинута мантия. В левой руке держит книгу (очевидно, Библию), в правой – нечто, похожее на кошель. Монашка одета в тунику и мантию. Ее голова и шея закрыты монашеским кофтом с белым наплечием. Им обоим посвящено следующее описание:

«В стране Великого Западного океана есть два правителя – религиозный и мирской. Торговля относится к мирским делам. [Связанные] с монахами – религиозные дела. Они поклоняются образу Небесного Отца – Иисуса. Иноземцы верят в него и почитают его. По важным делам они не могут принять решения и обязательно спрашивают Его волю. Их духовные руководители обривают голову, отращивают усы и бороду. Носят черную похожую на ведро шапку и черное же одеяние. Перемещаются под балдахинами и со стягами, под охраной молодых монахов. Когда мужчины и женщины видят их, тотчас падают ниц, касаются их ног, ждут, когда пройдут, и поднимаются. Все их служители, посещавшие столицу [Пекин], имели бороды, знали китайский язык и умели изготавливать технические инструменты.

Монашки в странах Великого Западного океана обматывают шею и грудь белой тканью, носят черную одежду и закрываются черной вуалью, носят черные пояса и черную обувь. Иностранцы особое уважение оказывают монашкам. Когда девушка уходит в монастырь, вся ее семья вступает в родство с божественными силами. Если совершивший тяжкое преступление получит от монашки письменное заступничество, ему смягчат наказание. Но она изначально должна пожертвовать в общину тысячное состояние. Уйдя в монастырь, до конца дней не сможет покинуть его. В Макао монахи живут в Соборе Святого Павла и Церкви Святого Августина. У монашек тоже есть отдельный монастырь, их религиозные предписания весьма строги»¹⁷.

Собственно, здесь говорится о католических миссионерах, проживавших в Макао еще с конца XVI века. Предметы носившейся ими одежды и особенности их почитания верующими описаны узнаваемо точно. Стоит предположить, что и здесь источником информации для составителей могли служить личные наблюдения, сведения людей, тесно общавшихся с миссионерами или другими европейцами.

Отнесение составителями проживавшего в Макао духовенства к «Стране Великого Западного океана» позволяет увидеть в этом лишнее подтверждение возможности того, что под ней могли подразумеваться конкретные европейские государства – Испания и Португалия.

4) Пара из «Страны Малого Западного океана»

На рисунке показаны мужчина и женщина, имеющие европейские черты лица и одетые в европейскую одежду¹⁸. Мужчина в треуголке и длинном безрукавном плаще с пелериной, из-под которого выглядывают камзол, кюлоты, чулки и туфли. Женщина в длинном платье с глубоким разрезом и передником. Голова ее покрыта платком, падающим на плечи. В комментарии о них сказано:

«[Страна] Малого Западного океана от Китая находится на расстоянии 10 000 *ли* [около 5000 км)]. Подчиняется [стране] Великого Западного океана. Присылается чужеземный начальник, который управляет ею. Одежда, головные уборы и внешность [людей] примерно подобны [людям страны] Великого Западного океана. Постоянно носят плащи, под которыми прячут оружие. Женщины покрывают голову темными платками, носят длинные платья, повязывают спереди парчовые передники, закатывают рукава. Ходят в кожаной обуви. С удовольствием занимаются рукоделием, пользуясь схемами для вышивания»¹⁹.

Судя по описанию, данная страна находилась в колониальной зависимости от «Да-сиян-го». По сообщаемой здесь информации установить ее географическое положение невозможно. Расстояние в 10 000 *ли* в традиционной китайской культуре никогда не понималось буквально, так как имело оттенок гиперболизации и символизировало трудноизмеримую удаленность объектов друг от друга или протяженность. Например, если перевести на русский китайское название Великой китайской стены, то оно будет звучать как «Стена в десять тысяч *ли*» (*Вань ли чан чэн*,

万里长城), и никто не понимает его буквально. На карте Маттео Риччи «Малым Западным» назван Индийский океан. Поэтому в тексте речь может идти о некоей европейской колонии в Индийском океане – в Африке, Южной или Юго-Восточной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если свести воедино информацию, содержащуюся в комментариях к восьми рисункам жителей стран «Великого» и «Малого» Западных океанов, соотнести ее с данными «Истории Мин» и карты мира Маттео Риччи, то можно прийти к выводу, что однозначно локализовать их земли едва ли удастся. Мы смогли определить лишь примерное географическое положение этих стран, установить, что «Да-сиян-го» находится в Европе, а «Сяо-сиян-го» – в бассейне Индийского океана. «Да-сиян-го» имеет четыре варианта интерпретации. Ею могла быть названа любая европейская страна или совокупность европейских стран. Ею же могла быть названа и конкретная страна или ее часть. В последнем случае мы имеем в виду Испанскую империю XVII века, когда в нее входили большая часть Италии и Португалии со всеми ее колониями. Также под «Да-сиян-го» могла подразумеваться только Португалия, потому что в описаниях ее жителей упоминаются европейцы и их прислуга, проживавшие на территории Китая в Макао. Кроме того, сочетание «Да-сиян-го» используется для обозначения Португалии в китайских источниках XIX века. «Сяо-сиян-го» – колония «Да-сиян-го» в Индийском океане.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00218 Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан цин чжи гун ту») и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Китайские рукописи и ксилографы Публичной библиотеки: Систематический каталог / Сост. К. С. Яхонтов; Науч. ред. Ю. Л. Кроль. СПб.: РНБ, 1993. С. 36.
- ² Каталог фонда китайских ксилографов Института Востоковедения АН СССР: В 3 т. / Сост. Б. Б. Вахтин, И. С. Гуревич и др. М.: Наука, 1973. Т. 1. С. 291–293.
- ³ 皇清职贡图. 九册. 北京: 武英殿, 1790年. 第1册. 79页. 第49-a页 (Изображения данников правящей династии Цин: В 9 т. Пекин: Уиндянь, 1790. Т. 1. С. 49-a).
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Там же. С. 33.
- ⁶ Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983. Т. 3. С. 621.
- ⁷ Бичурин Н. Я. Сведения о Европе, сообщенные китайцам католическими вероисповедниками // Отечественные записки. 1845. Т. 40. № 6. Отд. 8. С. 91–97.
- ⁸ 利玛窦. 万国全图. 1601年. 1页. (Маттео Риччи. Полная схема всех земель. 1601. 1 с. (рукопись)).
- ⁹ 谢清高. 海录. 2卷. 友蟬精舍, 1870年. 91页. 第2卷. 38页. 第14-6页 (Се Цингао. Записки о морях: В 2 т. Юнь-циншэ, 1870. Т. 2. С. 14-6).
- ¹⁰ 皇清职贡图. 第1册. 第34页 (Изображения данников правящей династии Цин. Т. 1. С. 34).
- ¹¹ Там же. С. 36.
- ¹² Там же. С. 38.
- ¹³ Там же. С. 40.
- ¹⁴ Там же. С. 41.
- ¹⁵ Пэй Син. Кульдунский раб // Танские новеллы. М.: Гослитиздат, 1960. С. 119–124.
- ¹⁶ 皇清职贡图. 第1册. 第42页 (Изображения данников правящей династии Цин. Т. 1. С. 42).
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ Там же. С. 44.
- ¹⁹ Там же. С. 45.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аюбов А. Р. Вопросы топонимики и локализации столичных городов Ферганы в китайских источниках и в современной историографии // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. 2019. № 1 (78). С. 5–14.
2. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
3. Дубровская Д. В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Крафт: Институт востоковедения РАН, 2000. 256 с.
4. Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 111–114.
5. Миронова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 114–116.
6. Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системы в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 116–117.
7. Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 117–119.
8. Спешнев Н. А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2014. 336 с.
9. Харитонova А. М. Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 119–122.
10. Харитонova А. М. История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 43–50.
11. Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан цин чжи гун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: Каро, 2019. С. 122–124.
12. Шавкунов Э. В. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 52–70.
13. Шакумов Э. Н. Локализация гидронима Хэйшуй и проблема этнической принадлежности «амурских чжурчженей» // Проблемы археологических исследований на Дальнем Востоке СССР: Материалы XIII Дальневосточной научной конференции по проблемам отечественной и зарубежной историографии. Владивосток, 1986. С. 51–62.
14. Steinmann A. Die Schweiz in chinesischer Darstellung (Ein Kuriosum chinesischen Geschichtsschreibung aus dem 18. Jahrhundert) // Sinologica. 1953. Vol. 3. No 3. P. 97–99.
15. 孙正甲, 镜泊湖即温洲湖说置疑 // 北方文物, 1986年, № 1. 第102–104页。(Сунь Чжэнцзя. Сомнения относительно утверждения, будто озеро Цзиньбоху – это озеро Мэйтоху) // Памятники культуры севера. 1986. № 1. С. 102–104).
16. 图文天下——明清舆地学要籍. 北京: 紫禁城出版社, 2011年. 144页。(Географическое описание Поднебесной – Основные сочинения по географии эпох Мин и Цин. Пекин: Запретный город, 2011. 144 с.)
17. 张廷玉等撰. 列传第二百十三, 外国七: 意大利 // 明史. 28册. 北京: 中华书局, 1974年. 8642页. 第8册. 第8459页。(Чжан Тинъюй и др. Отдельные описания 213. Зарубежные страны 7: Италия // История Мин: В 28 т. Пекин: Китайское издательство, 1974. Т. 28. С. 8459–8462).
18. 中外旧约章汇编. 王铁崖编. 3册. 北京: 三联书店, 1957–1962年. 第1册. 1046页。(Собрание старых договоров Китая с иностранными государствами: В 3 т. / Под ред. Ван Тяня. Пекин: Триада, 1957–1962. Т. 1. 1046 с.)

Поступила в редакцию 19.07.2019

Dmitrii I. Maiatskii, PhD in Philology, Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russian Federation)
d.maiatsky@spbu.ru

**PROBLEM OF IDENTIFICATION OF “DA-XIYANG-GUO” AND “XIAO-XIYANG-GUO”
STATES IN ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE QING EMPIRE***

This article deals with one of many problems which may be raised by scholars during the study of the Chinese historical and ethnographic book *Illustrated Tributaries of the Qing Empire* (Huang Qing zhi gong tu), issued in the second half of the XVIII century in Beijing. It is the problem of identification of several geographical names mentioned in this book. Particular attention is paid to two mysterious lands – so-called “Country of the Great Western Ocean” (“Da-xiyang-guo”) and “Country of the Small Western Ocean” (“Xiao-xiyang-guo”). For the first time the author of this paper translates fragments containing descriptions of the inhabitants of these lands into Russian, analyzes them, and explores the pictures attached to them. After investigating the textual and graphic materials of the book and comparing its contents with an old world map “The Complete Scheme of All Lands” (“Wanguo Quantu”) and *The History of Ming*, the author assumed that the name “Da-xiyang-guo” could have at least four meanings, and could indicate an abstract European state, a group of European states, the Spanish Empire at its peak in the XVII century, or Portugal. The phrase “Xiao-xiyang-guo” is supposedly used in the book to indicate the European, Spanish or Portuguese colonies in the Indian Ocean. The article also reveals the image of the inhabitants of these countries in the book. The paper is intended to attract attention of the scholars, who investigate *Illustrated Tributaries of the Qing Empire* and some other old Chinese sources, to the issue of the correct interpretation of “Da-xiyang-guo” and “Xiao-xiyang-guo”.

Keywords: imagology, history of China, tributaries, contacts between China and Europe, China and Europe, image of Europe in China, translation of “Huang Qing zhi gong tu”

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 19-09-00218 “The Chinese historico-ethnographic album *Illustrated Tributaries of the Qing Empire* (Huang Qing zhi gong tu) and its role in studying the Chinese worldview on other countries and nations in the mid-eighteenth century”.

For citation: Maiatskii D. I. Problem of identification of “Da-xiyang-guo” and “Xiao-xiyang-guo” states in *Illustrated Tributaries of the Qing Empire*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 23–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.408

REFERENCES

1. Ayubov A. R. Issues of toponymy and localization of the capital cities of Fergana in Chinese sources and in modern historiography. *Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Series: Humanities*. 2019. No 1 (78). P. 5–14. (In Russ.)
2. Gorelov V. I. Theoretical grammar of the Chinese language. Moscow, 1989. 318 p. (In Russ.)
3. Dubrovskaya D. V. Mission of the Jesuits in China. Matteo Ricci et al. (1552–1775). Moscow, 2000. 256 p. (In Russ.)
4. Maiatskii D. I. Traditionalism and innovation: a woodcut *Huang Qing Zhi Gong Tu* and its place in a series of Chinese albums dedicated to “tributaries”. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 111–114. (In Russ.)
5. Mironova T. S. The specifics of the anthropological and ethnographic content of the Chinese xylographic album *Illustrated Tributaries of the Ruling Qing Empire* (XVIII century). *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 114–116. (In Russ.)
6. Samoylov N. A. The evolution of ideas about the Chinese world order and the tributary system in the Qing era. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 116–117. (In Russ.)
7. Somkina N. A. *Huang Qing Zhi Gong Tu* as a source of information about Central Asia in the XVIII century. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 117–119. (In Russ.)
8. Speshnev N. A. The Chinese. Features of national psychology. St. Petersburg, 2014. 336 p. (In Russ.)
9. Kharitonova A. M. Studying the Chinese xylograph of *Illustrated Tributaries of the Ruling Qing Dynasty* in Russia and Europe. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 119–122. (In Russ.)
10. Kharitonova A. M. History of studying the Chinese xylograph of *Illustrated Tributaries of the Ruling Qing Dynasty*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. № 6 (183). P. 43–50. (In Russ.)
11. Cherevko M. V. Nature of information about the peoples of Southeast Asia in the Qing album *Huang Qing Zhi Gong Tu*. *XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asia and Africa: on the Occasion of the 150th Anniversary of Academician V. V. Barthold (1869–1930)*. St. Petersburg, 2019. P. 122–124. (In Russ.)
12. Shavkunov E. V. The experience of the reconstruction of ancient ethnonyms in hieroglyphic records. *The latest archaeological research in the Far East of the USSR*. Vladivostok, 1976. P. 52–70. (In Russ.)
13. Shakkumov E. N. The localization of the “Heishui” hydronym and the problem of ethnicity of the “Amur Jurchen”. *Problems of archaeological research in the Far East of the USSR: Proceedings of the XIII Far Eastern Scientific Conference on the Problems of Domestic and Foreign Historiography*. Vladivostok, 1986. P. 51–62. (In Russ.)
14. Steinmann A. Die Schweiz in chinesischer Darstellung (Ein Kuriosum chinesischen Geschichtsschreibung aus dem 18. Jahrhundert). *Sinologica*. 1953. Vol. 3. No 3. P. 97–99.
15. 孙正甲, 镜泊湖即渭沱湖说置疑 // 北方文物, 1986年, № 1. 第102–104页。
16. 图文天下——明清舆地学要籍。北京: 紫禁城出版社. 2011年. 144页。
17. 张廷玉等撰. 列传第二百十三. 外国七: 意大利里亚 // 明史. 28册. 北京: 中华书局, 1974年. 8642页. 第8册. 第8459页。
18. 中外旧约章汇编。王铁崖编. 3册. 北京: 三联书店, 1957–1962年. 第1册. 1046页。

Received: 19 July, 2019

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА ЗИНИНА

научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства филиала ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация)
olg-zinina@yandex.ru

ДЕРЕВЯННЫЕ ЧАСОВНИ УСТЬМОШСКОГО ПРИХОДА. НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ*

Статья посвящена не изученным ранее деревянным часовням конца XVIII – начала XX века одного из древнейших приходов Каргополья. В задачи работы входит изучение исторических источников по рассматриваемым объектам, раскрытие их строительной истории. Целью исследования является выявление своеобразия архитектурно-конструктивных решений часовен путем их сопоставления с аналогами и рассмотрения в контексте деревянного зодчества региона в целом. Материалы статьи основываются на историко-архивных изысканиях и натурных обследованиях построек. Выявленные архитектурные особенности исследуемых часовен соответствуют характеру распространения традиций деревянного зодчества Поонежья. Таким образом, новые исторические исследования позволили ввести в научный оборот малоизвестные объекты, раскрыть их историю, изучить архитектуру и в целом пополнить знания о деревянных памятниках Русского Севера.

Ключевые слова: русское деревянное зодчество, деревянные часовни, Устьмошский приход, архивные источники

Для цитирования: Зинина О. А. Деревянные часовни Устьмошского прихода. Новые исторические исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.409

ВВЕДЕНИЕ

Деревянные часовни относятся к отдельному и особенному типу традиционных построек. По своему устройству, с одной стороны, они приближены к простейшему жилью и соответствуют ему по своей плановой структуре. С другой стороны, по формам они напоминают церкви. По сути это та же церковь, но без алтаря и небольшого размера. Благодаря конструктивным особенностям сруба, при необходимости часовню могли перестроить в церковь, прирубив алтарь или перебрав ее. Известны случаи, когда перестраивали амбары. Так, например, моленное помещение часовни Кирика и Иулиты в деревне Воробьи Медвежьегорского района Республики Карелия первоначально представляло собой амбар [5: 106]. Георгиевская церковь в деревне Большой Бор Онежского района, наоборот, вначале была часовней и лишь в конце XIX века подверглась перестройке [11: 201].

Часовни являются широко распространенным типом сооружения, характерным именно для русской архитектуры. Их строили в первую очередь в деревнях, удаленных от главного приходского храма. В плане они состоят из основного объема и притвора либо основного объема и закрытой или открытой паперти. Самые простые строения представляют собой одну лишь клеть моленного помещения. К такому типу относятся в том числе и часовни-реликварии для хранения поклонных крестов. На сегодняшний день известно две таких постройки – это часовня Спаса Нерукотвор-

ного Образа на Муезере [3: 70] и Троицкая часовня в Кемии рядом с Успенским собором. Несмотря на отсутствие алтаря и, как правило, скромные размеры, они могли иметь два молитвенных помещения, как, например, часовня Николая Чудотворца и Илии Пророка в деревне Чуйнаволок Пряжинского района Республики Карелия. В формах часовен мы также встречаем большое разнообразие: от простейших клетских под двускатной крышей до островерхих клинчатых, шатровых или с завершением бочкой. Известна даже часовня с кубоватым покрытием в деревне Новины Плесецкого района и ныне утраченная. Клинчатые постройки были широко распространены в бассейне реки Онеги и Северной Двины [1: 54–57]. О шатровых сооружениях этого типа на сегодняшний день мы имеем довольно скудное представление. Отдельные часовни встречаются в Каргопольском районе – Крестовоздвиженская в деревне Савинская (Зимницы), в Шенкурском районе – Крестовоздвиженская в деревне Едьма, в Пинежском районе – Никольская в Усть-Ёжуге и Георгиевская в Шотогорке. Единственная сохранившаяся часовня с завершением бочкой над основным объемом находится в деревне Дывлевская (Котажка) Шенкурского района. [2: 259]. На берегу Онеги в деревне Маркомусы Плесецкого района располагалась еще одна подобная постройка с завершением бочкой, ныне утраченная [7: 86].

Несмотря на проведенные ранее исследования, в научных представлениях об архитектуре,

типологии и эволюции часовен имеются лакуны. Наиболее значительные труды были опубликованы В. П. Орфинским и И. Е. Гришиной [16: 31–67]. Большая работа по изучению часовен Карелии была проделана Ларсем Петтерссоном в 1940-е годы. По Архангельской области обзорную книгу по часовням, не претендующую на подробные исследования, выпустил К. Г. Головкин [6: 23–199]. Отдельной работой, заслуживающей внимания, стала книга Е. В. Платонова, раскрывающая историю и многообразие часовен Тихвинского уезда Новгородской губернии [17: 59.] Благодаря изысканиям Н. П. Лютиковой нам известно о строительстве и разборке часовен в первой трети XVIII века [12: 155], [13: 13].

В настоящей статье рассматриваются деревянные часовни ранее не изученного прихода. Исследование нацелено на получение более полных представлений об архитектуре северорусских часовен и развитии местных традиций. Методика работы основана на изучении архивных исторических источников, проведении натурных обследований, историко-архитектурном анализе форм и привлечении аналогов. По результатам исследований проведен сравнительно-типологический анализ исследуемых объектов и теоретически осмыслен собранный материал.

Устьмошский приход является одним из древнейших на Каргополье, известен с начала XVI века. Расположен он по берегам реки Онеги и одного из ее крупнейших притоков – реки Моши. Реки эти с древнейших времен являлись важными торговыми путями. Не случайно в конце XVI века в Усть-Моше была построена первая деревянная крепость, валы от которой можно увидеть и сегодня [14: 178], [15: 5]. На территории острога располагались главные приходские деревянные храмы. В документах Олонецкой духовной консистории, в ведомости о церкви Устьмошского погоста Каргопольского уезда Олонецкой епархии за 1863 год, указано:

«1. В Устьмошском погосте находятся четыре церкви. 1. В честь Рождества Христова, 2. В честь Благовещения Божией Матери, 3. в честь Сошествия Святого Духа на апостолов и 4. Во имя Святого Филипа Митрополита Московского»¹.

Существует упоминание, что помимо храмов в приходе было:

«Часовен 8, все деревянные, четвероугольные, построены при струйных водах, куда делаются из часовен крестные ходы и отправляется служба для освящения тех вод» [18: 261].

В середине XIX века в приходе уже насчитывалось десять деревянных часовен, расположенных по берегам рек, в деревнях: Федово, Сысово, Зашондомье, Алферово, Боброво, Пуминово, Бураково, Залесская, Горка, в селе Богданово² (рис. 1).

От некогда богатого прихода до наших дней дошли лишь несколько деревянных часовен.

Рис. 1. Карта-схема Устьмошского прихода: 1 – Устьмошская крепость; 2 – Зашондомье; 3 – Алферово; 4 – Боброво; 5 – Сысово; 6 – Село Богданово; 7 – Пуминово; 8 – Залесская; 9 – Бураково; 10 – Горка; 11 – Федово; 12 – Зинов; 13 – Прохново

Figure 1. Map of the Ustmoshsky parish: 1 – Ustmoshskay fortress; 2 – Zashondomye; 3 – Alferovo; 4 – Bobrovo; 5 – Sysovo; 6 – The village of Bogdanovo; 7 – Puminovo; 8 – Zaleskaya; 9 – Burakovo; 10 – Gorka; 11 – Fedovo; 12 – Zinovo; 13 – Prohnovo

Основная их часть была утрачена в середине XX века. На сегодняшний день о большинстве из этих построек мы располагаем лишь небольшой информацией по архивным документам, а о внешнем облике имеем довольно смутные представления.

Часовня в деревне Зашондомье является сохранившейся в самом лучшем состоянии постройкой Устьмошского прихода. В документе за 1863 год сказано:

Часовня «Святого Великомученика Георгия при деревне Зашендомье в 5 вер. от церкви, деревянная, построена жителями того селения неизвестно когда. Богослужение отправляется во дни рождества Иоанна Предтечи и великомученика Георгия...»³.

Аналогичная информация содержится в ведомостях о церкви Устьмошского погоста Каргопольского уезда Олонецкой епархии за 1865, 1866, 1869 годы.

Деревянная часовня великомученика Георгия Победоносца и Иоанна Предтечи расположена на высокой стрелке в окружении двух рек – Шондомы и Моши. Предположительно ее можно датировать концом XVIII – началом XIX века, согласно конструктивным особенностям и деталям. В плане часовня представляет собой простую прямоугольную клеть, рубленную «в обло». Строение выделяется высоким рубленным клинчатым завершением с повалом, которое некогда венчала главка с крестом. Вход в постройку осуществляется с запада через открытое крыльцо, ныне утраченное. Стены внутри часовни отесаны, потолок из досок «в разбеж-

ку» по поперечной балке не сохранился. Часовня имеет два окна – двойное южное и одинарное северное. Стены снаружи сохранили фрагменты обшивки, по всем признакам относящейся к началу XX века.

Сохранилось описание данной часовни, составленное в 1910 году во время переписи церковного имущества и страховой оценки:

«Деревянная, обшита тесом, покрашена масляной (желтой) краской; крыта тесом на гвоздь. Размеры часовни 2 ½ сажени на 2 сажени. Окно в ней одно двойное, шириной 4 четверти и высотой 6 четвертей и другое окно шириной 3 четверти и вышиной 4 четверти. Двери одни, не створчатые. Внутренняя высота 1 сажень 4 четверти. Иконостас в один ярус, высотой 7 четвертей и длиной 2 сажени. Оценена в 100 руб.»⁴.

До 2017 года, когда были проведены противоаварийные работы, постройка находилась в аварийном состоянии (рис. 2). О том, как она выглядела до обрушения, помимо архивных источников мы можем судить и по нескольким фотографиям, выполненным В. И. Котовским в 1948 году во время Северно-Великорусской экспедиции⁵.

Рис. 2. Часовня великомученика Георгия Победоносца и Иоанна Предтечи в деревне Зашондомье.

Фото из архива В. Козлова, 1970-е годы

Figure 2. Chapel of the Great Martyr George the Victorious and John the Baptist in the village of Zashondomye.

Photo from the archive of V. Kozlov, 1970s

Облик деревянных часовен Устьмошского прихода из деревень Алферово и Боброво нам известен благодаря фотографиям К. Ф. Некрасова 1910-х годов⁶. При ближайшем рассмотрении становится очевидным их явная связь с часовней в Зашондомье. Все они отличаются высоким островерхим клинчатым завершением, схожим по пропорциям. Здесь можно говорить о явном повторении форм в отдельно взятом приходе, когда одна часовня строилась по подобию другой.

Часовня в деревне Алферово была построена в честь Казанской иконы Божией Матери, располагалась в трех верстах от церкви. Праздничный

молебен проводился здесь два раза в год – 8 июля и 22 октября⁷.

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита и окрашена. Длины 3 сажени, ширины 2 ½ сажени, высоты 2 сажени 13 вершков. Окон два, 7 x 6 четвертей. Внутри высота 14 четвертей, иконостас длиной 6 аршин, высотой 3 аршина. Оценена в 100 руб»⁸.

В единственной публикации эта постройка ошибочно отнесена к Черевковскому району Архангельской области [7: 86]. На фотографии К. Ф. Некрасова на западном фасаде мы видим небольшое окошко, расположенное справа от входной двери (рис. 3). Точно такое же окошко, а вернее, щель в двух смежных бревнах обнаруживаем и на часовне в Зашондомье. Со стороны интерьера в этом месте топором выбрана ниша, которая служила для установки «кружки» – емкости для сбора пожертвований. Подобный прием расположения «кружки» очень характерен для деревянных часовен Каргополья и встречается в других приходах, например, на часовне Макария Унженского из деревни Забивкина Каргопольского района и на часовне Флора и Лавра в деревне Карельская Плесецкого района Архангельской области.

Рис. 3. Часовня Казанской иконы Божией Матери в деревне Алферово. Фото К. Ф. Некрасова, из коллекции Чемесова, 1910 год

Figure 3. Chapel of the Kazan Icon of the Mother of God in the village of Alferovo. Photo by K. F. Nekrasov, from the collection of Chemesov, 1910

На другой фотографии К. Ф. Некрасова мы видим часовню Святой великомученицы Варвары, располагавшуюся в 10 верстах от церкви, в деревне Боброво. Богослужение здесь проводилось в первое воскресенье Петрова поста и в день Святой Варвары – 4 декабря⁹.

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита и окрашена. Длины 3 сажени, ширины 2 сажени, высоты 2 сажени до крыши, а всей высоты 4 сажени 1 аршин. Окон два, 1 ¼ x 1 аршин. Иконостас длиной 5 аршин 4 вершка, высотой 3 аршина 3 вершка. Оценена в 100 руб»¹⁰.

Судя по фотографии, часовня имела галерею-паперть. Это ее отличительная черта от двух предыдущих построек. На южном фасаде располагалось сдвоенное окно, как у часовни в Зашондомье (рис. 4).

Рис. 4. Часовня Святой великомученицы Варвары в деревне Боброво. Фото К. Ф. Некрасова, из коллекции Чемесова, 1911–1913 годы
Figure 4. Chapel of the Holy Great Martyr Barbara in the village of Bobrovo. Photo by K. F. Nekrasov, from the collection of Chemesov, 1911–1913

Благодаря фотофиксации 1970-х годов и натурным исследованиям мы имеем представление о часовне в деревне Сысово (рис. 5). К сожалению, на сегодняшний день она находится в руинированном состоянии. Часовня также имела клинчатое завершение, но выглядело оно уже иначе. Верх ее невысокий и довольно широкий, не походит на островерхие завершения ранее рассмотренных объектов. Известна ее датировка:

«...стоящая при деревне Сысовой, в 1820 году по Высочайшему повелению блаженной памяти Александра I, в приезде его к городу Архангельску, на построение которой от щедрот его императорского величества пожертвовано крестьянину той деревни Сысовы Алексею Херкову, который имел счастье ходатайствовать об оной часовни, полтораста рублей» [18: 261].

Известно и посвящение часовни – во имя Рождества Пресвятой Богородицы, располагалась она в пяти верстах от приходской церкви. Богослужения проводились в день Пятидесятницы и на Рождество Богородицы. Из страховой оценки следует, что часовня

«Бревенчатая, крыта тесом, обшита. Длины 3 сажени 1 аршин, ширины 5 ½ аршина, высоты до карниза 5 аршин, а до креста 12 аршин. Окна два. Внутри длина 6 аршин, ширина 4 ½ аршина, высота 3 аршина. Иконостас длиной 4 аршин, высотой 1 ½ аршина. Оценена в 70 руб»¹¹.

Часовня в селе Богданово находилась в трех верстах от церкви, построена в честь Воздвижения Животворящего Креста Господня. Богослужения проводились в день Живоносного источника и на Воздвижение [14: 178].

«Постройка бревенчатая, крыта тесом, обшита и окрашена. Длины 2 сажени, ширины 2 сажени, высоты до карниза 1 сажень 2 вершка. Окно одно, 5 x 4 четвертей, дверь одна. Иконостас длиной 2 сажени, высотой 1 сажень. Оценена в 120 руб»¹².

На крыльце часовни висел деревянный ящик для пожертвований. Рядом с ним был закреплен

каменный крест, который по легенде приплыл во время ледохода к берегу малой Онеги. Часовня была утрачена в 1930-е годы [10: 10].

Рис. 5. Часовня Рождества Пресвятой Богородицы в деревне Сысово. Фото из паспорта объекта, 1974 год
Figure 5. Chapel of the Nativity of the Blessed Virgin Mary in the village of Sysovo. Photo from the passport of the object, 1974

Об остальных часовнях нам известно только лишь из страховых оценок начала XX века. Часовня в деревне Пуминово в честь Успения Божией Матери располагалась в пяти верстах от церкви. Празднества проводились в день Сошествия Святого Духа и в Успение Божией Матери [14: 178].

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита. Длины 9 аршин, ширины 5 ½ аршина, высоты до карниза 6 аршин, а до креста 13 аршин. Окна два, по 5 четвертей. Внутри длина 6 аршин, ширина 5 аршин, высота 14 четвертей. Иконостас длиной 5 аршин, высотой 2 аршина. Оценена в 100 руб»¹³.

Часовня в деревне Залесская находилась в трех верстах от церкви, освящена в честь Святого Илии Пророка. Церковная служба проводилась 20 июля [14: 178].

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита снаружи и внутри, окрашена. Длины 5 ½ аршин, ширины 5 ¼ аршин, высоты до карниза 6 аршин, а всей высоты 12 аршин. Окно одно в 5 четвертей. Внутри длина и ширина 4 ¼ аршина, высота 13 четвертей. Иконостас длиной 4 ¼ аршина, высотой 13 четвертей. Оценена в 200 руб»¹⁴.

Часовня в деревне Бураково была освящена в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Церковная служба проводилась один раз в год – 26 июня [14: 178].

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита и окрашена. Длины 3 сажени, ширины 2 сажени, высоты до карниза 6 аршин, а всей высоты 4 ½ сажени. Окна два, 5 x 4 четверти. Внутри длина 2 сажени, ширина 5 аршин, высота 3 аршина. Иконостас длиной 5 аршин 1 вершок, высотой 3 аршина 9 вершков. Оценена в 200 руб»¹⁵.

Часовня в деревне Горка располагалась в двух верстах от церкви, была освящена в честь преподобного Макария Унженского. Богослужения проводились 25 июля [14: 178].

«Часовня бревенчатая, крыта тесом, обшита и окрашена. Длины 3 сажени, ширины 2 сажени 1 аршин, высоты до карниза 7 аршин, а всей высоты 4 сажени 2 аршина. Окон три, 4 х 3 четверти. Внутри высота 14 четвертей. Иконостас длиной 6 аршин, высотой 14 четвертей. Оценена в 100 руб»¹⁶.

Часовня в честь мучеников Флора и Лавра находилась в деревне Федово, в трех верстах от церкви. В отличие от всех рассмотренных построек, о ней известно, что она была построена в 1855 году крестьянином Григорием Аггеевым Поздняковым. Богослужение проводилось один раз – 18 августа¹⁷. Судя по страховой оценке, это была часовня с самым богатым убранством:

«Часовня бревенчатая, обшита тесом, окрашена желтой краской, крыта железом, крашенным зеленой краской. Длины 2 сажени 1 аршин, ширины 2 сажени 1 аршин, высоты 2 сажени, а до князька 3 сажени. Два итальянских окна ширины 2 аршина и высоты 2 ½ аршина. Дверь одна створчатая, другая железная решетчатая. Иконостас длиной 2 сажени, высотой 5 аршин. Оценена в 500 руб»¹⁸.

До наших дней на территории Устьмошского прихода сохранились две деревянные часовни, о которых мы не встречаем упоминания в документах XIX и начала XX века. Это часовни в деревне Прохново и Зиново. Из этого можно заключить, что они были построены уже после 1910 года. На фотографии В. И. Котовского 1948 года Георгиевская часовня в деревне Зиново датируется 1925 годом¹⁹. Часовня представляет собой каркасную постройку на рубленом основании в виде восьмигранника (рис. 6). Из-за недолговечности конструкции и отсутствия ухода на сегодняшний день она находится в руинированном состоянии. Часовня в деревне Прохново по форме клинчатого завершения напоминает часовни в деревнях Кириллово Каргопольского района [4: 142] и Ермолинская Шенкурского района [8: 147]. Постройка рублена «в лапу», с западной стороны к ней примыкает каркасный притвор (рис. 7). Несмотря на древнюю форму завершения, по своему конструктивному устройству оно уже далеко от традиции. По сути это стропильная конструкция, имитирующая самцово-слоговую крышу.

Из-за малочисленных архивных сведений о несохранившихся объектах мы не имеем полного представления о том, как выглядели все часовни Устьмошского прихода. Если рассматривать только известные нам постройки, то их можно отнести к двум типам, которые отличаются формой завершения и конструктивным устройством основного объема. К преобладающему типу относится основная часть объектов – это клинчатые часовни с рубленой клетью в основании. Ко второму типу принадлежит лишь часовня в деревне Зиново – каркасная восьмигранная часовня с по-

логим шатровым верхом. Ее завершение также можно трактовать как ярусное.

Рис. 6. Часовня великомученика Георгия Победоносца в деревне Зиново. Фото В. И. Котовского, Северно-Великорусская экспедиция, 1948 год
Figure 6. Chapel of the Great Martyr George the Victorious in the village of Zinovo. Photo by V. I. Kotovsky, North-Great Russian Expedition, 1948

Рис. 7. Неизвестная часовня в деревне Прохново. Фото О. А. Зининой, 2016 год
Figure 7. Unknown chapel in the village of Prokhnovo. Photo by O. A. Zinina, 2016

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании изученных исторических источников и сравнительно-типологического анализа архитектуры объектов можно сделать выводы о преобладании клинчатых с полицами завершений на исследуемых постройках. Это подтверждается и многочисленными аналогами, расположенными в бассейне реки

Онеги. Клинчатые часовни рассматриваемого прихода, в свою очередь, можно разделить на две типологические группы: одни – с островерхими крышами, другие – с невысокими пологими крышами. Часовни в деревне Зашондомье, Алферово, Боброво относятся к островерхим клинчатым постройкам. Ближайшими аналогами являются часовни XVIII–XIX веков: Никольская в селе Вершинино, Сошествия Святого Духа в деревне Глазово и Покровская в селе Коневе Плесецкого района. В отличие от устьмошских построек, приведенные аналоги имеют звонницы со стороны западного фасада. К строениям с невысоким клином относятся часовни в деревне Сысово и Прохново. Их аналогами на близлежащей территории являются часовни Флора и Лавра в деревне Карельская и Никольская в деревне Мартемьяновская (Луги) Плесецкого района.

Клинчатая форма завершения храмов и часовен очень древняя. Среди наиболее старых объектов преобладают островерхие крыши. Самая ранняя существующая церковь с клинчатым покрытием – Ризоположения из села Бородава, от-

носящаяся к концу XV века. Известен также ряд церквей XVII века, среди которых Богородицкая церковь из села Тохтарево в музее «Хохловка», Успенская церковь в Усть-Паденьге, Богоявленская церковь в Елгомском погосте. В древности это был широко распространенный тип храма. Рассмотренный ряд устьмошских часовен и перечисленные аналоги свидетельствуют о жизнестойкости этой традиции в храмовой архитектуре XVIII–XIX веков. И, наконец, часовня в деревне Прохново показывает, что эта форма используется даже в начале XX века. Правда, при повторении древних форм зачастую терялось ее традиционное конструктивное устройство, что было характерной чертой того времени [9: 116].

Выявленная специфика архитектуры часовен Устьмошского прихода позволяет полнее представить своеобразие местных традиций церковного зодчества Русского Севера.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность А. В. Бокареву за предоставленные материалы из архива РГИА.

* Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Министра России и РААСН, тема 1.5.1. «Актуальные проблемы изучения и реставрации памятников деревянного зодчества».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КУ НА РК. Ф. 25. Оп. 12. Д. 28/3. Л. 125, 126.

² Там же. Л. 125, 126.

³ Там же. Л. 125, 126.

⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1100. Л. 46.

⁵ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Оп. 37-3, шифр негатива 31375 (фотографии Котовского В. И. Северно-Великорусская экспедиция, 1948).

⁶ Коллекция Чесесова А. А. Фотографии Некрасова К. Ф. 1910-х годов.

⁷ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 178. Л. 1 об.–2.

⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1100. Л. 32.

⁹ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 178. Л. 1 об.–2.

¹⁰ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1100. Л. 36.

¹¹ Там же. Л. 50.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ Там же. Л. 48.

¹⁴ Там же. Л. 44.

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Там же. Л. 42.

¹⁷ ГААО. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 178. Л. 1 об.–2.

¹⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1100. Л. 52.

¹⁹ Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. Оп. 37-3, шифр негатива 31374 (фотографии Котовского В. И. Северно-Великорусская экспедиция, 1948).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодэ А. Б. «Верх клинчатой». Одна из особенностей деревянных церквей Русского Севера // Архитектурное наследие. 2010. Вып. 53. С. 54–63.
- Бодэ А. Б. Древние московские и новгородские корни в деревянном храмовом зодчестве Русского Севера. М.: Прогресс-традиция, 2019. 496 с.
- Бодэ А. Б., Зинина О. А. Часовня Спаса Нерукотворного бывшего Троицкого Муезерского монастыря // Архитектурное наследие. 2019. Вып. 71. С. 70–78.
- Бодэ А. Б. Малоизвестные памятники Каргопольского района // «Рябининские чтения – 2007». Петрозаводск, 2007. С. 140–143.
- Вахрамеева Т. И., Гришина И. Е., Кистерная М. В., Козлов В. А., Орлов А. В. Строительная история часовни Кирика и Иулиты в Заонежской деревне Воробьи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 6 (151). С. 101–106.
- Головкин К. Г. Деревянные часовни Русского Севера. М.: Институт наследия, 2005. 224 с.
- Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. 288 с.
- Зинина О. А. Георгиевская часовня в деревне Ермолинской. Архитектура и строительная история // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. Вып. VI / Под ред. А. Б. Бодэ. М.; СПб.: Коло, 2018. С. 147–170.
- Зинина О. А., Носкова А. Г., Ходаковский Е. В. Деревянное храмовое зодчество Каргополя второй трети XIX века: Одиотриевская церковь в Малой Шалге и Георгиевская церковь в Замощье // Архитектурное наследие. 2019. Вып. 70. С. 116–133.
- Каменева Н. И. Усть-Моша – 875 лет. Село Богданово. Архангельск: Правда Севера, 2012. 151 с.

11. Ковалевская Т. С. Проявления традиции в архитектуре деревянных храмов Архангельской губернии в XIX веке // *Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. Вып. VII* / Под ред. А. Б. Бодэ. М.: СПб., 2019. С. 198–221.
12. Лютикова Н. П. Пинежские часовни по письменным источникам XVIII–XIX вв. // *Русский Север. Арёалы и культурные традиции* / Ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука, 1992. С. 155–158.
13. Лютикова Н. П. Часовни и кресты на Русском Севере (по письменным источникам) // «Кенозерские чтения – 2009». Архангельск, 2011. С. 13–18.
14. Макаров Н. А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. 432 с.
15. Мильчик М. И. Каргополь: деревянная крепость и остроги на реке Онеге. Документы и графические реконструкции. СПб.: Лики России, 2008. 168 с.
16. Орфинский В. П., Гришина И. Е. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 280 с.
17. Платонов Е. В. Часовни Тихвинского уезда (рубеж XIX–XX вв.). СПб.: Гуманитарная академия, 2011. 304 с.
18. Старицын А. Н. Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда // *Вестник церковной истории*. 2011. № 3/4. С. 261–310.

Поступила в редакцию 10.09.2019

Olga A. Zinina, Researcher, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
 olg-zinina@yandex.ru

WOODEN CHAPELS OF THE USTMOSHSKY PARISH. NEW HISTORICAL RESEARCH*

The article deals with previously unstudied wooden chapels from the period between the late XVIII and the early XX centuries of one of the most ancient parishes of Kargopol. The tasks of the research included studying historical sources on the objects under consideration and tracing their construction history. The aim of the study was to identify the uniqueness of the architectural and constructive solutions of the chapels by comparing them with their analogues and examining them in the context of the wooden architecture of the region as a whole. The article materials were collected through historical and archival research and field investigation of the buildings. The revealed architectural features of the chapels under study correspond to the nature of the spread of wooden architecture in Poonezhye. Thus, new historical studies made it possible to introduce little-known objects into scientific circulation, trace their history, study architecture and as a whole replenish knowledge about the wooden monuments of the Russian North.

Keywords: Russian wooden architecture, wooden chapels, Ustmoshsky parish, archival sources

ACKNOWLEDGMENTS

The author thanks A. V. Bokarev for the provided materials from the Russian State Historical Archive.

* The study was funded by the Russian Federation State Program “Development of Science and Technology” for 2013–2020 as part of the Basic Research Plan of Russia’s Ministry of Construction and the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (topic 1.5.1. “Contemporary problems of study and restoration of wooden architecture monuments”).

Cite this article as: Zinina O. A. Wooden chapels of the Ustmoshsky parish. New historical research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 31–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.409

REFERENCES

1. Bode A. B. “Wedge top”. One of the features of the wooden churches of the Russian North. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 2010. Issue 53. P. 54–63. (In Russ.)
2. Bode A. B. Ancient Moscow and Novgorod roots in the wooden church architecture of the Russian North. Moscow, 2019. 496 p. (In Russ.)
3. Bode A. B., Zinina O. A. Chapel of the Image of the Savior Not Made by Hands from the former Muezersky Trinity Monastery. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 2019. No 71. P. 70–78. (In Russ.)
4. Bode A. B. Little-known monuments of the Kargopol region. “*Ryabinin Readings – 2007*”. Petrozavodsk, 2007. P. 140–143. (In Russ.)
5. Vakhrameeva T. I., Grishina I. E., Kisternaya M. V., Kozlov V. A., Orlov A. V. The construction history of the Chapel of the Holy Martyrs Cyricus and Julitta in the Zaonezhye village of Vorobyi. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015. No 6 (151). P. 101–106. (In Russ.)
6. Golovkin K. G. Wooden chapels of the Russian North. Moscow, 2005. 224 p. (In Russ.)
7. Zabello S., Ivanov V., Maksimov P. Russian wooden architecture. Moscow, 1942. 288 p. (In Russ.)
8. Zinina O. A. St. George Chapel in the village of Ermolinskaya. Architecture and building history. *Wooden architecture. New materials and discoveries*. (A. B. Bode, Ed.). 2018. Issue VI. P. 147–170. (In Russ.)
9. Zinina O. A., Noskova A. G., Khodakovskiy E. V. Wooden church architecture of Kargopol in the second third of the XIX century: the Hodegetria Church in Malaya Shalga and St. George Church in Zamoshye. *Arkhiturnoe nasledstvo*. 2019. Issue 70. P. 116–133. (In Russ.)
10. Kameneva N. I. Ust-Mosha – 875 years. The village of Bogdanovo. Arkhangelsk, 2012. 151 p. (In Russ.)
11. Kovalevskaya T. S. Manifestations of tradition in the wooden church architecture of the Arkhangelsk Governorate in the XIX century. *Wooden architecture. New materials and discoveries*. (A. B. Bode, Ed.). 2019. Issue VII. P. 198–221. (In Russ.)
12. Lyutikova N. P. Pinezhsky chapels according to written sources of the XVIII and the XIX centuries. *Russian North. Areal and cultural traditions*. (T. A. Bernshtam, K. V. Chistov, Eds.). St. Petersburg, 1992. P. 155–158. (In Russ.)
13. Lyutikova N. P. Chapels and crosses in the Russian North (according to written sources). “*Kenozerye Readings – 2009*”. Arkhangelsk, 2011. P. 13–18. (In Russ.)
14. Makarov N. A. Church parishes and monasteries of Kenozerye and central Poonezhye. Arkhangelsk, 2007. 432 p. (In Russ.)
15. Mil’chik M. I. Kargopol: a wooden fortress and prison on the Onega River. Documents and graphic reconstructions. St. Petersburg, 2008. 168 p. (In Russ.)
16. Orfinskij V. P., Grishina I. E. Typology of wooden church architecture of the Russian North. Petrozavodsk, 2004. 280 p. (In Russ.)
17. Platonov E. V. Chapels of the Tikhvin County (the turn of the XX century). St. Petersburg, 2011. 304 p. (In Russ.)
18. Staritsyn A. N. A unique source on the history of the rural parishes of the Kargopol County. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 2011. No 3/4. P. 261–310. (In Russ.)

Received: 10 September, 2019

АРИНА ГЕОРГИЕВНА НОСКОВА

научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, филиала ФГБУ «Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация)
arina-noskova@mail.ru

ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА ХРАМОВОГО КОМПЛЕКСА В КОСМОЗЕРЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ*

Настоящая статья является первой специальной работой о храмах Космозерского погоста, расположенного в центре Заонежского полуострова. До сих пор в литературе не был подробно описан даже единственный оставшийся от него памятник – церковь Александра Свирского. На основе собранных автором архивных источников рассматривается строительная история и архитектурные особенности церкви Успения (1720) и Александра Свирского (1769–1770), колокольни и ограды погоста. В научный оборот вводятся ряд новых документов XIX–XX веков из архивов Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Москвы. Привлекаются ранее не публиковавшиеся материалы исследований данных памятников, проводившихся в XX веке. Статья расширяет знания о храмовом строительстве в Заонежье в XVIII столетии, позволяет сопоставить памятники этого периода с более ранними представителями западно-прионежской архитектурной традиции.

Ключевые слова: деревянное зодчество, Русский Север, Карелия, Заонежье, Космозеро, храмы, архивные источники

Для цитирования: Носкова А. Г. История и архитектура храмового комплекса в Космозере: исследование по архивным материалам // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 38–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.410

ВВЕДЕНИЕ

В различных регионах страны от целых архитектурных направлений в деревянном культовом зодчестве к настоящему времени сохранились лишь единичные их представители. В связи с этим особенно важной видится задача сбора всей возможной информации о них. Как ни странно, даже немногие дошедшие до нас храмы зачастую остаются малоизученными. Мы не знаем «биографии» многих выдающихся памятников XVII–XVIII веков. Цель этой работы – как можно подробнее осветить историю архитектуры Космозерского погоста, собрав все имеющиеся в различных архивах материалы как о сохранившейся церкви Александра Свирского, так и о более ранних, ныне утраченных постройках.

Космозерскому архитектурному ансамблю ранее не посвящалось отдельного исследования. Его храмы впервые были описаны в книге Л. Петтерссона, вышедшей на финском языке в 1950 году [14]. В ней представлены главным образом материалы натурных обследований автора. На страницах отечественных обобщающих трудов о деревянном зодчестве Русского Севера и Карелии в частности церкви в Космозере не попали. Лишь мельком упоминаются они в путеводителе по Обонежью Э. С. Смирновой [11: 75]. Характеристику объемно-пропорционального решения церкви Александра Свирского дает в статье об архитектурном наследии Заонежья В. П. Орфинский [10: 187–188]. М. И. Мильчик опубликовал ряд ценнейших фотографий храмового комплекса

первой половины XX века, которые составляют основу наших знаний о нем. Кроме того, исследователь впервые приводит краткую историческую справку о космозерских церквях [4: 99–103]. Более подробно история и архитектура памятников Космозерского погоста рассматриваются в статье А. Г. Носковой, посвященной шатровым храмам Заонежья XVII–XVIII веков [6: 140–145]. Выявленные за последнее время архивные материалы позволяют вновь обратиться к этой теме, чтобы дополнить и уточнить ранее опубликованные данные.

КОСМОЗЕРО В XVI–XVII ВЕКАХ

О развитии структуры поселений на Космозере в XVI–XX столетиях рассказывают В. П. Орфинский [10: 185–186] и М. И. Мильчик [5: 96–97]. Наиболее ранние сведения о местных деревнях содержатся в писцовой книге 1563 года: «на Космо же озеро, словет Еремеевская» и «на Космозерки, словет Демидовская»¹.

Самыми ранними документами, в которых содержатся упоминания и характеристика внешнего облика заонежских церквей, являются писцовые книги 1616–1619 и 1628–1631 годов [13]. В это время Заонежский полуостров делился на три погоста – Кижский, Шуньгский и Толвуйский. Кижский погост охватывал территорию, доходившую до 60 верст в округе, и объединял девять «выставок» (поселений, имевших свои храмы). Одной из выставок Кижского погоста была Космозерская. В 1620-х годах здесь была по-

строена первая церковь во имя Успения Богоматери. В писцовой книге Никиты Панина и Семёна Копылова 1628–1631 годов значится: «Погост в дер. на Космо ж озере Еремеевская», и сказано: «Поставлена вновь церковь Успения пречистыя Богородицы, теплая, с трапезою, верх шатром»².

На территории, относившейся к Кижскому погосту, к этому времени насчитывалось всего 10 храмов, из них 8 названы «верх шатром» [13: 61–63]. Большая часть этих церквей была построена после шведской интервенции 1610-х годов на месте сгоревших предшественников. Таким образом, именно тип шатрового храма был наиболее распространённым в этой местности с начала XVII века, а возможно, и раньше.

В следующих описях XVII столетия лишь говорится о наличии церкви в Космозере без её описания. «Но в отказной книге на Заонежские погосты письма стольника Брянчанинова 1696 года» ей вновь дается характеристика «шатровая»: «Того ж Кижского погоста волостка на Космозере, а в ней церковь Успения Пресвятей богородицы деревяна, шатровая» [2: 147].

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ (1720), КОЛОКОЛЬНЯ, ОГРАДА

Почти все храмы, построенные в Заонежье в первой трети XVII века, были заменены новыми в основном уже в следующем столетии. Так было и в Космозере, где в 1720 году вместо прежней теплой Успенской церкви был построен одноименный холодный храм. Это также была шатровая церковь, и, скорее всего, по традиции формы предшественницы во многом повторились в ней.

Датируется церковь по храмовданной надписи, шедшей по верху южной стены в интерьере основного объема:

«Построенъ сей храм в лето от сотворения мира ЗСКИ [7228 (1720)] и ощен того же мая в КС [?] день при державе благочестивейшего гдря цря великого князя петра Алеѳеевича всея великия и малыя и белыя росіе самодержца, между же патриаршество при митрополите великого Нова града и великих лук и при епкпе Ароне Корельском и ладожском»³.

Значительное количество фотографий первых десятилетий XX века и выявленные в письменных источниках описания позволяют довольно хорошо представить себе облик Успенской церкви (рис. 1). На четверике – в плане 6,5 x 6,5 м (3 x 3 сажени) – возвышался более широкий восьмерик, несущий шатер. Постановка восьмерика на верхние венцы повала четверика и расширение таким образом храмового столпа кверху – характерная особенность западно-прионежской традиции строительства шатровых церквей. Общая высота здания была более 30 м (14 сажени). Постройка состояла из алтаря, собственно церкви, трапезной и паперти-сеней, к которым с запа-

да примыкало обращенное всходами на север и юг крыльцо. С верхней площадки крыльца был устроен висячий переход-галерея в колокольню. Точную дату постройки колокольни сообщает самое раннее из выявленных описании погоста 1832 года:

«С сею церковию связывается перильным ходом колокольня. Сия колокольня в высоту 14 саж. в шир. 2 ½ саж. шатровидная... Колокольня строена в 1775 г. прихожанами»⁴.

Рис. 1. Успенская церковь и колокольня. Вид с северо-востока. Фото К. К. Романова и В. М. Машечкина. 1912 год (НА РЭМ)

Figure 1. The Dormition Church and the bell tower. View from the northeast. Photo by K. Romanov and V. Mashechkin. 1912 (Research Archive of the Russian Museum of Ethnography)

Традиционная шатровая колокольня в виде высокого восьмерика на приземистом четверике была поставлена строго по продольной оси храма и входила в линии ограды, но прохода на территорию погоста сквозь нее не было.

Успенская церковь – старейший достоверно известный шатровый храм Заонежья, где был устроен пятистенный алтарный сруб (с соответствующим пятискатным покрытием, над которым ставилась бочка). Это решение стало характерной особенностью заонежских храмов XVIII века, тогда как в более ранних шатровых храмах на берегах Онежского озера алтари делались только прямоугольными в плане. Шатер храма имел стропильно-венчатую конструкцию⁵. На снимках мы видим, что трапезная была объединена общей двускатной кровлей с равноширокой ей папертью. Но не исключено, что это решение возникло только после ремонтов второй половины XIX столетия.

К сожалению, нам мало известно о внутреннем убранстве церкви. В документах упоминается резной золоченый иконостас и шестнадцатипольное «небо». К. К. Романов оставил о нем следующую заметку:

«Под шатром плафон в виде вспарушенного многоугольника с кругом в центре – копия Яндомозера, работа отца нынешнего иконописца Ивана Михеева. Отличие лишь в том, что нет слов “да молчит” в центральном круге и в углах плафона – трубящие ангелы; солнца и луны – нет. Иконы в церкви все перемазаны. На южной двери было изображение Христофора с песьей головой. Голова переписана на человечью; прежняя сквозит чрез нимб»⁶.

Фрагменты расписного потолка-«неба» Успенской церкви сохраняются в МИИ РК [12: 146].

В 1769–1770 годах в Космозере рядом с летним храмом Успения была построена зимняя церковь преподобного Александра Свирского. Два храма вместе с колокольной составляли красивейший ансамбль: три шатровых здания выстроились в линию с востока на запад, перпендикулярно к озеру, что обеспечило хорошее восприятие ансамбля как от воды, так и с дороги [5: 24]. Погост был окружен рубленой из бревен оградой высотой от полуметра до двух метров. Она была

«через определенные промежутки, в среднем около 6 метров, укреплена с внутренней стороны двумя под углом стенками из пластин, т. е. расщепленных пополам бревен, причем в сруб ограды врублены только верхние венцы пластин... Все верхние бревна стен прикрыты небольшою двускатной кровелькою»⁷.

В восточной части ограды находились рубленые ворота. Один из документов дает такое их описание: «с навесом в три доски на двух резных столбах и главным входом, украшенным резным гребнем» [1: 207]. Вход фланкировали столбы с чередующимися округлыми «бусами» и перехватами-«жгутиками», очевидно, первоначально находившиеся в интерьере, о чем говорили отверстия в верхних «бусах», предназначенные для консоли, поддерживающей матицу потолка⁸. Под схематичным обмером одного из столбов К. К. Романов делает пометку: «...прежде был в паперти старой церкви, до ремонта»⁹. По-видимому, они были перенесены сюда из трапезной Успенской церкви после ремонта 1870-х годов [5: 99].

Во второй половине XIX столетия постройки Космозерского погоста постепенно ремонтировались. Как о повсеместном в Заонежье явлении, об этих ремонтных работах писал К. К. Романов:

«Внешне облик церквей сильно искажен. Стены снаружи и внутри обшиты тесом и выкрашены, окна растесаны... чешуйчатые кровли заменены железными... на стенах нарисованы фальшивые окна»¹⁰.

В 1864 году церковь Успения была поднята на каменный фундамент, перекрыты шатер и все крыши, сделаны новые главы и обиты железом¹¹. На северной стене храма, напротив храмовой надписи шла строка о его ремонте в 1874 году:

«Возобновлен наружным внутренним исправлением и украшением санктпетербургским купцом иваном петром денисовым осщен 1874 года, октября 10 дня при благочестивейшем гдере императоре Александре Николаевиче, Благословением преосвященного епска олонецкого и петрозаводского, при сщеннике михаиле чернянском...»¹².

Опись 1904 года сообщала про эти работы: «вновь перестроена и обшита тесом снаружи и внутри с перезолотою иконостаса и поновлением икон»¹³. В фонде Л. Петтерссона сохраняются сделанные им выписки из контрактов с мастерами на проведение этого ремонта, где подробно оговариваются все запланированные работы¹⁴.

К 1938 году¹⁵ были разобраны колокольня, а также верхние части четверика основного объема с восьмериком и шатром и бочка на алтаре Успенской церкви. Здание накрыли двускатной кровлей вровень с трапезной и, видимо, приспособили под какие-то хозяйственные нужды. В таком виде главный храм погоста сохранялся еще в 1942 году и запечатлен на нескольких финских фотографиях¹⁶ [14: 313]. В акте обследования 1945 года архитектор А. Н. Буйнов сообщает, что церковь была сожжена финнами в 1943 году¹⁷, а одна из фотографий Л. Петтерссона, сделанная летом 1943 года, имеет подпись: «Вид с развалин летней церкви»¹⁸. На снимках 1940-х годов не видим мы также и бревенчатой ограды погоста, очевидно, разобранной еще раньше.

ЦЕРКОВЬ АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО (1769–1770)

После войны от целого ансамбля осталась только церковь Александра Свирского, которая является сегодня композиционной доминантой села (рис. 2).

Это шатровый храм типа «восьмерик на четверике», так же, как Успенский, принадлежащий к числу памятников Западно-Прионежской архитектурной традиции. Кроме расширения храмового столпа кверху, ее характерным признаком были так называемые фронтоновые пояса. У Александрово-Свирской церкви один декоративный фронтоновый пояс соединяет двускатные кровельки над углами четверика при переходе к восьмерику. Второй сплошной ряд фронтонычков пущен по верху восьмерика.

Постройка имеет развитие горизонтальную и вертикальную оси. К центральному четверику с востока примыкает пятистенный алтарь, рубленный «в лапу» (без остатка). Алтарный прируб завершен пятискатным покрытием и небольшою бочкой с миниатюрной главкой. С запада от центрального объема расположены более широкие трапезная и паперть. Два эти помещения в плане образуют единый прямоугольник, но имеют разную высоту и самостоятельные покрытия «по курицам и потокам». Кровли трапезной и паперти слегловые, алтаря – слегловые и стропильные. Паперть, как и алтарь, рублена «в лапу». Вход в церковь устроен с открытых площадок со ступеньками через двери в южной и северной стенах паперти.

Рис. 2. Церковь Александра Свирского. Вид с северо-запада.
Фото автора. 2009 год
Figure 2. The Church of St Alexander Svirsky. View from the
Northwest. Photo by the author. 2009

В основном Александро-Свирская церковь повторяла объемно-планировочное решение Успенского космозерского храма, но имела ряд отличий. Вся она приблизительно в полтора раза меньше утраченной соседки, не имеет подклета, из-за чего все ее срубы существенно ниже, но значительная высота здания (31,4 м) достигается за счет более стройного шатра. Интересна конструкция шатра: его образуют стропила, врубленные в основание повала, но с основания же повала идет рубка нижней части шатра «в реж» с более наклонными, чем у стропил, и, следовательно, не соответствующими им гранями. Сужающаяся кверху рубка идет на высоту только девяти венцов и затем продолжается вертикально до встречи со стропилами шатра¹⁹ (рис. 3).

Окна и двери церкви трехкосячатые с заплечиками, и лишь одно небольшое оконце без косяков прорублено в северо-восточной стене алтаря. Из паперти одностворчатая дверь ведет в трапезную. Трапезную от храма отделяют двустворчатые двери. По стенам трапезной сделаны новые лавки. Внутри храма стены стесаны, потолок в разных уровнях. «Неба» в интерьере никогда не было, центральный объем, как и другие помещения, перекрыт плоским потолком по балкам.

При всей строгости основных объемов нарядность и праздничность нынешнему облику здания придает узорчатость декоративных элементов, воссозданных при реставрационных работах. Кровля алтаря, полицы шатра и четверика

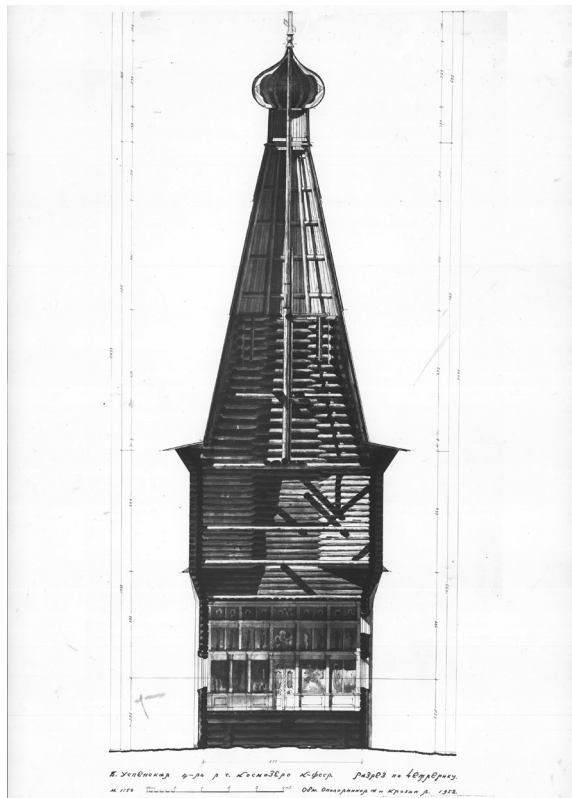

Рис. 3. Церковь Александра Свирского. Разрез по центральному объему. Обмер А. В. Ополовникова и В. А. Крохина. 1952 год (Фонды МЗК)
Figure 3. The Church of St Alexander Svirsky. Section on the central volume. Drawing by A. Opolovnikov and A. Krokhin. 1952 (Fund of the Kizhi State Museum-Reserve)

выполнены из «красного» теса с окончаниями в виде усеченных пик. Причелины на бочке алтаря, кровлях трапезной и паперти и фронтонные пояса имеют сквозную, контурную и выемчатую резьбу. Над шеломом бочки – декоративный гребень. Окна церкви имеют резные с кронштейнами карнизы.

Время возведения и освящения храма было зафиксировано в храмовданной надписи, как и в Успенской церкви, размещавшейся на южной стене под потолком храма в одну строку и скопированной рядом исследователей²⁰:

«При державе благочестивейшия гдрни імператрицы Екатерины Алеѣіевны Блгословениемъ преосщенного Антонія епкпа олонецкаго начать и построень сей храм 1769 года октября 4 дня, совершень мая 25 дня 1770 года и осщен 30 мая того же года»²¹.

Кроме того, в первой половине XX века в церкви еще сохранялся и деревянный крест с надписью о поставлении жертвенника, подтверждающий датировку, указанную в надписи на стене (к тому времени поновленной и написанной новой краской):

«ОСТИСЯ ЖЕРТВЕННИК ГДА БГА И СПСА НА// ШЕГО ІСА ХРСТА ВО ХРАМЕ ПРЕБНАГО // АЛЕЇАНДРА СВИРСКАГО ЧЮД // ПРІ ДЕРЖА//ВЕ БЛАГОЧЕ//СТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ ВЕЛИКІЯ ГДРНИ

НАШІЯ ІМПЕРАТРИ//ЦЫ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕЖІЕВНЕ
ВСЕЯ РОССІИ ПРИ НАСЛЕДНИКЕ ЕЯ БЛГО//ВЕРНОМ
ГСДРЕ ЦЕСАРЕВИЧЕ ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ПАВЛЕ ПЕТРОВИЧЕ
БЛГОСЛОВЕНІЕМ ОСЩЕНА // ВИКАРИЯ АН//
ТОНІЯ ЕПСКПА // ОЛОНЕЦКАГО // І КАРГОПОЛС//
КАГО В ЛЕТО // АШО [1770] ГОДА // ІНДІКТА Г [3] //
МЦА АВГУСТА // Л [30] ДЕНЬ. О//ЩЦАЛ ТОЙ // ЦРКВЕ
СЩЕ//ННИК ЕРО//ФЕЙ ПРОХО//РОВ СОБОРНЕ»²².

В церковных ведомостях при этом значилось и имя заказчика, оплатившего постройку храма: «построена... в 1769-м году тщанием бывшего Санкт-Петербургского купца Феопемпта Попова»²³.

Первозданный облик церкви был близок ныне существующему, воссозданному при реставрационных работах. Возможно, первоначально на алтарной бочке не было главки. По крайней мере, в описании 1832 года (сделанном до ремонтов XIX века) она не упоминается, в то время как у Успенской церкви в этом же документе указано две главы: на храме и алтаре²⁴.

В ходе нескольких ремонтов во второй половине XIX столетия внешний вид церкви был значительно изменен. К 1868 году она уже была обшита:

«Снаружи обшита тесом. Стенами тверда, но крыши на паперти, алтаре и блюде с шатром требуют перекрышки. В 1864 году переделана на ней глава»²⁵.

В 1871–1872 годах тесовая обшивка появилась и в интерьере. В этот же период были увеличены оконные и дверные проемы, перекрыты крыши, ликвидирован весь наружный декор, включая и фронтовые пояса. Трапезная и паперть были объединены под общей кровлей. Внутри церкви частично поменяли полы, устроили новый иконостас и поновили иконы²⁶. По северной стене появилась надпись:

«Возобновлен внутреним исправлением и украшением и вновь освящен 1872 года февраля 24 дня при благочестивейшем гдере императоре Александре Николаевиче Благословением преосвященного иоанна епска олонецкаго и петрозаво старанием сщенника // михаила Че // сей церкви»²⁷ (Рис. 4).

Клировая ведомость, хранившаяся в храме, сообщала, что в 1899 году в нем «производился ремонт Карпом Матвеевичем Изотовым из Санкт-Петербурга», в ходе которого были сделаны новые полы в притворе и храме, кроме алтаря, и новые крыльца²⁸. Видимо, тогда вход в паперть был оставлен только с южной стороны, а северная дверь была скрыта под обшивкой, и в этой части паперти выгорожена кладовая.

И К. К. Романов и Ю. Н. Дмитриев пишут, что при обследовании 1926 года ими были зафиксированы следы врубок от кровельных слег на стенах центрального четверика и трапезной, которые свидетельствовали о том, что покрытия должны были изменяться дважды: после первой переделки была повышена кровля трапезной, а покрытие паперти оставалось ниже, а при вто-

рой – обе кровли были сравнены²⁹. Кроме того, К. К. Романов обращает внимание на то, что следы прежней кровли паперти на западной стене трапезной говорят о том, что она имела полицу. Он сделал схематичный набросок-зарисовку возможного устройства этой полицы³⁰, судя по следам затески на венцах. Заметим, что при реставрации по проекту В. А. Крохина кровля паперти была сделана прямоскатной – без полиц, и остается такой до сих пор.

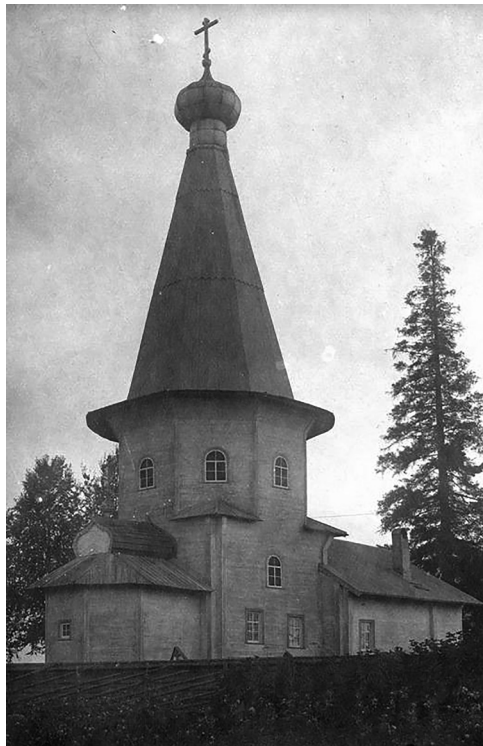

Рис. 4. Церковь Александра Свирского. Вид с северо-востока. Фото Ф. А. Каликина. 1920 год (НА ИИМК РАН)
Figure 4. The Church of St Alexander Svirsky. View from the northeast. Photo by F. Kalikin. 1920 (Research Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)

Последний ремонт в храме производился в 1901 году³¹.

В 1905 году в Космозере побывал архитектор Д. В. Милеев. Им были сделаны два самых ранних снимка Александро-Свирской церкви³², также составлен первый схематичный и не совсем точный (не точно передано количество и расположение окон) ее обмер, опубликованный в ИИАК с ошибочной подписью: «План Космозерской Успенской церкви»³³. Отметим, что почти во всех материалах обследований середины и второй половины XX столетия посвящения церквей также перепутаны, и сохранившийся храм называется Успенским, а утраченный – Александро-Свирским.

В 1920 году обе космозерские церкви были зарегистрированы сотрудником Отдела охраны памятников искусства и старины Наркомпроса Ф. А. Каликиным и получили охранные свидетельства³⁴. Ф. А. Каликин обмерил храм Алексан-

дра Свирского, его кроки сохранились в архиве ИИМК³⁵ (рис. 5). Также он сделал четыре снимка: общий вид погоста с севера, и по одному изображению каждого храма и ворот³⁶.

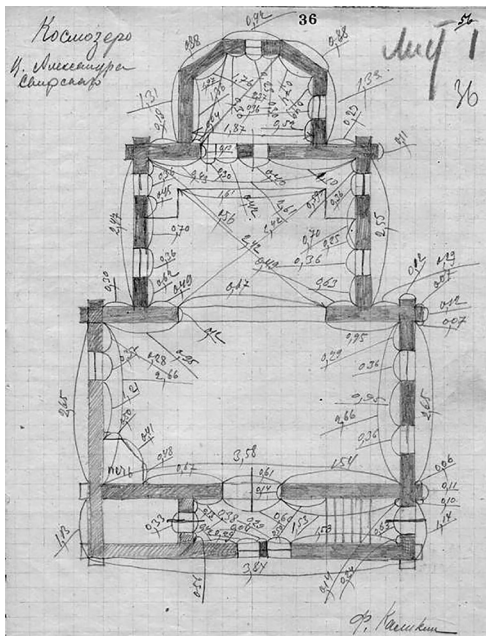

Рис. 5. Церковь Александра Свирского. План. Обмер Ф. А. Каликина. 1920 год (НА ИИМК РАН)

Figure 5. The Church of St Alexander Svirsky. Plan. Drawing by F. Kalikin. 1920 (Research Archive of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences)

Значительные материалы были собраны К. К. Романовым, дважды побывавшим в Заонежье. В 1912 году им была предпринята первая поездка по заданию этнографического отдела Русского музея. А в 1926 году он, будучи председателем Комиссии по изучению крестьянского искусства отдела ИЗО Государственного института истории искусств, организовал вторую экспедицию в Заонежье [3]. В кратком отчете о ее результатах сообщается, что Ю. Н. Дмитриевым и Л. М. Шуляк производились работы по обмеру и подробному изучению гражданских и церковных построек³⁷. К сожалению, эти важнейшие графические материалы так и не удалось найти. Единственное, что сохранилось, – черновик статьи Ю. Н. Дмитриева о шатровых храмах Заонежья, написанной по результатам этой экспедиции, и дневник поездки самого К. К. Романова³⁸.

В 1942–1944 годах финский исследователь Л. Петтерссон вместе с художником и скульптором О. Хелениусом провел тщательную инвентаризацию деревянных церквей и часовен на территории Карелии, занятой финской армией. Им удалось обмерить, сфотографировать и зарисовать все существовавшие на Заонежском полуострове храмы³⁹. И в том числе Свирскую и сохранявшуюся тогда уже не полностью Успенскую церкви в Космозере. Эти материалы стали основой монографии Л. Петтерссона «Церковная деревянная архитектура Заонежья», в которой была впервые

разработана типология заонежских культовых построек и представлена их эволюция. В книге опубликованы несколько изображений церкви Александра Свирского, а также аксонометрия и план обеих космозерских церквей [14: 43–44].

В 1945 году единственный оставшийся от Космозерского ансамбля храм обмерил архитектор А. Н. Буйнов⁴⁰. В годы войны он был действующим и до середины XX века сохранял свое внутреннее убранство. Послевоенное состояние постройки отражают снимки 1947 года, хранящиеся в фототеке ГНИМА⁴¹. В 1950 году она была обследована научным сотрудником Третьяковской галереи В. Г. Светличной. В своем отчете В. Г. Светличная пишет, что интерьер церкви на тот момент сохранялся полностью в первоначальном виде, с небольшими поновлениями. Она перечисляет все иконы трехъярусного иконостаса и другие храмовые образы, называет прочие хранившиеся в церкви предметы⁴². Известна единственная фотография интерьера памятника, опубликованная А. В. Ополовниковым, с видом на иконостас из-под прорубленной в XIX веке арки в стене между церковью и трапезной [9: 17]. Описание В. Г. Светличной расширяет наше представление о внутреннем убранстве церкви.

В 1952 году А. В. Ополовниковым и В. А. Крохиным были выполнены обмеры церкви, а также чертежи к эскизному проекту реставрации⁴³ (рис. 6). Но реставрация в этот период так и не была проведена.

В 1950–1960-е годы была сломана главка над шатром, снята бочка, прорублен дверной проем в алтаре. В здании церкви в эти годы размещалась деревенская библиотека⁴⁴. К сожалению, в эти десятилетия было утрачено внутреннее убранство храма. Живопись из космозерских церквей частично сохраняется в МИИ РК⁴⁵.

В 1978–1982 годах Карельской специальной научно-реставрационной мастерской (КСНРПМ) произведена комплексная реставрация методом полной переборки. Научный руководитель работ – В. А. Крохин. Обшивка церкви была полностью демонтирована, разобраны печи: первоначальная круглая кирпичная печь в трапезной и появившаяся в 40-х годах XX века – в алтаре. Были восстановлены в новом материале все покрытия. Но на бочке алтаря воссоздавать главку не стали. В трапезной и паперти кровли устроены по курицам и потокам. Кровля паперти при этом была понижена до первоначального уровня. Дверные и оконные проемы обрели прежние формы и размеры. Были воссозданы и утраченные декоративные элементы, включая два ряда декоративных фронтонов⁴⁶.

В 2005 году по проекту, разработанному ЗАО «ЛАД», были выполнены работы по замене покрытий кровель, бочки над алтарем, были отремонтированы покрытие шатра и фрагменты декора с частичной заменой их рисунка, вновь устроена малая главка над алтарем⁴⁷.

Рис. 6. Церковь Александра Свирского. Южный фасад.
Проект реставрации А. В. Ополонникова
и В. А. Крохина. 1952 год (Фонды МЗК)

Figure 6. The Church of St Alexander Svirsky. Southern facade.
Restoration project by A. Opolovnikov and V. Krokhin. 1952
(Fund of the Kizhi State Museum-Reserve)

В настоящее время церковь эпизодически используется для проведения праздничных богослужений, востребована как объект показа в рамках туристических маршрутов по Заонежью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собранные автором сведения о некоторых храмах Заонежского полуострова XVII века (Богоявленская церковь в Великой Губе (1647), Варваринская в Яндомозере (1650), Никольская в Вырозере (1670)) дают основание полагать, что заонежские постройки XVIII столетия с двух-

частным слитно-ярусным расширяющимся кверху столпом с одним или двумя фронтовыми поясами являются прямыми наследниками более ранних местных же памятников. Заметим, что практически все известные нам храмы были возведены на месте своих предшественников. Очевидна близость ранних заонежских церквей строившимся в других частях Обонежья памятникам XVII века (Никольская церковь на острове Брусно (1630), Ильинская в Горнем Шелтозере (1682–1685), Никольская в Деревянном (1683), Ильинская в Самино (1692)). Это свидетельствует об их принадлежности к одному большому архитектурному направлению. Но именно в Заонежье дольше всего сохранялся тип храма, ранее повсеместно распространенный вдоль берегов Онежского озера: кроме космозерских церквей, это памятники в Кижях (Покровская церковь, возможно, имела шатровое завершение в 1720–1749 годах), Кузаранде (1761) и Типиницах (1781).

Церкви в Космозере демонстрируют те изменения, которые происходили в архитектуре шатровых храмов Заонежья в XVIII веке. В это время на смену прямоугольным в плане с двускатными кровлями приходят крытые бочкой пятистенные алтари, а в прошлом конструктивный элемент – фронтоновый пояс – начинает использоваться скорее как дань традиции или просто красивый мотив. Кроме того, наблюдается общая тенденция к увеличению размеров построек. Однако все эти преобразования – явления, характерные в целом для XVIII столетия, и не только для Заонежья.

Церковь Александра Свирского в Космозере – единственный сохранившийся образец типа заонежского шатрового храма XVIII века. По нему можно судить о других его представителях, оставшихся только на фотографиях и в описаниях источников⁴⁸ [6], [7], [8]. Кроме того, это последний шатровый храм Заонежского полуострова, стоящий на своем первоначальном месте. Памятник этот, без сомнения, заслуживает пристального внимания, заботы и тщательной охраны.

* Статья подготовлена по теме НИР 1.2.4. «Деревянная храмовая архитектура Заонежья. Новые исследования» Плана фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ на 2019–2020 гг.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева

ИИАК – Известия Императорской Археологической комиссии

МИИ РК – Музей изобразительных искусств Республики Карелия

МЗК – Музей-заповедник «Кижь»

НА МЗК – Научный архив Музея-заповедника «Кижь»

НАРК – Национальный архив Республики Карелия

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ОР ГРМ – Отдел рукописей Государственного Русского музея

ОР НА ИИМК РАН – Отдел рукописей научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук

ОФ НА ИИМК РАН – Отдел фотографий научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук

ОХ АА ГНИМА – Отдел хранения архитектурных архивов Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева

РЭМ – Российский этнографический музей

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. С. 126.
- ² Правдин М. Из прошлого Олонецкого края. Материалы по истории Олонецкого края А. П. Воронина // Известия общества изучения Олонецкой губернии. № 6–7. Петрозаводск, 1914. С. 120–121.
- ³ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143 (К. К. Романов. Дневник поездки 1926 года. Великая Губа. Яндомозеро. Космозеро. Великая Нива. Шуньга. Типиницы. В пути. Кидекша. (с зарисовками). 1926 г.). Л. 33.
- ⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 696 (Сведения о приходах Петрозаводского уезда (церковно-исторические и статистические сведения об отдельных церквях). 2 пол. XIX в.). Л. 118 об.
- ⁵ ОР ГРМ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 9. (Дмитриев Ю. Н. Шатровые церкви Шуньгского полуострова. Черновик статьи. 1934–1937 гг.). Л. 14.
- ⁶ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 68.
- ⁷ ОР ГРМ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 5.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 71.
- ¹⁰ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 630 (К. К. Романов. Деревянное церковное зодчество Олонецкого края. 1926 г.). Л. 2–3.
- ¹¹ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 85/1767 (Ведомость о церквях Петрозаводского уезда за 1868 год). Л. 43.
- ¹² ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 33.
- ¹³ Там же. Л. 75.
- ¹⁴ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2431 (Ларс Петтерссон (Финляндия). Кочнев С. В. (перевод). Ксерокопии и перевод документов по истории храмов Заонежья и церквей Кижского погоста). Л. 17–18.
- ¹⁵ ОХ АА ГНИМА. Р. XIV. Оп. 19. Д. 7 (Фотографии церковного комплекса в Космозере 1920 г. Сведения П. Н. Максимова 1938 г.). Л. 3; по сведениям В. Г. Светличной, Успенская церковь была разобрана в 1935 году: НА НМРК. Д. 373 (В. Г. Светличная. Отчет о результатах обследования памятников архитектуры: церквей и часовен Заонежского р-на с целью выявления и наличия в них произведений изобразительного и прикладного искусства. 1952 г.). Л. 4.
- ¹⁶ Фотоматериалы из фондов Архива военных фотодокументов Финляндии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sa-kuva.fi> (дата обращения 12.05.2019).
- ¹⁷ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 282 (Учетно-эксплуатационная документация на памятники архитектуры: церковь Успенская и церковь Александра Свирского в с. Космозеро (акты обследования)). Л. 3.
- ¹⁸ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1049 (Архив Л. Петтерссона в Финляндии. Список фотографий).
- ¹⁹ ОР ГРМ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 14.
- ²⁰ Там же. Л. 11; ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 34; НА НМРК. Д. 373. Л. 2.
- ²¹ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 34.
- ²² Там же. Л. 67.
- ²³ НАРК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 33/1 (Формулярные ведомости о церквях и причтах по 3-му благочинию погостов Петрозаводского уезда за 1852 год). Л. 37.
- ²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 696. Л. 118.
- ²⁵ НАРК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 85/1767. Л. 44.
- ²⁶ Там же. Д. 52/3 (О последствиях обозрения благочинными церквей их округов за I п. 1872 года). Л. 54.
- ²⁷ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 34.
- ²⁸ Там же. Л. 75–75 об.
- ²⁹ ОР ГРМ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 13.
- ³⁰ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143. Л. 72.
- ³¹ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 67. Д. 41 (Регистрационные материалы памятников старины Олонецкой губ., Петрозаводского у. (Анкеты, рапорта, обмеры и фотографии), 1920 г.). Л. 35 об.
- ³² ОФ НА ИИМК РАН. О. 652. 49–50 (Церковь Александра Свирского в Космозере, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии. Наружные виды. Д. В. Милеев. 1905–1906 гг.)
- ³³ ИИАК. Вып. 57. Пг., 1915. С. 155.
- ³⁴ НАРК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 54/704 (Выписки из постановления и распоряжения Губ ОНО по подотделу художественному. 1920 г.). Л. 173–174.
- ³⁵ ОР НА ИИМК РАН. Ф. 67. Д. 41. Л. 35–36.
- ³⁶ ОФ НА ИИМК РАН. II 4170-73 (Церковь с. Космозера (б. Петрозаводский уезд, Олонецкой губ.), Карельская АССР: общие наружные виды и детали. Ф. А. Каликин. 1920 г.).
- ³⁷ ОР ГРМ. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 56 (Кнатц Е. Э. Материалы комиссии по изучению крестьянского искусства. 1926–1929 гг.). Л. 24–32.
- ³⁸ ОР ГРМ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 9; ОР НА ИИМК РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 143.
- ³⁹ Тарасова Т. Г. Коллекция Ларса Петтерссона [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/collection/pettersson/35.html> (дата обращения 12.05.2019).
- ⁴⁰ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 282 (Комитет по делам архитектуры при СНК СССР. Архитектор Буйнов А. Н. Церковь в деревне Космозеро. Акты обследования и документы по вопросам памятника. 1945 г.); ОХ АА ГНИМА. Ф. 31. Оп. 24. Д. 2 (Материалы Северной экспедиции в Заонежский, Медвежьегорский и Олонецкий районы Карелии. 1946 г.).
- ⁴¹ Фототека ГНИМА. XII. 6803-6811 (Карелия. Церковь в Космозере. Фото Чинякова, 1947 г.).
- ⁴² НА НМРК. Д. 373. Л. 2–4.
- ⁴³ Фонды МЗК. Коллекция «Чертежи». КП-281/1 – 281/16 (Церковь Александра Свирского, д. Космозеро. Чертежи В. А. Крохина и А. В. Ополовникова).
- ⁴⁴ Архив ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия». 3.4. № 1.61.7. Инв. № 986 (Паспорт церкви Александра Свирского в с. Космозеро. 1986 г., составитель арх. В. Г. Копнин).
- ⁴⁵ НА МЗК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2299 (Музей «Кижь». Хеглунд В. Аннотации на памятники архитектуры Карелии. 1970-е гг.). Л. 8.
- ⁴⁶ Архив ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия». 3.4. № 1.61.7. Инв. № 986; Пояснительная записка к проекту реставрации, отчет о проведенной реставрации и др. документация хранятся в архиве ЗАО «ЛАД».
- ⁴⁷ Документация хранится в архиве ЗАО «ЛАД».
- ⁴⁸ Об утраченных шатровых храмах Заонежья XVIII века автором опубликовано ранее несколько статей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гущина В. А. К вопросу об истоках формирования Кижского архитектурного ансамбля // Кижский вестник. № 9. Петрозаводск, 2004. С. 180–210.
2. Коновалов И. А. Писцовые и переписные книги Заонежья XVII в.: Материалы к истории Заонежья. Кн. 1. Б. м., 2004. 198 с.
3. Мильчик М. И. Иконография Заонежья // Рябининские чтения – 1995. Петрозаводск, 1997. С. 349–356.
4. Мильчик М. И. Заонежье на старых фотографиях: [Альбом]. СПб., 1999. 173 с.
5. Мильчик М. И. Заонежье. История и культура. Очерки. Фотографии: Альбом. СПб., 2007. 176 с.
6. Носкова А. Г. Шатровые храмы Заонежья XVII–XVIII вв. Особенности архитектурных решений // Деревянное зодчество. Вып. III. Новые материалы и открытия. М.; СПб., 2013. С. 130–155.
7. Носкова А. Г. Церковь Рождества Богородицы в селе Кузаранда – малоизвестный утраченный памятник архитектуры Заонежья XVIII века // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 6. М.; СПб., 2013. С. 38–48.
8. Носкова А. Г. Вознесенская церковь в Типиницах – последний шатровый храм Заонежья // Архитектурное наследство. 2018. Вып. 69. С. 37–50.
9. Ополонников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955. 195 с.
10. Орфинский В. П. Архитектурное наследие Заонежья // Кижский вестник. № 2. Петрозаводск, 1993. С. 173–195.
11. Смирнова Э. С. По берегам Онежского озера. М., 1969. 135 с.
12. Фролова Г. И. «Небеса» Заонежья. Иконы из собрания музея-заповедника «Кижь». Петрозаводск, 2008. 168 с.
13. Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI–XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1988. С. 55–73.
14. Pettersson L. Aanisniemen kirkollinen Puuarkkitehtuuri. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. No 50. Helsinki, 1950. 342 s.

Поступила в редакцию 13.06.2019

Arina G. Noskova, Researcher, Scientific Research Institute of the Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
arina-noskova@mail.ru

HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE CHURCH COMPLEX IN KOSMOZERO: STUDY OF ARCHIVAL MATERIALS*

This article is the first study on the churches of Kosmozero Pogost, located in the centre of the Zaonezhye Peninsula. Even the only remaining monument of the Pogost – the Church of Alexander Svirsky – has not been described in detail in the literature so far. The article traces the construction history and describes the architectural features of the Church of the Assumption (1720), the Church of Alexander Svirsky (1769–1770), the bell tower and the fence of the Pogost, using the archival sources found by the author. A number of new documents from the XIX and the XX centuries from the archives of Petrozavodsk, St. Petersburg and Moscow are introduced into scientific circulation. Previously unpublished materials of the research of these monuments conducted in the XX century are involved. The article expands the knowledge of church construction in Zaonezhye in the XVIII century, and enables to compare the monuments of this period with the earlier examples of the Western Prionezhye architectural tradition.

Keywords: wooden architecture, Russian North, Karelia, Zaonezhye, Kosmozero, churches, archival sources

* The article is based on the research topic 1.2.4. “Wooden church architecture of Zaonezhye. New research” in accordance with the Basic Research Plan of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences and the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation.

Cite this article as: Noskova A. G. History and architecture of the church complex in Kosmozero: study of archival materials. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. № 8 (185). P. 38–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.410

REFERENCES

1. Gushchina V. A. The origins of the Kizhi architectural ensemble. *Kizhskiy vestnik*. No 9. Petrozavodsk, 2004. P. 180–210. (In Russ.)
2. Konovalov I. A. Cadastres and census books of the XVII century Zaonezhye: Materials on the history of Zaonezhye. Book 1. 2004. 198 p. (In Russ.)
3. Mil'chik M. I. Iconography of Zaonezhye. *Ryabinin Readings – 1995*. Petrozavodsk, 1997. P. 349–356. (In Russ.)
4. Mil'chik M. I. Zaonezhye in old photographs. St. Petersburg, 1999. 173 p. (In Russ.)
5. Mil'chik M. I. Zaonezhye. History and culture. Essays. Photos: Album. St. Petersburg, 2007. 176 p. (In Russ.)
6. Noskova A. G. The tent-roofed churches of Zaonezhye in the XVII and the XVIII centuries. Specific architectural features. *Wooden Architecture*. Issue 3. New materials and discoveries. Moscow, St. Petersburg, 2013. P. 130–155. (In Russ.)
7. Noskova A. G. The Church of the Nativity of the Blessed Virgin Mary in the village of Kuzaranda – little-known lost monument of Zaonezhye architecture of the XVIII century. *Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury*. Issue 6. Moscow, St. Petersburg, 2013. P. 38–48. (In Russ.)
8. Noskova A. G. Church of the Ascension in Tipinitsy – the latest tent-roofed church of Zaonezhye. *Arkhitkturnoe nasledstvo*. Issue 69. St. Petersburg, 2018. P. 37–50. (In Russ.)
9. Opolonnikov A. V. Monuments of wooden architecture of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. Moscow, 1955. 195 p. (In Russ.)
10. Orfinsky V. P. Architectural heritage of Zaonezhye. *Kizhskiy vestnik*. No 2. Petrozavodsk, 1993. P. 173–195. (In Russ.)
11. Smirnova E. S. The shores of Lake Onega. Moscow, 1969. 135 p. (In Russ.)
12. Frolova G. I. The “Heavens” Of Zaonezhye. Icons from the collection of the Kizhi State Open-Air Museum. Petrozavodsk, 2008. 168 p. (In Russ.)
13. Chernyakova I. A., Chernyakov O. V. Cadastres and census books of the XVI and the XVII centuries as a source on the history of wooden architecture of Karelia. *Problemy issledovaniya, restavratsii i ispol'zovaniya arkhitkturnogo naslediya Russkogo Severa: Mezhvuzovskiy sbornik*. Petrozavodsk, 1988. P. 55–73. (In Russ.)
14. Pettersson L. Aanisniemen kirkollinen Puuarkkitehtuuri. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. No 50. Helsinki, 1950. 342 p.

Received: 13 June, 2019

ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БОЧКОВ

доктор исторических наук, профессор, член совета
Межрегиональная общественная организация «Академия
военно-исторических наук» (Санкт-Петербург, Россий-
ская Федерация)
be57@yandex.ru

ВИДЛИЦКО-ТУЛОКСКАЯ ДЕСАНТНАЯ ОПЕРАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗГРОМЕ БЕЛОФИНСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В ЮЖНУЮ КАРЕЛИЮ

Освещаются события Гражданской войны и военной интервенции в Южной Карелии весной – летом 1919 года. На основе архивных документов из фондов Российского государственного архива Военно-морского флота реконструирована история подготовки и проведения десантной операции против белофинских войск на восточном побережье Ладожского озера в районе населенных пунктов Видлица и Тулокса. 27 июня 1919 года части 1-й стрелковой дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии совместно с кораблями сил Балтийского моря и Онежской флотилии ликвидировали базу, через которую военно-политическое руководство Финляндии осуществляло пополнение личным составом, снабжение вооружением, боеприпасами, продовольствием и другими материальными средствами Олонецкой добровольческой армии. Поминутно восстановлена хронология операции, реконструированы события, внесены существенные уточнения в фактографию десанта. В заключение подчеркивается, что в результате этой десантной операции обстановка на Онежско-Ладожском перешейке изменилась в пользу Красной армии, была снята угроза захвата Петрозаводска и восстановлен контроль над советской территорией на восточном побережье Ладожского озера.

Ключевые слова: Красная армия, Карелия, Финляндия, белофинская интервенция, Олонецкая добровольческая армия, междоузельный район, олонечский боевой участок, Онежская флотилия

Для цитирования: Бочков Е. А. Видлицко-Тулукская десантная операция и ее роль в разгроме белофинского вторжения в Южную Карелию // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.411

ВВЕДЕНИЕ

Идея высадки десанта в тыл белофинской Олонецкой добровольческой армии, вторгшейся в пределы РСФСР и захватившей территорию Южной Карелии, возникла задолго до Видлицко-Тулукской операции (27 июня 1919 года). Впервые ее высказал командующий 7-й армией, участник Первой мировой войны, бывший генерал-майор русской императорской армии А. К. Ремезов. 28 апреля 1919 года начальник оперативного отдела штаба морских сил Балтийского моря Гинтер в телеграфном сообщении начальнику дивизиона заградителей Онежской флотилии В. Е. Бурачку писал:

«Командарм семь считает желательным послать вооруженные пароходы с небольшим десантом вдоль восточного берега Ладожского озера и дать этому десанту задание: произведя разведку на побережье, постараться зайти в тыл противнику где-нибудь около Пограничных Кондуши и... произвести шумиху и постараться вызвать панику»¹.

Предполагалось для этих целей использовать суда Онежской флотилии «Куница» и «Горно-стай», которые в этот период находились в Новой Ладоге. Руководство операцией планировалось возложить на начальника дивизиона заградителей. 8 мая 1919 года военмор² для связи с 7-й армией А. В. Макаров по телеграфу сообщил

В. Е. Бурачку: «Общее руководство озерной операцией командарм возлагает временно на Вас с подчинением начальнику Олонецкого участка»³. Однако тот, помня о своих натянутых отношениях с М. П. Гусаровым, от этого предложения отказался: «Я просил о назначении начальника более авторитетного в глазах Гусарова»⁴.

В мае 1919 года планы по проведению десантной операции в Ладоге не были реализованы, так как не получили поддержки у военно-морского командования. В. Е. Бурачек аргументированно отверг эту авантюрную затею, указав, что «подобная шумиха, не принося существенной пользы, может иметь весьма плачевный результат для судов и десанта»⁵. Во-первых, выход судов из Новой Ладоги «при отсутствии обвехования и неправильно быющем створе» был крайне трудным. Во-вторых, в конце апреля Ладожское озеро еще не полностью освободилось ото льда, и навигация во льдах была опасна для судов такого класса. В-третьих, операция не была подготовлена в материально-техническом отношении. Флотилия не имела запасов угля. Использование дров в качестве топлива для судов было нежелательно, так как котлы не были приспособлены для этого. Также необходимо было учитывать и удален-

ность предстоящего района боевых действий. Расстояние до советско-финляндской границы составляло около 70 миль. «На весь поход придется завалить палубу дровами, и трудно сказать – куда тогда можно будет поместить десант, как производить стрельбу из пушек, не говоря об устойчивости [судов]»⁶. В-четвертых, запас артиллерийских снарядов был минимальный. На одно орудие приходилось около 50 снарядов. Имея столь ничтожный боезапас, суда не смогут обеспечить эффективное подавление огневых средств противника при высадке десанта и поддержку его действий на берегу. В-пятых, радиотелеграф на судах был неисправен, поэтому результаты разведки невозможно было оперативно передать командованию флота и сухопутным частям. В-шестых, расчеты показывали, что даже при максимальном ходе, который могли развить суда (не более 6 узлов), на поход потребуется более суток. Все это время десант будет находиться на открытой палубе в условиях непредсказуемой весенней погоды, когда на Ладоге возможны и штормовой ветер, и мокрый снег. Возникает вопрос: смогут ли бойцы после такого плавания вести боевые действия? В-седьмых, неопределенность обстановки (из-за отсутствия точных разведывательных данных о противнике), непредсказуемость развития событий на фронте (что уже наблюдалось неоднократно), а также удаленность района операции от основных сил Красной армии (что исключало возможность своевременного оказания помощи в случае необходимости) не позволяли точно определить продолжительность операции.

«...Нельзя заранее сказать, сколько времени пройдет десант на берегу, вследствие чего [обстановка] может заставить суда бросить его и уйти в базу, чтобы не остаться без топлива на произвол судьбы»⁷.

«Принимая во внимание все вышеизложенное на-морси⁸ считает, что предпринимать подобную экспедицию не следует...»⁹.

Доводы военно-морского командования оказались убедительными, и весной 1919 года не стали проводить экспедицию с целью «произвести шумиху и постараться вызвать панику» в тылу Олонецкой добровольческой армии. Вместе с тем сложная военно-политическая обстановка на северо-западе РСФСР, сложившаяся к лету 1919 года, требовала принятия решительных мер по разгрому белофинских интервентов и освобождению советской территории. Агентурная разведка докладывала об угрозе высадки десанта противника (финских и белогвардейских войск) на южное и юго-восточное побережье Ладожского озера с целью захвата Петрограда. Для предотвращения этого Совет обороны Республики принял решение об усилении обороны южного и восточного побережья Ладожского озера. Акватория Ладоги была поделена на зоны ответственности. Оборона западного сектора озера была возложена на силы Балтийского флота, восточ-

ного – на Онежскую флотилию. 22 мая 1919 года общее руководство охраны водного района реки Свирь и восточного побережья Ладожского озера было возложено на начальника дивизиона заградителей В. Е. Бурачка¹⁰. Однако сил и средств Онежской флотилии было недостаточно для обороны такого огромного водного района, каким являлось Ладожское озеро. Командование флотилии неоднократно обращалось к начальнику морских сил Балтийского моря с просьбой об усилении корабельной группировки, но неизменно получало отказ. На очередной запрос командующего Онежской флотилией Э. С. Панцержанского начальник штаба сил Балтийского моря А. В. Домбровский отвечал: «Генмор¹¹ считает, что в данное время ничего отдать нельзя, так как не имеет исправных [кораблей]»¹². В конечном счете в этот процесс был вынужден вмешаться Совет обороны Республики. 30 мая 1919 года на его заседании было принято решение:

«Не позже 3 июня [1919 г.] два миноносца-угольщика («Амурец» и «Уссуриец») должны быть на Шлиссельбургской базе в полной боевой готовности к выходу в [Ладожское] озеро»¹³.

1 июня 1919 года по приказу начальника морских сил Балтийского моря А. П. Зеленого эсминцы «Амурец» (командир А. П. Белобров) и «Уссуриец» (командир Г. Г. Виноградский) вышли к новому месту несения боевой службы. Старшим морским начальником был назначен Г. Г. Виноградский.

В предписании штаба морских сил Балтийского моря, выданного командирам кораблей, были сформулированы лишь общие задачи: а) глубокая разведка на Ладожском озере; б) борьба с морскими силами противника; в) воспрепятствование высадки десанта на побережье Ладожского озера; г) поддержка войсковых частей в прибрежном участке Ладожского озера¹⁴. Эсминцы не привлекались для несения постоянной дозорной службы и ведения боевых действий на Ладоге ввиду ограниченного запаса угля. В случае развертывания противником боевых действий в Ладожском озере «Амурец» и «Уссуриец» должны были уничтожить его корабли. Для эсминцев была установлена 4-часовая готовность «при одном котле под малыми парами с загребным жаром»¹⁵.

К планам проведения десантной операции на восточном побережье Ладоги вновь вернулись в середине июня 1919 года. 16 июня на совещании в Олонецком уездном ревкоме в составе председателя ревкома И. А. Никитина, председателя уездного комитета РКП(б) и уездного военного Ф. И. Егорова, а также начальника 1-й стрелковой дивизии Красной армии М. П. Гусарова было принято решение о подготовке крупномасштабного наступления с целью разгрома Олонецкой добровольческой армии. Планировалось развернуть боевые действия в северном направлении с одновременным нанесением удара в тыл противника от восточного побережья Ладожско-

го озера на запад. С этой целью предлагалось высадить десант в районе населенного пункта Видлица. Проведение десантной операции требовало тщательной подготовки. Прежде всего необходимо было решить вопросы организации взаимодействия судов флотилии и частей 1-й стрелковой дивизии, которые должны были наступать на сухопутном участке фронта. С этой целью 11 июня 1919 года в реку Олонку на двух буксирах под охраной сторожевого судна «Ласка» была доставлена армейская служба связи. Это позволило обеспечить устойчивую связь флотилии и сухопутных войск. Разведка района предстоящей операции осуществлялась как силами Балтийского флота и Онежской флотилии, так и сухопутных войск. 9 июня 1919 года из Старой Вырицы в район Видлицы и Тулоксы было направлено посыльное судно «Невка» (командир В. Ф. Павлов) для ведения разведки. Оно обследовало восточное побережье Ладоги. 15 июня 1919 года в 23 часа 45 минут Реввоенсовет флота направил командирам эсминцев «Амурец» и «Уссуриец» приказ – провести разведывательную операцию в Ладожском озере. В телеграмме штаба морских сил Балтийского моря указывалось:

«Миноносцам надлежит осмотреть западное побережье Ладозера до Валаама, не заходя к западу от линии наружных островов»¹⁶.

Однако через четыре часа поступило приказание об отмене похода.

Для успешного проведения операции необходимы были более точные сведения о численности войск противника и расположении огневых позиций его артиллерии. С этими задачами могла справиться только войсковая разведка. Для сбора разведывательных данных в район Видлицы и Тулоксы была направлена группа, в которую вошли местные крестьяне – И. П. Медников, В. И. Лобский, И. С. Фофанов и В. А. Гаврилов [3: 31–32]. Подбор группы разведчиков был не случаен – местные карелы вызывали у белофиннов меньше подозрений. Перед разведчиками были поставлены конкретные задачи: а) узнать, в какой степени укреплено побережье Ладоги в районе населенных пунктов Видлица и Тулокса, количество войск и наличие артиллерии; б) промерить глубины в устье реки Видлицы и выяснить возможность прохода судов вверх по течению.

17 июня 1919 года группа вышла для выполнения задания. Через двое суток разведчики достигли Видлицы. Здесь они установили связь с местными жителями П. Лажаевым и И. Лобским. И. П. Медников поручил им измерить глубины в районе устья реки. Крестьяне, взяв рыбацкие сети, вышли на лодке в реку и под видом рыбной ловли измерили глубину фарватера.

Разведчики успешно справились и с другой задачей, поставленной перед ними командованием. В результате визуального наблюдения и опроса местного населения удалось узнать чис-

ленность гарнизона, места расположения штаба и казарм, выяснить огневые позиции артиллерии белофиннов.

«Оказалось, что устье реки Видлицы было укреплено дальноточными орудиями, из которых одно орудие находилось на левом берегу Видлицы, у старой часовни; восемь орудий были расположены на правом берегу реки, промеж старых угольных печей, вдоль берега Ладожского озера, – пишет И. П. Медников в своих воспоминаниях. – Расположение всех орудий мы точно нанесли на карту с определением расстояния от берега озера...» [3: 32].

Заблаговременное вскрытие системы огня противника в районе предполагаемой высадки десанта позволило советскому командованию распределить цели между кораблями, участвующими в операции, и спланировать подавление финских батарей в период артиллерийской подготовки.

Руководство операцией осуществляли: командующий войсками междуозерного района начальник 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусаров, военный комиссар 1-й стрелковой дивизии Э. А. Рахья, командующий Онежской флотилией Э. С. Панцержанский. Подготовка операции проходила в строжайшей тайне. В ее подробности были посвящены немногие. Для того чтобы противник не узнал детали предстоящего наступления частей Красной армии и в целях обеспечения внезапности удара со стороны восточного побережья Ладоги, был распространен слух, что сосредоточенная в Петрозаводской губе Онежская флотилия будет до конца оборонять Петрозаводск. Однако часть судов была заблаговременно переведена на Ладогу.

К участию в операции были привлечены:

- 1) 47-й и 82-й стрелковые полки 1-й стрелковой дивизии РККА, 1-й финский стрелковый полк (преобразованный из отряда красных финнов);
- 2) два корабля из состава морских сил Балтийского моря (эсминцы «Амурец» и «Уссуриец»);
- 3) одиннадцать судов Онежской флотилии – посыльное судно № 1 (бывший речной служебный пароход МПС «Петрозаводск»); минно-сетевой заградитель «Яуза» (колесный теплоход, переоборудованный в заградитель еще на стадии достройки на Коломенском заводе в 1917 году); сторожевые суда «Выдра» и «Ласка», а также номерные сторожевые суда – № 1, 2 и 4 (бывшие речные буксиры, мобилизованные и вооруженные); четыре колесных парохода – «Балмашёв», «Гарибальди», «Кибальчич» и «Сом»).

Флаг командира Онежской флотилии Э. С. Панцержанского был поднят на посыльном судне № 1, здесь же находился и командующий войсками междуозерного района М. П. Гусаров.

Говоря о корабельной группировке, необходимо отметить, что она была разнородной и в сво-

ем составе имела преимущественно устаревшие корабли. Эскадренные миноносцы «Амурец» и «Уссуриец» являлись однотипными (первоначально классифицировались как минные крейсера проекта «Всадник») и относились к категории угольных миноносцев. Они были построены по заказу Морского генерального штаба на верфи фирмы «Германия» в Киле, спущены в 1905 году. В состав русского императорского флота вошли в 1907 году. Эсминцы «Амурец» и «Уссуриец» имели на вооружении по два 102-мм орудия (образца 1909 года конструкции Обуховского сталелитейного завода), одной 37-мм пушке, четыре 7,62-мм пулемета, три 456-мм носовых торпедных аппарата. В период Первой мировой войны (1914–1918) эсминцы принимали участие в боевых действиях на Балтике. К концу войны это были уже устаревшие и в техническом, и в физическом отношении корабли. В январе 1919 года начальник морских сил Балтийского моря А. П. Зеленой в рапорте на имя командующего морскими силами республики В. М. Альтфатера, характеризуя техническое состояние эсминцев, писал, что они «с трудом дают лишь 14 узлов ходу, имеют старые корпуса и такие же, совершенно изношенные, котлы и машины»¹⁷. Архивные документы свидетельствуют, что привлечение эсминцев «Амурец» и «Уссуриец» к десантной операции проходило в обстановке нервозности и длительных согласований. 21 июня 1919 года начальник штаба сил Балтийского моря А. В. Домбровский по телеграфу дал указание коменданту Шлиссельбургской крепости (начальнику Шлиссельбургской базы) Ю. В. Шельтинге: «Реввоенсовет приказал пока никаких миноносцев не посылать до выяснения вопроса, о какой операции идет речь»¹⁸. В этот же день состоялись переговоры «по прямому проводу» А. В. Домбровского и В. Е. Бурачка, в ходе которых штаб флота получил исчерпывающую информацию о предстоящей операции. В. Е. Бурачек доложил:

«Вчера командующий войсками междуозерного района Гусаров поставил мне задачу – высадить десант в устье Видлицы. Обстановка следующая: на правом берегу реки стоят 4 орудия, на левом берегу – 2 орудия. Противник установил эти орудия для борьбы с нашими кораблями. Имеемые в распоряжении силы недостаточны, чтобы говорить об успешном выполнении задачи – высадке десанта, о чем я докладывал командующему войсками Гусарову. Командующий считает необходимым высадить десант в Видлице и приказал Панцержанскому просить прислать эсминцы со 100-миллиметровыми пушками, чтобы ими сбить орудия противника, место расположения которых определено довольно точно. Операция уже разработана с расчетом на участие миноносцев со 100-миллиметровыми пушками»¹⁹.

Из сведений, добытых разведкой 1-й стрелковой дивизии, было известно, что в районе Видлицы на правом берегу у развилки дорог были установлены четыре 3,5-дюймовых орудия, северо-западнее завода – две 2,5-дюймовые пушки,

в районе пристани – три японских бомбомета, на левом берегу – две 2,5-дюймовые пушки, на правом берегу Тулоксы (у впадения реки в озеро) – одно 2,5-дюймовое орудие.

В архивных документах нам не удалось найти сведения о том, какие конкретно орудия были установлены финнами для обороны восточного побережья Ладожского озера в 1919 году. Однако изучение финских фотографий позволяет предположить, что для этих целей финны могли использовать 87-мм полевую легкую пушку образца 1877 года. Она была разработана в Германии инженерами фирмы «Крупп». Производилась заводами Круппа, Санкт-Петербургским орудийным, Обуховским, Пермским, Путиловским и Александровским в конце XIX века. В годы Первой мировой войны такие орудия оставались на вооружении некоторых береговых батарей русской армии, прикрывавших западное побережье Финляндии. После Октябрьской революции в России финские белогвардейцы захватили эти орудия и применяли их в боях против красных финнов. В 1918 году белофинны располагали 114 такими орудиями. По нашему мнению, Олонецкая добровольческая армия использовала для обороны Видлицы именно 87-мм полевые пушки образца 1877 года. Максимальная дальность стрельбы орудия гранатой составляла 6470 м. Несмотря на свой «преклонный» возраст и наличие в ее названии слова «легкая», эта пушка представляла серьезную угрозу для сторожевых судов, не имевших броневой защиты, и пароходов с десантом. Для подавления артиллерии противника и огневой поддержки десанта советскому командованию необходимы были мощные средства. Именно орудия эсминцев и стали этим средством. Они могли вести стрельбу на дальность до 88 кабельтовых (16300 м), а входивший в боекомплект фугасный снаряд был способен эффективно разрушать полевые фортификационные сооружения.

Минно-сетевой заградитель «Яуза» был самым «молодым» кораблем в этой группе (спущен в 1917 году, вошел в состав Онежской флотилии в мае 1919 года). Заградитель был вооружен двумя 75-мм пушками (конструкции Г. Канэ) и двумя 7,62-мм пулеметами. Сторожевые суда «Выдра» и «Ласка» имели достаточно мощное для судов такого класса вооружение: две 76,2-мм пушки (образца 1909 года системы «Данглиза – Шнейдера») и два 7,62-мм пулемета в башнях. Номерные сторожевые суда Онежской флотилии представляли собой речные буксиры разных годов постройки, мобилизованные для нужд военного ведомства в годы Первой мировой войны. Первоначально они классифицировались как вооруженные пароходы, затем – как речные канонерские лодки. В 1919 году они были перекалиброваны в сторожевые суда. Вооружение таких сторожевиков не имело единообразия. Как

правило, на сторожевые суда такого типа устанавливали орудия и пулеметы, которые имелись в тот период в арсеналах.

23 июня 1919 года начальник морских сил Балтийского моря А. П. Зеленой направил телеграмму Э. С. Панцержанскому и М. П. Гусарову, в которой потребовал

«не поручать миноносцам обстрела берега по площадям, а вести обстрел при поддержке нашего фланга лишь по определенной видимой цели, не расходуя зря снарядов»²⁰.

Командирам кораблей было дано строгое указание:

«Границы территориальных вод (Финляндии) не переходить, в наших водах считать финские суда за суда противника»²¹.

23 июня 1919 года в 23 часа по приказу начальника Шлиссельбургской базы Ю. В. Шельтинги миноносцы «Амурец» и «Уссуриец» вышли в Ладожское озеро. Переход осуществлялся с соблюдением повышенных мер безопасности. У орудий находились боевые расчеты в готовности к открытию огня. Накануне в Шлиссельбургскую базу поступила оперативная информация о возможном присутствии в Ладоге подводной лодки противника.

24 июня в 9 часов 40 минут миноносцы достигли устья реки Свири, где стали на якорь. 24 июня 1919 года на флагманском судне № 1 под руководством Э. С. Панцержанского состоялось совещание командиров кораблей и капитанов судов, задействованных в десантной операции. Начальник штаба флотилии Г. А. Степанов доложил план предстоящей операции, вопросы управления и взаимодействия.

«Общая задача операции была – освободить от противника район между Тулоксой и Видлицей, отбросить противника до границы»²².

Каждый командир корабля и капитаны судов получили боевое распоряжение, в котором был указан состав морских сил и поставлены конкретные задачи каждому подразделению кораблей (судов). Миноносцам и сторожевым судам была поставлена задача – подавить артиллерийские батареи противника, расположенные на побережье, и обеспечить огневую поддержку десанта²³.

Выход кораблей был назначен на 23 часа 24 июня 1919 года. По сигналу командующего Онежской флотилией Э. С. Панцержанского эсминцы снялись с якоря и заняли свое место в кильватере посыльного судна № 1. По выходе в Ладогу выяснилось, что в озере свежий ветер и высокая волна, которая представляла угрозу транспортам и сторожевым судам, имевшим невысокую мореходность. Отряд был вынужден вернуться назад. На обратном пути произошло чрезвычайное происшествие:

«В 2 часа 18 минут (25 июня 1919 г.), проходя по каналу, находясь на норд от Чембовского (маяка) между входными бакенами, оба миноносца задели грунт, и на “Амурце” появилась течь в носовом отсеке»²⁴.

В 3 часа 10 минут корабли вновь встали на якорь в Свирице. Готовность к походу была объявлена на 22 часа 30 минут 25 июня 1919 года. Однако из-за непогоды было принято решение перенести операцию на 28 июня. Это создало дополнительные трудности, которые могли привести к срыву всей операции. Дело в том, что на эсминцах осталось по 80 тонн угля (из 180 тонн при полной загрузке). Увеличение сроков похода неизбежно требовало возвращения кораблей в базу для пополнения запасов топлива. После совещания Г. Г. Виноградского с Э. С. Панцержанским было принято решение – дожидаться следующей ночи; если не удастся выйти в поход в ночь с 26 на 27 июня 1919 года, то придется отпустить миноносцы в Шлиссельбург за углем [1: 316].

26 июня 1919 года пароходы «Кибальчич» и «Гарибальди», находившиеся в устье реки Свири в районе села Свирица, под охраной сторожевых судов ушли вверх по реке Олонке в район деревни Юкселицы, где должны были принять на борт пехоту. Десант состоял из подразделений 82-го стрелкового полка (более 500 бойцов) и отряда партизан, сформированного из местных жителей (около 150 человек).

26 июня 1919 года в 19 часов сторожевое судно «Ласка» с буксирами вышло в Ладожское озеро. Погода улучшилась. Корабли получили приказ готовиться к походу. В 22 часа 30 минут посыльное судно № 1, эсминцы «Уссуриец» и «Амурец», минный заградитель «Яуза» и сторожевое судно «Выдра» снялись и совершили переход на север к реке Олонке. 27 июня 1919 года в 3 часа корабли встали на якорь в устье Олонки, где к ним присоединились сторожевое судно «Ласка», три речные канонерские лодки и транспорты с десантом²⁵. Сосредоточение кораблей и судов было обнаружено противником. Его артиллерийские орудия, установленные в районе Тулоксы, открыли огонь. Однако обстрел не причинил вреда кораблям. Снаряды падали с большим недолетом. Здесь же, в устье Олонки, командиры кораблей получили новую разведывательную информацию, которая в дальнейшем очень помогла командирам при подавлении береговых батарей противника.

«В 4 часа мы стали на швартовы к “Уссурийцу”, чтобы к нам перешел наш разведчик, – вспоминал позднее командир эсминца “Амурец” А. П. Белобров. – Это был молодой человек в солдатской шинели. На листке бумаги он нарисовал схему района у Видлицы карандашом и показал положение батарей, место расположения штаба и войск» [1: 316].

Перед походом командир миноносца «Уссуриец» Г. Г. Виноградский решил провести тренировку и отработать вопросы взаимодействия

между кораблями. Вот как А. П. Белобров описывает это:

«Так как мы с ним (Г. Г. Виноградским. – Е. Б.) должны были для обстрела берега совместно маневрировать, он решил предварительно сделать несколько эволюций. В течение получаса мы по его сигналам несколько раз сделали повороты “вдруг” на 16 румбов. Все это удалось вполне прилично» [1: 317].

Как показали дальнейшие события, такая тренировка была своевременной и необходимой. В ходе операции экипажи миноносцев действовали слаженно и профессионально. Под охраной эсминцев и сторожевых судов транспорты вышли в Ладожское озеро и двинулись курсом «норд» к месту высадки десанта. Не открывая огня, корабли и суда Онежской флотилии перестроились для высадки десанта.

Военный историк В. И. Жуматий пишет, что «в соответствии с планом высадки было сформировано два десантных отряда» [4: 15]. В действительности это не совсем точно. План операции, подписанный 25 июня 1919 года командующим флотилией Э. С. Панцержанским, начальником штаба Г. А. Степановым и военным комиссаром Клявиным, предусматривал высадку десанта только в устье реки Видлицы. Задача флотилии была сформулирована лаконично и четко:

«Сбить неприятельские батареи у Видлицы и высадить десант в устье реки»²⁶.

Об отсутствии первоначальных планов по высадке одновременно двух десантов свидетельствует и приказ командующего войсками междоузерного района начальника 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусарова от 25 июня 1919 года № 13К:

«Порядок боя: обстрел из дальнбойных орудий района Видлицы и одновременно обстрел позиций противника артиллерией из 82-го полка; вступление пехоты в атаку и продвижение судов в устье Видлицы; атака пехоты и высадка десанта на Видлице, который сразу начнет громить тыл противника»²⁷.

Однако оперативная обстановка на сухопутном фронте изменилась, и буквально за час до начала активной фазы операции план был скорректирован. М. П. Гусаров принял решение высадку десанта осуществить одновременно на двух участках – в районе устья рек Видлица и Тулокса. Отряд разделился на две группы. В 4 часа 52 минуты первая группа под командованием В. Е. Бурачка (в составе: эсминцы «Амурец» и «Уссуриец», заградитель «Яуза», сторожевое судно «Ласка» и пароход «Балмашёв» с десантом) направилась к Видлице. В 5 часов 25 минут эсминцы с дистанции 40 кабельтовых, не входя в зону обстрела финских батарей, открыли огонь по позициям противника в районе развилки дорог на правом берегу реки. Сторожевое судно «Ласка» обстреляло казармы, где находились финские солдаты.

Минный заградитель «Яуза» по плану операции должен был подавить два 57-мм артиллерийских орудия, расположенных возле часовни на левом берегу реки. Однако первоначально обнаружить батарею противника не удалось. Командир корабля В. Н. Федотов приказал вести огонь по чугунолитейному заводу. После нескольких выстрелов на территории завода загорелись производственные постройки. Затем минный заградитель перенес огонь своих орудий на батарею противника, находившуюся в районе пристани. В это время из района часовни открыла огонь молчаливая до этого батарея 57-мм пушек противника. Несколько точных выстрелов корабельных орудий, и финская артиллерия смолкла. А «Яуза» вновь сосредоточила огонь по позициям противника на правом берегу. В 6 часов 8 минут эсминцы подошли к берегу на дистанцию 20–25 кабельтовых. Это позволило повысить точность стрельбы. В 6 часов 30 минут батареи противника были подавлены. Победа в артиллерийской дуэли была за русскими моряками. Успех был обеспечен прежде всего благодаря высокой выучке комендоров. Многие из них принимали участие в сражениях Первой мировой войны. В 6 часов 55 минут миноносцы, ведя прицельный огонь по позициям белофиннов, приблизились к береговой черте на 12 кабельтовых. Подробности этого боя в своих мемуарах описывает А. П. Белобров:

«На “Амурце” огнем управлял старший помощник командира К[онстантин] К[онстантинович] Росляков... Управление огнем весьма увлекло его и он, как тогда говорили, вошел в “артиллерийский раж”. Когда миноносцы приблизились к берегу, К. К. Росляков стал стрелять из пушек по обнаружившимся у береговой черты 3–4 полевым орудиям белофиннов и чуть ли не по отдельным солдатам, двигавшимся по опушке леса; по ним одновременно с миноносцев стреляли из пулеметов, поэтому К. К. Рослякова пришлось несколько раз останавливать...» [3: 35].

В 7 часов 15 минут по сигналу флагмана эсминцы прекратили стрельбу и застопорили ход. За 75 минут стрельбы эсmineц «Амурец» выпустил 168, а «Уссуриец» – 133 снаряда²⁸. От интенсивной стрельбы стволы орудий нагрелись так, что не могли остыть в течение нескольких часов.

После того как финская артиллерия в районе Видлицы была подавлена, сторожевое судно № 2 (командир С. П. Алфеев) по приказу командующего флотилией вошло в устье реки. Обстреливая берега из пулеметов и шрапнелью из орудий, оно поднялось вверх по течению. Дойдя до моста и не обнаружив противника, судно вернулось назад. Убедившись, что сопротивление белофиннов подавлено, флагман приказал начать высадку десанта. В 7 часов 45 минут пароход «Балмашёв» (капитан Н. И. Игнашков) с бойцами на борту вошел в устье Видлицы. Высадка десанта должна была производиться на правый берег, к которому капитан и направил пароход. Но командир десанта, не зная, что берега реки определяются по ее

течению, и не слушая объяснений Н. И. Игнашкова, потребовал подойти к другому (правому по ходу судна) берегу. Эта ошибка задержала вступление в бой десанта и позволила белофиннам восстановить боеспособность. Противник возобновил обстрел наших судов из орудий и пулеметов.

Минный заградитель «Яуза» и сторожевое судно «Ласка» в это время стояли в 4 кабельтовых в готовности поддержать огнем своих орудий действия десанта. Определив позицию, откуда финское орудие вело огонь, командир заградителя «Яуза» приказал подавить огневую точку противника. В результате точного попадания 57-мм пушка была уничтожена. При помощи сторожевого судна № 2 пехота была переправлена на северный (правый) берег реки Видлица и вступили в бой с белофиннами. В результате ожесточенного боя село Видлица было освобождено, а опорная база интервентов ликвидирована.

Во время боя радистами флагманского судна была перехвачена радиграмма неизвестной корабельной радиостанции, предназначенная зашифрованными адресатам. Подписи также были зашифрованными. Однако само сообщение было открытым, на... немецком языке: «Что случилось? Требуется ли помощь?». Этот факт еще раз подтверждает, что «Олонецкий поход» финских «добровольцев» был инспирирован руководством Финляндии при поддержке Германии. В сухопутных войсках и на флоте в этот период находилось большое количество германских инструкторов. Об одном из них – майоре Г. Э. фон Герцене – мы уже писали ранее (см. [2]). Видимо, в Сердоболе (Сортавале) немецкие кураторы финской авантюры уже получили информацию о бое в районе Видлицы и хотели прояснить обстановку.

Начальник штаба флотилии Г. А. Степанов, воспользовавшись теми же шифрами и подписями, отправил ответную телеграмму на немецком языке: «Всё благополучно. Помощь не нужна». Размышляя об этом факте, Э. С. Панцержанский писал 10 июля 1935 года в газете «Красная Карелия»:

«Наша ли успокоительная телеграмма или урок, полученный белой флотилией после потопления одного из ее судов у устья Видлицы... но ни один из неприятельских кораблей не показывался на горизонте» [5: 52].

Вторая группа под командованием Н. С. Наддачина (в составе: сторожевые суда «Выдра», № 1, № 4 и пароход «Сом» с десантом) должна была высадить десант в устье реки Тулоксы. Однако, встретив мощное сопротивление со стороны противника, корабли вынуждены были отойти от берега. Прибывший в район высадки второго десанта командующий войсками междуозерного района М. П. Гусаров в резкой форме выразил свое недовольство командиру 82-го стрелкового полка, который руководил высадкой десанта, и приказал во что бы то ни было

высадить десант. Было принято решение, воспользовавшись туманом, который опустился на озеро, произвести высадку десанта севернее устья Тулоксы. В 8 часов началась высадка десанта на участке между устьями рек Видлица и Тулокса. Сторожевые суда № 1 и № 4 поддерживали десант огнем, подойдя к самому берегу. Густой туман скрыл корабли и десант, поэтому противник не смог вести прицельный огонь. Высадившись на берег, пехота начала наступление по двум направлениям: две роты – в северном (для соединения с десантом, действовавшим в районе Видлицы); одна рота – в южном направлении (на позиции белофиннов, оборонявшихся на правом (северном) берегу реки Тулокса). Не выдержав натиска бойцов Красной армии, противник бежал. Восточное побережье Ладожского озера от реки Тулоксы до границы с Финляндией было освобождено. В Видлице и Тулоксе подразделения Красной армии захватили все имущество Олонецкой добровольческой армии: четыре 87-мм полевых пушки (образца 1877 года), пять 57-мм пушек, три японских бомбомета, двенадцать пулеметов, четыре автомата (6,5-мм самозарядные винтовки системы В. Г. Фёдорова), 2 тыс. патронов и легковой автомобиль, а также склады с продовольствием, инженерным и вещевым имуществом. Для вывоза захваченных трофеев в Лодейное Поле потребовалось несколько рейсов пароходов «Гарибальди» и «Кибальчич» в течение последующей недели²⁹.

Потери личного состава Онежской флотилии были минимальными – трое раненых. Корабли и суда, принимавшие участие в операции, получили незначительные повреждения (в основном пулевые пробоины палубных надстроек), не повлиявшие на их боеспособность. Потери десанта были более значительными – несколько десятков убитыми и ранеными.

30 июня 1919 года главком И. И. Вацетис и член РВС Республики С. И. Гусев (Я. Д. Драбкин) направили поздравительную телеграмму начальнику 1-й стрелковой дивизии и командованию Онежской флотилии: «Передайте командирам судов и десанту благодарность за лихое дело у Видлицы и Тулоксы. Представьте отличившихся к наградам»³⁰. Командующий войсками междуозерного района начальник 1-й стрелковой дивизии М. П. Гусаров приказом РВС Республики от 20 сентября 1919 года № 233 был награжден орденом Красного Знамени (РСФСР). Также орденами были награждены: начальник штаба Онежской флотилии Г. А. Степанов и начальник дивизиона заградителей В. Е. Бурачек. Командующий Онежской флотилией Э. С. Панцержанский по неизвестным причинам награду за Видлицко-Тулокскую десантную операцию не получил.

В приказе командующего войсками междуозерного района М. П. Гусарова была объявлена благодарность командирам судов и военным морякам флотилии за успешное проведение опе-

рации. Персонально были отмечены: командующий Онежской флотилией Э. С. Панцержанский, командир минного заградителя «Яуза» В. Н. Федотов, командир сторожевого судна «Ласка» А. Е. Коваленко, командир сторожевого судна № 2 С. П. Алфеев, проявившие «исключительную порядительность и храбрость» [5: 54]. Командир заградителя «Яузы» В. Н. Федотов кроме благодарности получил от командующего войсками междуозерного района еще одну оригинальную «награду». М. П. Гусаров, которому понравились боевые действия экипажа «Яузы», прислал В. Н. Федотову «четвертную спирта» [1: 626]. Многие моряки – участники операции были награждены Петроградским Советом именными часами.

Наступление Красной армии на Онежско-Ладожском перешейке и успешная десантная операция в районе Видлицы – Тулоксы переломили оперативную обстановку на Олонецком участке. Финские войска и отряды местных сепаратистов вынуждены были отступать за границу. Части Красной армии и суда Онежской флотилии получили приказ не преследовать финские войска за линией государственной границы. К 8 июля 1919 года олонецкий боевой участок фронта был ликвидирован. Однако мир на советско-финляндской границе так и не установился. Финляндское правительство отказывалось вступить в пере-

говоры о прекращении военных действий и заключении мирного договора. На северо-западных рубежах страны по-прежнему продолжали сосредоточиваться финские войска при политической и военно-технической поддержке Великобритании, тем самым создавая постоянную угрозу новой агрессии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, необходимо сказать, что с точки зрения военного искусства боевые действия, которые вели корабли морских сил Балтийского моря, суда Онежской флотилии и части 1-й стрелковой дивизии 27 июня 1919 года в районе Видлицы и Тулоксы, относятся к оперативному уровню. Однако в реальности Видлицко-Тулокская десантная операция значительно выходила за рамки оперативного искусства. В июне 1919 года здесь решалась судьба русской Карелии – быть ей в составе России или Финляндии. Захват Онежско-Ладожского перешейка значительно ухудшил бы геостратегическое положение РСФСР на северо-западе на длительный период. Теперь сложно представить, как бы развивались события на северо-западном театре военных действий в 1941 году, если бы К. Г. Маннергейму удалось реализовать в 1918–1920 годах свои экспансионистские замыслы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 17.

² Военмор (военный моряк) – сокращенное наименование всех военнослужащих Рабоче-крестьянского военно-морского флота, установленное в 1918 году. Отменено в 1924 году.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 114.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Наморси (начальник морских сил) Балтийского моря – официальная должность руководителя морскими силами Балтийского моря в 1918–1920 годах. В период с 18 января 1919 года по 8 июля 1920 года эту должность занимал бывший контр-адмирал русского императорского флота Александр Павлович Зеленой (1872–1922).

⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 19.

¹⁰ Там же. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 178. Л. 245–245 об.

¹¹ Генмор (Морской генеральный штаб) – высший оперативно-стратегический орган управления Военно-морского флота (Военно-морских сил). В Российской империи был учрежден 24 апреля (7 мая) 1906 года. Входил в состав Морского министерства. После Октябрьской революции 1917 года неоднократно реорганизовывался. В августе 1921 года его функции перешли к Морскому штабу Республики.

¹² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 158. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 58 б.

¹⁴ Там же. Л. 208.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 236.

¹⁷ Там же. Д. 147. Л. 119.

¹⁸ Там же. Д. 158. Л. 143.

¹⁹ Там же. Л. 140.

²⁰ Там же. Л. 281.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 293.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 294.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 166. Л. 10.

²⁷ Там же. Д. 349. Л. 12.

²⁸ Там же. Д. 158. С. 295.

²⁹ Там же. Д. 170. С. 19 об.

³⁰ Там же. Д. 178. С. 416.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белобров А. П. Воспоминания. 1894–1979. М.; СПб.: Индик, 2008. 912 с.
2. Бочков Е. А. Финская интервенция в Русскую Карелию (апрель – июнь 1919 года) // Гражданская война в Олонецкой Карелии: Материалы науч.-практ. конф. (26–27 июня 2019 года, г. Олонец – с. Видлица). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. (В печати).
3. Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (В воспоминаниях) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918–1920 гг.). Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1960. С. 29–38.
4. Жуматий В. И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1918–1945. М.: Центрполиграф, 2011. 399 с.
5. Морозов К. А. Онежская флотилия в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920). Петрозаводск: Государственное изд-во Карельской АССР, 1961. 125 с.

Поступила в редакцию 12.09.2019

Eugene A. Bochkov, Doctor of History, Council of Interregional Public Organization “Academy of Military and Historical Sciences” (St. Petersburg, Russian Federation)
be57@yandex.ru

VIDLITSA-TULOKSA LANDING OPERATION AND ITS ROLE IN HALTING WHITE FINNISH INTERVENTION IN SOUTHERN KARELIA

The article highlights the events of the Civil War and military intervention in the North-West of Russia in the spring and summer of 1919. Having studied archival documents and memoirs sources, the author tells about the preparation and conduct of the landing operation against the White Finnish troops on the eastern coast of Lake Ladoga in the area of Vidlitsa and Tulokska settlements by the Red Army command. On June 27, 1919, the units of the First Infantry Division of the Red Army (under the command of M. P. Gusarov, the Chief of the Division and Commander of the Interlake District) together with the ships of the Baltic Sea naval forces and the Onega military flotilla (under the command of E. S. Pantserzhansky) destroyed the base of the Olonets volunteer army, which was used by Finland's military and political leaders for personnel replacement, as well as for the supply of arms, ammunition, food, and other material means. The operation timeline was minutely traced, the events were reconstructed, and the historiography of the topic was refined significantly. In conclusion, it is emphasized that as a result of the landing operation the operational situation in the isthmus between Lake Onega and Lake Ladoga changed in favor of the Red Army, the threat of Petrozavodsk being captured was eliminated, and the control over the sovereign territory of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on the eastern coast of Lake Ladoga was restored.

Keywords: Red Army, Karelia, Finland, White Finnish intervention, Olonets volunteer army, Interlake District, Olonets battle area, Onega military flotilla

Cite this article as: Bochkov E. A. Vidlitsa-Tulokska landing operation and its role in halting White Finnish intervention in Southern Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.411

REFERENCES

1. Belobrov A. P. Memories of the man-of-war's man. 1894–1979. Moscow, St. Petersburg, 2008. 912 p. (In Russ.)
2. Bochkov E. A. Finnish intervention in Russian Karelia (April – June, 1919). *The Civil War in Olonets Karelia. Proceedings of the Research and Practice Conference (June 26–27, 2019, Olonets – Vidlitsa)*. Petrozavodsk, 2020. (In print.) (In Russ.)
3. Vlasova M. N., Morozov K. A. Landing operation in Vidlitsa on June 27, 1919. (In memoirs). *The history of intervention and the Civil war in Karelia (1918–1920)*. Petrozavodsk, 1960. P. 29–38. (In Russ.)
4. Zhumatiy V. I. Marine landing operations of the USSR military forces. Marines before and during the Civil War. 1918–1945. Moscow, 2011. 399 p. (In Russ.)
5. Morozov K. A. Onega military flotilla during the years of the Civil War and foreign intervention (1918–1920). Petrozavodsk, 1961. 125 p. (In Russ.)

Received: 12 September, 2019

ЮРИЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора общенационального научно-политического журнала «Власть»

Московский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)

vasyural@mail.ru

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЧЕРНОБАЕВ

доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «Исторический архив», главный специалист

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва, Российская Федерация)

aa-istorik@yandex.ru

«КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС»: ИСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ДЕПОРТАЦИИ В 1944 ГОДУ

Архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории, впервые введенные в научный оборот в данной работе, позволяют представить репрезентацию исторических событий 1944 года, связанных с «карельским вопросом», поднятым военным корреспондентом газеты «Правда» М. М. Шуром в период наступательной операции Карельского фронта. Освещается процесс рассмотрения национального вопроса в ЦК ВКП(б), результаты которого протоколно не зафиксированы. Обосновано утверждение, что решение «карельского вопроса» было обусловлено комплексом внешних и внутренних факторов. Для политического руководства СССР приоритетной задачей являлось недопущение обострения военно-политической ситуации на Севере с целью заключения перемирия с Финляндией.

Ключевые слова: Карело-Финская ССР, Великая Отечественная война, «карельский вопрос», депортация, М. М. Шур, Г. Н. Куприянов

Для цитирования: Васильев Ю. А., Чернобаев А. А. «Карельский вопрос»: история несостоявшейся депортации в 1944 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 56–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.412

В июле – августе 1944 года, в период наступления Карельского фронта, неожиданно возник так называемый «карельский вопрос». В конце 1980-х – начале 1990-х годов в газетных и телевизионных интервью в Финляндии карельскими писателями Ортьё Степановым, Яакко Ругоевым, журналистом Рудольфом Сюкияйненом были высказаны версии о намечавшейся депортации финно-угорского населения из Карело-Финской ССР. В книге современного финляндского автора Антеро Уйтто повторяются аналогичные сюжеты: о предложении Сталину руководителей Карельского фронта в 1944 году в связи с «массовым предательством карел» выслать их из республики; о роли партийного руководителя КФССР Г. Н. Куприянова, который «взял на себя настоящую ответственность за защиту карел» [7: 320]. Никаких документальных доказательств при этом не приводится.

Публикации российских историков позволяют констатировать отсутствие оснований для репрессивных мер в отношении населения, оказавшегося в оккупации [4: 432]; отметить достойное поведение карел и других местных народов в тот период и после освобождения [3].

Дальнейшее исследование истории несостоявшейся депортации финно-угорских народов представляется актуальным в более широкой современной парадигме *новой политической истории*, включающей рассмотрение национальных и духовных особенностей различных социальных групп, в том числе сельского, составлявшего в 1940-е годы основную часть финно-угорского населения [1: 79–85].

Изучение архивных документов, выявленных в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (в частности, материалов Управления кадров ЦК ВКП(б), техсекретариата ЦК), позволяет представить достоверную репрезентацию исторических событий. Как выяснилось, впервые определение «карельский вопрос» использовал военный корреспондент газеты «Правда» на Карельском фронте М. М. Шур (с этим фронтом связана его военная биография). Именно он 31 июля 1944 года написал 6-страничное письмо в редколлегия главного партийного издания в СССР с описанием и оценкой ситуации в Карелии¹. Главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов получил письмо в Москве 5 августа 1944 года. Он не стал выносить его обсуждение на заседание редкол-

легии, а 13 августа направил докладную записку М. М. Шура члену ГКО, Секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову. Двумя днями позднее, 15 августа, аналогичное послание П. Н. Поспелов отправил Секретарю ЦК партии А. С. Щербакову – руководителю ГлавПУРА Советской армии и председателю Совинформбюро. После ознакомления с содержанием письма Шура Щербаков адресовал его Секретарю ЦК Г. М. Маленкову. По поручению последнего решением вопроса занимался ответственный Управления кадров ЦК ВКП(б) В. И. Репин. Как удалось выяснить, подлинник протокола № 169 заседаний Секретариата ЦК партии, подписанный Г. М. Маленковым, включает материалы с хронологическими рамками от 28 августа по 12 сентября 1944 года. В документах заседания от 30 августа вопроса по Карело-Финской ССР нет (не было его и в предыдущие два дня). Протокол от 31 августа содержит известное постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках политической работы среди населения районов Карело-Финской ССР, освобожденных от финской оккупации», которое публиковалось во многих документальных изданиях. Объем документа – 1 страница текста. Содержание постановления охватывает лишь один из аспектов национального вопроса. Следует обратить внимание на главный тезис указанного краткого постановления: «ЦК ВКП(б) отмечает, что массово-политическая работа поставлена неудовлетворительно»². В протоколе заседаний Секретариата ЦК ВКП(б) данный документ имеет порядковый номер – п. 115гс. Для внимательного исследователя указанная шифровка многое разъясняет. Аббревиатура «гс» означает – принято голосованием, то есть опросом. В годы войны в руководящих партийных органах, включая Политбюро, Секретариат и Оргбюро ЦК ВКП(б), голосование опросом по оперативным делам между заседаниями являлось обычной практикой. В материалах к протоколу Секретариата от 31 августа по данному вопросу содержится только выписка этого постановления. Поэтому нельзя выяснить, кто принимал участие в голосовании. Однако в архивном фонде техсекретариата ЦК ВКП(б) сохранилась короткая докладная записка на листке бумаги размером в полстраницы, подписанная заместителем начальника отдела Управления кадров ЦК ВКП(б) П. М. Кузнецовым и ответственным В. И. Репиным, адресованная секретарям ЦК партии Г. М. Маленкову и А. С. Щербакову:

«В связи с тем, что вопросы, поднятые военным корреспондентом “Правды” т[оварищем] Шуром, обсуждены на Секретариате ЦК ВКП(б) в присутствии секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР т. Куприянова и по его докладу принято соответствующее решение ЦК ВКП(б), считаем посылку ответственного в Карело-Финскую ССР нецелесообразной»³.

Такова недолгая история «карельского вопроса». Вопрос действительно обсуждался в ЦК, но

в рабочем порядке в аппарате ЦК ВКП(б), о чем работники Управления кадров доложили секретарям ЦК Маленкову и Щербакову. Обсуждение «карельского вопроса» не было оформлено протоколом заседания Секретариата ЦК. На этом аппаратном совещании не присутствовал инициатор «карельского вопроса» военкор «Правды» М. М. Шур (в это время он находился на 3-м Белорусском фронте, осуществлявшем наступательную операцию), не было и представителей газеты «Правда». Поручение Маленкова сотрудниками его аппарата было выполнено в короткие сроки. В ведомстве А. А. Жданова вопрос был снят с контроля и оказался в архиве уже 29 августа 1944 года (!), в секретариате Маленкова – 8 сентября.

Проведенное нами документальное расследование показало, что представители командования Карельского фронта не могли участвовать в обсуждении национального вопроса в Москве, поскольку занимались исполнением срочных военных приказов Ставки Верховного Главнокомандования по организации наступательных операций сначала на территории Карелии, затем в Заполярье [2: 211–218]. В личном фонде И. В. Сталина (внутренняя опись писем и заявлений в его адрес за период 19 января – 25 декабря 1944 года) никаких материалов ни от руководства ЦК КП(б) КФССР, ни от командования Карельского фронта нет⁴.

Вопрос закрыли – для этого имелись весомые причины. В рассуждениях о гипотетическом решении «карельского вопроса» методом массовой депортации следует принять во внимание несколько внешних и внутренних политических факторов. Руководство СССР летом 1944 года взяло курс на то, чтобы вывести Финляндию из войны, изолировать ее от гитлеровской Германии. 4 августа 1944 года президент Ристо Рюти был отправлен в отставку, новым президентом стал маршал К. Г. Маннергейм, ориентированный на завершение изматывающей и губительной для страны войны. 5 сентября боевые действия СССР в отношении Финляндии были прекращены. 19 сентября в Москве заключено перемирие, Финляндия обязалась освободить свою территорию от немецких войск. Карельский фронт получил возможность перенести наступательные действия против немецких войск в Заполярье. Учитывая изложенные события, трудно представить даже гипотетическую вероятность неких насильственных мероприятий в отношении финно-угорского населения в освобожденных районах советской Карелии. Идея депортации, которая высказывалась отдельными руководителями Карельского фронта, могла привести к обострению военно-политической ситуации и срыву переговоров с Финляндией, что противоречило стратегической позиции руководства СССР.

В воспоминаниях бывшего резидента внешней разведки в Финляндии генерала Е. Т. Синицына о возможной депортации карело-финского населения нет никакого упоминания [6]. Руководитель советской резидентуры, работавший под прикрытием (помощником политического советника руководителя Союзной контрольной комиссии в Финляндии А. А. Жданова), почти ежедневно докладывал ему текущую информацию. Наверняка Жданов получил конкретные и четкие указания Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Главная задача заключалась в том, чтобы быстрее вывести Финляндию из состояния войны с СССР – это позволяло перебросить значительные боевые резервы на Западный фронт войны с гитлеровской Германией. «Карельский вопрос» никак не вписывался в геополитический сценарий сталинской политики.

Внутренний политический фактор связан с другим важным обстоятельством: известно, кто являлся инициатором создания Карело-Финской Союзной Республики в 1940 году и принял судьбоносное политическое решение о 16-й союзной республике. Это был Сталин. В марте 1940 года он не спрашивал ни у кого мнения о том, надо ли создавать союзную республику, просто объявил свое решение. Проявление иной инициативы со стороны любого политического или военного деятеля могли расценить как вызов вождю народов.

Возможно, учитывая конъюнктуру 1944 года (массовые депортации ряда народов на юге страны), отдельные представители Военного совета Карельского фронта вынашивали подобную идею, пытаясь добыть веские свидетельства о якобы массовом сотрудничестве представителей финно-угорского населения с финскими оккупационными властями. В этом случае Карело-Финская ССР утратила бы статус республики.

Последствием подобного развития событий могла стать депортация местного карело-финского населения в Сибирь. Представляется обоснованным мнение С. Г. Веригина, что, защищая карело-финское население от обвинений в пособничестве оккупантам в годы войны, Г. Н. Куприянов отстаивал не только интересы республики, но и собственное положение в политической элите [4: 432]. В этой связи примечательно утверждение бывшего главного редактора издательства «Карелия» Д. З. Генделева. Занимаясь изданием воспоминаний Куприянова, он много общался с автором. Генделев высказался определенно:

«У меня вызывают сомнения слухи о якобы намечавшемся выселении карел сразу после окончания боевых действий в республике. Об этом Куприянов мне никогда ничего не говорил» [5: 438].

В техсекретариате Оргбюро ЦК партии отложились два документа. Первый – двухстраничная записка Куприянова Секретарю ЦК ВКП(б) Жданову. В ней прилагался объемный доклад (69 машинописных страниц) «Об участии карело-финского народа в Великой Отечественной войне», датированный 31 июля 1944 года. Письмо Куприянова Жданову заканчивалось обращением: «Прошу ознакомиться и *дать мне Ваши указания* (курсив наш. – Ю. В., А. Ч.)»⁵. Второй архивный документ – трехстраничная записка Куприянова Секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. К записке прилагается тот же 69-страничный доклад об участии карельского народа в войне, датированный 3 августа 1944 года. Куприянов просил Маленкова высказать мнение ЦК партии и «*дать соответствующие указания* (курсив наш. – Ю. В., А. Ч.)»⁶. Решение «карельского вопроса» являлось прерогативой «высшей инстанции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 332. Л. 85–90.

² Там же. Оп. 116. Д. 169. Л. 21.

³ Там же. Оп. 121. Д. 332. Л. 91.

⁴ Там же. Ф. 558. Оп. 11. Д. 886.

⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 121. Д. 292. Л. 1–2.

⁶ Там же. Оп. 122. Д. 67. Л. 1–3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев Ю. А. Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта. М.: Молодая гвардия, 1992. 146 с.
- Васильев Ю. А. Юрий Андропов. На пути к власти. М.: Вече, 2018. 416 с.
- Веригин С. Г. «Карелы, финны и вепсы в массе своей вели себя героически во время войны». Из мемуаров бывшего первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова // Исторический архив. 2013. № 4. С. 11–31.
- Веригин С. Г. О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 г. // Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 418–434.
- Воспоминания // Гордиенко А. А. Куприянов и его время. Петрозаводск: Карелия, 2010. С. 422–445.
- Синицын Е. Т. Резидент свидетельствует. М.: Гей, 1996. 288 с.
- Уйтто А. «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб.: Гйоль, 2017. 388 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019

Yuriy A. Vasiliev, Doctor of History, journal *Vlast'*, Moscow University for the Humanities
(Moscow, Russian Federation)
vasyural@mail.ru

Anatoliy A. Chernobaev, Doctor of History, journal *Historical Archive*, Russian State Archive of Social and Political History
(Moscow, Russian Federation)
aa-istorik@yandex.ru

“KARELIAN ISSUE”: THE STORY OF THE UNEXECUTED DEPORTATION IN 1944

Archival documents of the Russian State Archive of Social and Political History, first introduced into scientific circulation in this publication, enable us to give a representation of the historical events of 1944 related to the “Karelian issue” raised by the war correspondent of the *Pravda* newspaper M. M. Shur during the offensive operation of the Karelian Front. The article covers the process of considering the national issue by the Central Committee of the USSR Communist Party, with the results not recorded in protocols. The authors substantiate the statement that the solution of the “Karelian issue” was driven by a complex of external and internal factors. For the USSR political leadership the priority was to prevent the exacerbation of the military and political situation in the North to sign an armistice with Finland.

Keywords: Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, Great Patriotic War, the “Karelian issue”, deportation, M. M. Shur, G. N. Kupriyanov

Cite this article as: Vasiliev Yu. A., Chernobaev A. A. “Karelian issue”: the story of the unexecuted deportation in 1944. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 56–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.412

REFERENCES

1. Vasiliev Yu. A. The village at the crossroads. The revival of the village: the formation of living conditions and a culture of life. Moscow, 1992. 146 p. (In Russ.)
2. Vasiliev Yu. A. Yuri Andropov. On the way to power. Moscow, 2018. 416 p. (In Russ.)
3. Verigin S. G. “The Karelians, Finns and Vepsians mostly behaved heroically during the war.” Excerpts from the memoirs of the former first secretary of the Central Committee of the Communist (Bolshevik) Party of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic G. N. Kupriyanov. *Historical Archive*. 2013. No 4. P. 11–31. (In Russ.)
4. Verigin S. G. The plans for the liquidation of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic in August of 1944. *Verigin S. G. Karelia during the years of war hardships: Political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War, 1939–1945*. Petrozavodsk, 2009. P. 418–434. (In Russ.)
5. Memories. *Gordienko A. A. Kupriyanov and his epoch*. Petrozavodsk, 2010. P. 422–445. (In Russ.)
6. Sinitsyn E. T. A resident testifies. Moscow, 1996. 288 p. (In Russ.)
7. Uytto A. “Finnoyed” Otto Ville Kuusinen. St. Petersburg, 2017. 388 p. (In Russ.)

Received: 20 June, 2019

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА КИСЕЛЕВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kiseleva_kate@mail.ru

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

**СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ФИНСКИХ КОНЦЛАГЕРЯХ КАРЕЛИИ:
ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ**

Тема военного плена, слабо изученная в советский период по идеологическим причинам, стала предметом научных исследований только с начала 1990-х годов и не утратила своей актуальности до настоящего времени. Современный этап отечественной историографии характеризуется определенной фрагментарностью: имеются лишь отдельные статьи и публикации, так или иначе затрагивающие вопросы советских военнопленных в финских лагерях в 1941–1944 годах. В финляндской историографии вопросы численности военнопленных изучены обстоятельным образом, в то время как дискуссионным остается выяснение причин высокой смертности. Комплексная разработка данной темы будет способствовать ликвидации белых пятен истории и закроет существующий историографический пробел. Именно в этом цель данной статьи, впервые рассматривающей существующую отечественную и финляндскую историографию в одном контексте.

Ключевые слова: советские военнопленные, финские концлагеря, Вторая мировая война, оккупация Карелии, историография

Для цитирования: Киселева Е. С., Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях Карелии: обзор литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 60–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.413

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историографии проблемам военного плена в годы Великой Отечественной войны посвящена обширная исследовательская литература. Однако тема советских военнопленных, содержащихся в финских концлагерях на оккупированной территории Карелии, освещена слабо. В советский период изучение данного вопроса было невозможным по идеологическим причинам. Установившийся в первые послевоенные десятилетия государственный вектор отношения к военнопленным как к предателям Родины поставил под запрет любое исследование по теме советских военнопленных. Не способствовало изучению данного вопроса и налаживание добрососедских отношений с Финляндией после Второй мировой войны. В 1950–1970-е годы на фоне динамично развивающихся отношений между СССР и Финляндией финляндская и советская стороны стремились не затрагивать сложные исторические проблемы, которые могли бы негативно повлиять на эти отношения.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые попытки в исследовании темы начались в период перестройки в СССР в конце 1980-х

— начале 1990-х годов, когда были сняты ограничения по многим исследовательским вопросам и открыт доступ к ранее закрытым архивным материалам и научным трудам иностранных исследователей. В начале 1990-х годов в периодической печати стали появляться первые статьи, посвященные трагедии военного плена в период войны между СССР и Финляндией в 1941–1944 годах. В журнале «Север» были опубликованы статьи А. Саллинена в переводе П. Леонтьева «Узники финского лагеря № 11» [11] и Н. Дьякова «Под чужим небом. Записки о финском плене 1941–1944» [7], посвященные советским военнопленным в финских лагерях. В статье А. Саллинена показана трагическая картина плена на примере финского лагеря № 11. Подчеркивая ужасные условия содержания в плену, изнурительные работы и голод, автор резко критикует замалчивание данной темы и считает своим долгом донести ее до широкого круга читателей в России и Финляндии. Статья Н. Дьякова пронизана собственным опытом пребывания в финском лагере в качестве военнопленного, дана информация об условиях содержания в лагере, изнурительном труде по осушению карельских болот, методах воздействия лагерной админи-

страции на военнопленных и пропагандистской работе, которая велась среди заключенных. Эти публикации, впервые поднявшие вопрос о советских военнопленных, имели большое значение для роста общественного и научного интереса к этой теме.

Первым научным исследованием по данному вопросу стала статья С. С. Авдеева «Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.)» [1]. Автору на основе рассекреченных документов архивов Республики Карелия удалось получить сведения о 14 финских и 27 немецких лагерях для советских военнопленных и представить подробную картину об условиях содержания в них. В исследовании В. С. Христофорова «Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг.» [14] очерчен обширный источниковый круг для последующих исследований. Автор анализирует протоколы допросов, архивно-следственные и фильтрационные дела, из которых можно почерпнуть сведения о структуре лагерей, местах их дислокации, внутрилагерном режиме. В статье Н. А. Иванова «Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегорского района Карело-Финской ССР» [8] на основе рассекреченных документов Центрального архива ФСБ России подробно описаны условия содержания советских военнопленных в финских лагерях № 74 и № 75.

Тема советских военнопленных нашла отражение в монографии С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний», изданной в 2009 году [4]. Автор посвящает отдельную главу местам принудительного содержания советских людей в финском плену, включавшим финские концентрационные лагеря для гражданского населения и для советских военнопленных. В конце монографии приложен перечень лагерей для советских военнопленных, созданный на основе материалов Военного архива Финляндии.

Финским лагерям советских военнопленных на территории оккупированного финнами Медвежьегорского района Карелии в 1941–1944 годах посвящены статьи С. Г. Веригина [2], [3], в которых на основе анализа рассекреченных архивных документов из фондов Архива Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК подробно описываются условия содержания, трудового использования, продовольственного снабжения, которые во многом зависели от национальной принадлежности военнопленных. Автор отмечает, что до последнего времени не установлены места захоронений сотен погибших от расстрелов, побоев и голода советских военнопленных финских концлагерей г. Медвежьегорска и Медвежьегорского района. Документально установлено, что финны для создания и функ-

ционирования концлагерей для военнопленных в Медвежьегорском районе в 1941–1944 годах использовали уже имеющуюся здесь структуру – лагеря ББК. Вполне вероятно, им были известны и места захоронений советских заключенных ББК конца 1930-х годов – лесное урочище Сандармох. Поэтому естественно, что советских военнопленных, погибших в финских концлагерях, могли хоронить в расстрельных ямах Сандармоха [2: 95], [3: 11], [15].

Еще один не исследованный до сих пор вопрос – это вопрос о том, кто строил мощные оборонительные укрепления в Медвежьегорске в период оккупации. Медвежьегорск был взят финскими войсками в декабре 1941 года, после чего финское военное командование приняло решение о создании в Медгоре мощного укрепленного района. С конца 1941 до лета 1944 года все господствующие высоты вокруг города с трех сторон были превращены в опорные пункты, комплексные сооружения вырублены в скалах и тщательно замаскированы. Финны проделали титаническую работу, привлекая в качестве рабочей силы и военнопленных из концлагерей, которых было достаточно на территории оккупированного Медвежьегорского района [3: 11]. Несмотря на то что финские исследователи отрицают факт привлечения советских военнопленных к работам по сооружению Медвежьегорского укрепленного района, ссылаясь на необходимость сохранения секретности данного объекта в военный период, объем выполненной работы позволяет усомниться в том, что только силами финских рабочих и специалистов в столь короткий период можно было создать это грандиозное сооружение. К сожалению, в документах пока не удалось обнаружить ответ на этот вопрос. Но вполне возможно, что советские военнопленные, погибшие на тяжелых работах по сооружению Медвежьегорского укрепленного района в период финской оккупации, также захоронены в местечке Сандармох.

С появлением новых публикаций российских исследователей по вопросам советских военнопленных в финских концлагерях не только расширяется картина финского военного плена, но и обозначаются новые исследовательские подходы к проблеме советских военнопленных. Историки берутся за один из самых «болезненных» вопросов – тему коллаборационизма, которая долгие годы оставалась вне поля зрения исследователей.

Проблеме коллаборационизма посвящены монографии С. Г. Веригина «Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг.» [5] и «Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.)» [6]. Основываясь на обширном документальном материале, С. Г. Веригин ис-

следует вопрос участия советских военнопленных в воинских подразделениях Финляндии и их сотрудничество с финскими властями в сфере разведки и контрразведки. Автор подчеркивает, что коллаборационизм на оккупированной территории Карело-Финской ССР не имел большого распространения. Он представлял собой очень сложное явление, разделялся на различные уровни (военный, хозяйственный, культурный, бытовой), имел глубокие идеологические и национальные корни. Многонациональный состав населения Карелии и ее вхождение в сферу интересов Финляндии наложили особый отпечаток на проблему сотрудничества местных жителей с оккупационными властями [5: 9], [6: 11].

Приведенный обзор отечественной историографии наглядно иллюстрирует, что тема советских военнопленных на оккупированной территории Карело-Финской ССР в 1941–1944 годах изучена фрагментарно, отсутствуют специальные работы, написанные на широкой источниковедческой базе с привлечением как отечественных, так и финских архивных материалов, которые бы всесторонне охватили все проблемные вопросы и закрыли бы имеющийся историографический пробел.

ФИНЛЯНДСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

До 80-х годов XX века тема советских военнопленных не являлась объектом изучения финских историков. Это было вполне закономерно, учитывая «болезненность» вопроса и взятый в послевоенный период курс на восстановление дружественных отношений с СССР. Тем не менее в конце 80-х годов XX века в финляндской историографии началось изучение оккупационного режима на территории Карелии благодаря исследованиям финского историка Антти Лайне [17]. Несмотря на то что в своих работах А. Лайне не затрагивал вопросы советских военнопленных, общее направление, заданное его исследованиями, дало толчок к изучению этой темы среди финских историков.

Основное внимание финских исследователей на первом этапе развития историографии было направлено на установление численности советских военнопленных в финских лагерях. В 1987 году военный историк Эйно Пиэтола опубликовал документальный труд «Военнопленные в Финляндии 1941–1944», русский перевод которого появился в журнале «Север» в 1990 году [10]. В своем исследовании Э. Пиэтола дает развернутую картину положения советских военнопленных в финском плену, приводит факты жестокого обращения с военнопленными в финских лагерях, анализирует причины высокой смертности. По подсчетам Э. Пиэтола, в финском плену находилось 64186 советских военнопленных, из которых 18700 погибли, что, по мнению иссле-

дователя, составило 29,1 % смертности – один из самых высоких показателей смертности в мире.

Другой исследователь – Хельге Сеппяля – на основе документов Военного архива Финляндии опубликовал труд «Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах» [12], русский перевод которого стал доступен читателям в 1995 году. В работе автор говорит о целях участия Финляндии в войне против СССР, анализирует национальную политику финских властей.

Необходимо отметить монографию финского историка Мауно Йокипии «Финляндия на пути к войне» [9], опубликованную на русском языке в 1999 году. В работе не затрагивается тема советских военнопленных, но она проливает свет на финско-германское сотрудничество в 1940–1941 годах, что позволяет автору прийти к выводу о сознательной подготовке Финляндии к войне против Советского Союза.

Советским военнопленным периода Второй мировой войны посвящена вышедшая в 2009 году монография профессора Д. Фролова «Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки» [13]. В исследовании, базирующемся на документах Национального архива Финляндии, рассматриваются проблемы численности, содержания и возвращения советских военнопленных. По оценке Д. Д. Фролова, численность советских военнопленных составляла от 64188 до 72000 человек, из которых погибло 18700 человек.

Финский историк Антии Куяла [16], занимающийся изучением незаконных расстрелов советских военнопленных, приводит цифру погибших в финском плену – 22000 человек. Подобное расхождение в количестве погибших военнопленных у разных исследователей А. Куяла объясняет тем, что около 3000 погибших не были зарегистрированы в качестве военнопленных.

Большой вклад в изучение темы советских военнопленных внес проект Национального архива Финляндии «Судьбы военнопленных и интернированных в 1939–1955 гг.», который был завершен в 2008 году [17]. В проекте представлены статьи на финском, английском, норвежском языках, написанные на основе широкого массива архивных документов. Главной задачей проекта являлось определение причин высокой смертности в финских лагерях и по возможности выяснение обстоятельств гибели каждого военнопленного. Согласно подсчетам финских исследователей, в плен попало около 70000 советских военнопленных. Доподлинно удалось восстановить имена 18925 погибших советских военнопленных, информация о которых размещена в Интернете в электронной базе данного проекта. Эта база данных представляет собой исключительно важный источник информации по исследуемой теме. Создатели проекта признают, что погибших

военнопленных было больше, чем 18925 человек, поскольку отсутствует информация о еще нескольких тысячах лиц, которые были взяты в плен, но сразу же погибли без регистрации их в качестве военнопленных.

Таким образом, если вопросы численности и смертности среди советских военнопленных изучены в финской историографии обстоятельным образом, то одним из противоречивых вопросов историографии военного плена стало выяснение причин высокой смертности среди военнопленных. Финские исследователи по данному вопросу единогласны: высокая смертность в финских лагерях не была политикой, направленной на уничтожение советских военнопленных, как это было в нацистских лагерях. Исследователь Ларс Вестерлунд [19], например, утверждает, что финские власти не ставили своей целью истребление военнопленных, как это происходило в нацистской Германии, но тем не менее голодная смерть сдавшихся в плен солдат стала результатом действий лиц, ответственных за условия содержания в лагерях. По оценкам исследователя, от голода, тяжелых антисанитарных условий погибло около 15000 военнопленных. Однако столь высокий процент смертности – око-

ло 30 % – не снимает остроту поставленной проблемы и требует самого тщательного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги историографического обзора, необходимо отметить, что большой опыт, накопленный российской и финляндской историографией, требует дополнения и рассмотрения с точки зрения новых исследовательских подходов и новых архивных материалов. Правдивое отражение судеб советских военнопленных в масштабе страны невозможно без детального анализа событий на местах, в том числе и в Карелии. Поставленная проблема не только актуальна в рамках комплексного подхода к изучению темы военного плена в годы Великой Отечественной войны, но и обусловлена историографической необходимостью детального изучения данной темы на региональном уровне. В связи с этим создание комплексного исследования, основанного на последних достижениях отечественной и финляндской историографии с учетом доступных архивных материалов, позволит составить более полное представление о судьбах советских военнопленных, находившихся в финских лагерях на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия. 1939–1945 гг.: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 2001. С. 49–57.
2. Веригин С. Г. Советские военнопленные в финских концлагерях на оккупированной территории Медвежьегодского района Карелии в 1941–1944 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17. С. 95–100 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27516571> (дата обращения 29.05.2019).
3. Веригин С. Г. Сандармох: есть ли в расстрельных могилах советские военнопленные? // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 3 (7). С. 11–21.
4. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 541 с.
5. Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 242 с.
6. Веригин С. Г. Под чужими знаменами: военный коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны (1939–1945). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 123 с.
7. Дьяков Н. Под чужим небом. Записки о финском плене 1941–1944 // Север. 1991. № 3. С. 95–123.
8. Иванов Н. А. Финские лагеря для советских военнопленных на территории Медвежьегодского района Карело-Финской ССР // История органов безопасности: Материалы VI междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2016. С. 65–71.
9. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. Петрозаводск: Карелия, 1999. 376 с.
10. Пиэтола Э. Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 91–127.
11. Саллинен А. Узники финского лагеря № 11 // Север. 1990. № 10. С. 129–137.
12. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4/5. С. 96–113; № 6. С. 108–128.
13. Фролов Д. Советско-финский плен. 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. Хельсинки: RME Group Oy; СПб.: Алетейя, 2009. 620 с.
14. Христофоров В. С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–71.
15. Яровая А. Переписать Сандармох [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://semmasem.ru/sandarmokh/> (accessed 03.09.2019).
16. Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki, Otava, 2008. 322 s.
17. Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 332 s.
18. POW deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–1955. Helsinki. 2008. Available at: http://kronos.narc.fi/index_rus.html (accessed 15.05.2019).
19. Westerlund L., Kauppala P. Internet-tietokannat Itä-Karjalan siviilileireillä ja Suomen sotavankileireillä kuolleista avattu // Karjalan Sanomat. 2007. 14 marrask. (№ 45). S. 15.

Поступила в редакцию 26.08.2019

Ekaterina S. Kiseleva, Post-Graduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
kiseleva_kate@mail.ru
Sergei G. Verigin, Doctor of History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
verigin@petrsu.ru

SOVIET PRISONERS OF WAR AT FINNISH CONCENTRATION CAMPS IN KARELIA: LITERATURE REVIEW

The issue of military captivity, poorly studied during the Soviet period for ideological reasons, has become a subject of scientific research only since the early 1990s and has not lost its relevance so far. The current stage of Russian historiography is characterized by a certain fragmentation: there are only a few articles and publications that address, one way or another, the issues of Soviet prisoners of war (POW) in Finnish concentration camps between 1941 and 1944. In Finnish historiography, the issue of the number of POWs has been studied extensively, while the debatable question of the causes for their high mortality rate still remains unanswered. The comprehensive development of this topic will contribute to the elimination of the “white spots” of history, and will close the existing historiographic gap. This is precisely the purpose of this article, which for the first time considers the existing Russian and Finnish historiography in one context.

Keywords: Soviet prisoners of war, Finnish concentration camps, World War II, occupation of Karelia, historiography

Cite this article as: Kiseleva E. S., Verigin S. G. Soviet prisoners of war at Finnish concentration camps in Karelia: literature review. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 60–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.413

REFERENCES

1. Avdeev S. S. German and Finnish camps for Soviet prisoners of war in Finland and in the temporarily occupied territory of Karelia (1941–1944). *World War II and Karelia. 1939–1945: Proceedings of Scientific and Practical Conference Commemorating the 60th Anniversary of the Great Patriotic War*. Petrozavodsk, 2001. P. 49–57. (In Russ.)
2. Verigin S. G. Soviet prisoners in Finnish concentration camps on the occupied territory of the Medvezhjegorsk region of Karelia in 1941–1944. *Saint Petersburg and Northern European countries*. 2016. No 17. P. 95–100. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27516571> (accessed 29.05.2019). (In Russ.)
3. Verigin S. G. Sandarmokh: are there Soviet prisoners of war in its graves? *Journal of Dmitri Pozharsky University*. 2017. No 3 (7). P. 11–21. (In Russ.)
4. Verigin S. G. Karelia during the years of the war hardships. The political and socio-economic situation of Soviet Karelia during the Second World War. 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 541 p. (In Russ.)
5. Verigin S. G. Traitors or victims of war: collaborationism in Karelia during the Second World War 1939–1945. Petrozavodsk, 2012. 242 p. (In Russ.)
6. Verigin S. G. Under foreign banners: military collaborationism in Karelia during the Second World War (1939–1945). Petrozavodsk, 2016. 123 p. (In Russ.)
7. Djakov N. Under the foreign skies. Notes on Finnish captivity of 1941–1944. *Sever*. 1991. No 3. P. 95–123. (In Russ.)
8. Ivanov N. A. Finnish camps for Soviet prisoners of war on the territory of Medvezhjegorsk region of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic. *History of security agencies: Proceedings of the VII International Research Conference*. Petrozavodsk, 2016. P. 65–71. (In Russ.)
9. Jokipii M. Finland on the way to war. Petrozavodsk, 1999. 376 p. (In Russ.)
10. Pietola E. Prisoners of war in Finland 1941–1944. *Sever*. 1990. No 12. P. 91–127. (In Russ.)
11. Sallinen A. Finnish prisoners of the camp No 11. *Sever*. 1990. No 10. P. 129–137. (In Russ.)
12. Seppälä H. Finland as an invader in 1941–1944. *Sever*. 1995. No 4/5. P. 96–113; No 6. P. 108–128. (In Russ.)
13. Frolov D. Russian-Finnish captivity. 1939–1944. On either side of the barbed wire. Helsinki, St. Petersburg, 2009. 620 p. (In Russ.)
14. Khristoforov V. S. Documents of Russian archives on the Soviet prisoners of war in the camps in Finland and Norway. 1941–1944. *Russian Archives*. 2008. No 3. P. 65–71. (In Russ.)
15. Yarovaya A. Rewriting Sandarmokh history. Available at: <https://semmasem.ru/sandarmokh/> (accessed 03.09.2019).
16. Kujala A. Vankisurmat. Neuvostosotavankien laittomat ampumiset jatkosodassa. Helsinki, Otava, 2008. 322 s.
17. Laine A. Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. 332 s.
18. POW deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939–1955. Helsinki, 2008. Available at: http://kronos.narc.fi/index_rus.html (accessed 15.05.2019).
19. Westerlund, L., Kauppala P. Internet-tietokannat Itä-Karjalan siviilileireillä ja Suomen sotavankileireillä kuolleista avattu. *Karjalan Sanomat*. 2007. 14 marrask. (No 45). S. 15.

Received: 26 August, 2019

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОРОНЦОВА

кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
irinavoronc@yandex.ru

**А. В. КАРТАШЕВ И «НЕОХРИСТИАНСТВО»:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ ИСТОРИКА***

Статья продолжает серию публикаций об участниках религиозного движения за церковную реформу, развернувшегося в России в начале XX века. Автор реконструирует малоизвестную интеллектуальную биографию А. В. Карташева 1902–1911 годов, систематизируя сведения из его статей и частной корреспонденции. В эти годы Антон Владимирович был увлечен «новым религиозным сознанием», формировались его представления о роли и месте Церкви в религиозном возрождении России. Участие, а затем и лидерство в религиозном движении в значительной степени определили А. В. Карташева как культурного деятеля, но эта часть его биографии остается малоизвестной, как и то, что приверженность «неохристианству» сыграла значительную роль в появлении у А. В. Карташева теории о «новом воплощении» Русской Церкви ради будущей теократии – Святой Руси. Статья на достоверном документальном материале показывает, какие мотивы привели молодого доцента духовной академии в движение религиозных реформистов, где он стал одним из «неохристианских» лидеров, и раскрывает причины ухода церковного историка, на пороге его научной карьеры, в среду либеральной религиозной интеллигенции. Автор приходит к выводу, что А. В. Карташева объединила с «неохристианами» вера в возможность внутренней, религиозной реформы в Русской Церкви.

Ключевые слова: А. В. Карташев, неохристианство, религиозный Ренессанс в России, реформа Русской Церкви, религиозный реформизм

Для цитирования: Воронцова И. В. А. В. Карташев и «неохристианство»: интеллектуальная биография историка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.414

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что творчество известного церковного историка, последнего обер-прокурора Святейшего Синода и министра вероисповеданий Временного правительства в России 1917 года А. В. Карташева сегодня привлекает внимание исследователей теократической концепции русской государственности [4], [10], Антон Владимирович как культурный деятель, сформировавшийся в первые годы XX века, остается непонятым [6], [11] и, более того, неизвестным как религиозный мыслитель. Реноме церковного историка заставляет исследователей сосредотачивать внимание на послереволюционном периоде его жизни и деятельности, когда были написаны его главные труды [2]. На него смотрят прежде всего как на профессора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже и мыслителя, мечтавшего о воссоздании Святой Руси [1: 253–272], а его интеллектуальная биография предшествующих лет малоизвестна [5]. Трудность в том, что позиция, занятая А. В. Карташевым в отношении церковной реформы в России начала XX века, не выражена им целиком в каком-либо труде, элементы его реформистских представлений начала века разбросаны по многочисленным статьям, репликам

на заседаниях Петербургских религиозно-философских собраний (далее – ПРФС) и Петербургского религиозно-философского общества (далее – ПРФО), что предполагает немалый объем исследовательской работы. Помочь систематизации их может обращение к корреспонденции, которая почти всегда – короткий путь к пониманию личности корреспондента. Анализ публикаций и писем невозможен без знания философии «нового религиозного сознания» (далее – НРС), его истории, вербальной системы (в том числе языка межличностного общения) и ценностной ориентации, что требует обращения к современным методологическим принципам изучения интеллектуальной биографии А. В. Карташева [3]. Некоторый опыт исследований в этом направлении уже имеется [7]. На основе малоизвестного и неизвестного эпистолярного наследия А. В. Карташева, хранящегося в Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ), в статье реконструируется позиция А. В. Карташева начала XX века по отношению к исторической Церкви, ее духовенству, определяется его видение сути церковной реформы в России. В комплексе привлеченных источников большое значение имеют письма А. В. Карташева к писателю В. В. Розанову, который не только

стал крайне популярен в начале XX века своей темой «брак и пол в христианстве», но и являлся одним из зачинателей религиозного движения, прилагал целенаправленные усилия и внес свой вклад в доктрину «нового религиозного сознания». Большинство церковной интеллигенции, принявшей участие в религиозном движении, обязано этим эпистолярному общению с писателем. Другие письма А. В. Карташева показывают, как он расставлял приоритеты, делая выбор между церковным и нео-христианством, до каких пределов распространялся его интерес к реформистской деятельности. Сложным является сопоставление данных из корреспонденции и фактов его малоизвестной биографии, здесь письма сами являются едва ли не основным источником фактов биографии. Достоинством их являются искренность и открытость автора своим корреспондентам. Тот факт, что привлекаемые источники относятся к разным годам, позволяет охватить значительный период биографии А. В. Карташева, восстановить его интеллектуальный облик начала XX века.

А. В. КАРТАШЕВ И «НЕОХРИСТИАНЕ»

В 1890-е годы, с началом исторической модернизации страны, русская интеллигенция увидела новые возможности в пропаганде религиозного сознания, тесно связанного с культурными вопросами, социальными проблемами и перспективами. Группа литераторов, начавшая путь в литературе в 1880–1890-х годах (Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов) в среде писателей-народников, вскоре отказалась от утилитаризма их идей, не получивших к тому же народную поддержку. Собрав круг единомышленников, группа выработала учение о «плоти и духе» (оно же «воцерковление культуры»), социализировала халкидонский догмат, распространив его принцип соединения двух природ в одной Ипостаси (Богочеловека) на все психофизическое и социальное бытие. Признание обожженной «плотью мира» в Воплощении Христа, она пришла к мысли о необходимости нового движения – религиозного, которое подготовило бы религиозный Ренессанс в России.

Новизна наступавшего XX века виделась им в особом освящении человечества (его дел, воли, чувств, физиологии, творчества) Святым Духом, что гарантировало бы и определенные общественные отношения (любовь к ближнему и дальнему, равенство, братство, свободы религиозные и политические). В эту атмосферу надежд и многообещающих ожиданий творческой интеллигенции в 1902 году попал недавний выпускник духовной академии 26-летний А. В. Карташев.

«Да, мы охвачены принципом влюбленности в мир, влюбленность – единственное притяжение для нас в религии... Все другое – в большей или меньшей степени случайность... второе во всяком случае, а не первое, вечное, радостное, теперь для нас самое опьяняющее.

А последняя черта – знак творчества, показатель, что этому мы и должны отдаться всей душой...»¹.

Деятели упомянутой группы, создавая новое учение о «святости земли» и эпохе Святого Духа, ощущали себя если не пророками нового и «спасительного» для России религиозного сознания, то совершающими «пророческое служение». Субъектом, к которому апеллировали лидеры, открывшие религиозное движение (признаки его в 1890-х отметил Л. А. Тихомиров²), была официальная Русская Церковь, потому что она имела историческое преемство, духовную власть, являлась хранительницей христианского учения, и к ней было обращено народное сознание. Согласие Церкви на включение «святости плоти» в догматическое учение, с их точки зрения, значительно ускорило бы решение задачи переориентации православного сообщества на проблемы насущной жизни, способствовало бы построению «новой симфонии» и препятствовало бы распространению социалистических идей. До закрытия ПРФС ищущая новые пути в христианстве интеллигенция верила, что Русская Церковь пойдет ей навстречу, тем более, что вместе с исторической модернизацией назрел вопрос церковного обновления.

Доцент по кафедре истории Русской Церкви Санкт-Петербургской духовной академии А. В. Карташев за два года до ПРФС, в 1899 году, окончил СПбДА со степенью кандидата богословия и занялся составлением лекций, руководствуясь правилами «профессорского» изложения предмета (пятью годами позже он писал о своей прежней лекторской манере В. В. Розанову: «это первые мои доцентские лекции, написанные еще в 1900 году, намеренно сухо, в подражание обычной профессорской “важности”. Теперь я бы написал несколько иначе: живее и литературнее»³). Вольная атмосфера ПРФС, где интеллигенцией высказывались самые неожиданные предложения по церковной реформе, захватила его, он сблизился с кружком Д. С. и З. Н. Мережковских, В. В. Розанова и Д. В. Filosofova, где был не единственным кандидатом богословия. Лидеры НРС имели обыкновение привлекать талантливых и неординарных людей и делать из них единомышленников уверениями в «особой любви» в их кругу «новых христиан». В 1902 году Антон Владимирович с удовольствием погрузился в атмосферу розановских чаепитий и мережковских собеседований, которая отличалась от академической серьезности мечтательностью, поощрением литературного творчества и новых идей. В сущности, мимоходом набросанный В. В. Розановым в «Мире искусств» отзыв о картине («Три бабы») одного из художников журнала, Ф. А. Малявина, получил отклик в душе А. В. Карташева (писатель увидел в «малявинских бабах» не только этнокультурный образ России, но и отображение ее настоящего и будущего). А. В. Карташев восхищался в письме В. В. Розанову 5 марта 1903 года:

«Вы прокомментировали их гениально, с дух захватывающим, тончайшим, ясновидящим прозрением в великую значимость несомненно полубессознательного творения художника. Ваш волнующий сердце комментарий вознес этих Баб на самую высшую точку подобающей им высоты, пророчески точно охватил их, обессмертил...»⁴.

С полной уверенностью можно сказать, что это был тот культурный круг, которого не хватало порывистой и эмоциональной натуре нерешительного А. В. Карташева.

«Я часто восхищаюсь психологической и эстетически жизнерадостной тонкостью многих из ваших новейших писаний (прежних почти не читал), и не раз порывался признаться вам в этом письменно, но сковавшая меня дисциплинарность (как и в других отношениях) обычно сдерживала мои порывы. Теперь же не хочу терпеть... (многоочие А. В. Карташева. – *И. В.*) мож[ет] б[ыть] потому, что задета глубочайшая почва моих основных, кровных и давно мной сознанных идеалистических симпатий и антипатий...»⁵.

В начале века В. В. Розанов стоял перед «тримувиратом» (супругами Д. С. и З. Н. Мережковскими и Д. В. Filosoфовым) в ореоле учителя; Д. В. Filosoфов, например, как религиозного мыслителя ставил его в 1902–1903 годах выше Д. С. Мережковского. По-видимому, В. В. Розанов оказал определенное влияние и на молодого историка, вовсе не рассматривавшего в это время, как это ни странно сегодня звучит, свою профессиональную деятельность всерьез. История церковная не составляла для него исключительного интереса:

«...Едва ли и буду способен вникнуть в суть русской церковн[ой] истории, потому что мало понимаю и не умею любить вообще все русское, – писал он Розанову в октябре 1904 года. – Чтобы понять что-либ[о], надо это любить. А я русскую историю никогда не любил и никогда, конечно, не полюблю... Я еще не прилагал своих сил к предмету любви, да и не нащупал еще его окончательно. А хочется найти, служить и “пророчествовать”...»⁶.

А. В. Карташев нашел это «служение» в НРС, сконцентрировавшись к 1906 году на проблеме «историческая Русская Церковь и общественность», решение которой в последующем выражало для него главную церковную реформу. Термин «историческая Церковь» был введен в культурный обиход главным теоретиком НРС Д. С. Мережковским и обозначал наличную, существующую на тот момент православную Русскую Церковь со всей ее сформировавшейся в веках историей, богослужебным укладом, догматикой, принципами апологетики, то есть сложившейся в веках культурой православия. Именно «историческая Церковь» подверглась с началом движения нападкам со стороны «неохристиан», в конце концов пришедших к идее «новой» Церкви.

«Неохристиане» привлекли А. В. Карташева к сотрудничеству в своем журнале «Новый

путь». Он публиковался в журнале под псевдонимами, потому что оставался доцентом православной духовной академии. Его обзорно-библиографические статьи защищали НРС от критики и разъясняли учение о «святой плоти». Служба в академии уже тяготила его. Когда в 1905 году ему предложили сделать выбор: оставить публицистику или уволиться, он предпочел второе, чувствуя только радость освобождения, настолько он уже был вовлечен в мечты о «новой религиозной эпохе». В отличие от большей части церковной интеллигенции и участвовавшего в ПРФС духовенства, уже в 1902 году А. В. Карташев имел ясное представление о том, в чем выражается «новое религиозное сознание», до мельчайших подробностей вошел в понимание доктрины и понятий НРС, принял идею развития христианства и Царства Божьего на земле. «Неохристиан» в первые годы часто принимали просто за сторонников язычества, что значительно обediaло НРС, и Антон Владимирович откликнулся на сопоставление НРС и язычества и представил свою апологию⁷. Она отличалась тем, что не ставила акцентов на Третьем завете, новых откровениях и явлении в мир Святого Духа, а предлагала своего рода «теологию» «святости плоти», в которой роль Воплощения отодвигалась на второе место. А. В. Карташев продолжительное время признавал основной концепт НРС о *новом этапе* развития христианства и оставался верен этому концепту в последующие годы, евангельское Царство Божие для него начиналось на земле [8], в истории, и продолжалось в вечности, в царстве Духа, преображенном космосе. А. В. Карташев до конца своей жизни исповедовал «принцип теократической активности» Церкви как ее главную задачу в любых политических обстоятельствах и исторических эпохах [9].

А. В. КАРТАШЕВ О ДОКТРИНЕ «ПЛОТИ И ДУХА»

Чтобы понять, что Антон Владимирович не был случайным попутчиком НРС, обратимся к цитатам из его апологии доктрины «плоти и духа» НРС. Она показывает, что он глубоко осмыслил теорию НРС о «плоти мира».

«Что такое материя, плоть, тело, вообще космос? Если взглянуть на мир даже без малейшего оттенка пантеизма, и то мы должны признать, что плоть есть такой же вечный принцип космического бытия, как и дух. Пусть даже плоть и дух ноуменально, *für sich* (сами по себе, порознь, по существу (нем.)). – *И. В.*), сводятся к одному началу, но мы этого никогда не узнаем, и для нас они – вечные основные феномены космического существования. Допустимо ли при таком равновеликом качестве духа и плоти в строе бытия, предположение о назначении одного начала быть “лишь органом” другого?»⁸.

Отказ от тезиса «тело есть лишь орган духа» был следствием принципиальных религиозных соображений, что требовало пересмотра традиционной метафизики⁹. Представления о взаимо-

отношениях плоти и духа как «цели и средства, материи и формы» воспринимались при этом как «пошлые параллели», равносильные отказу от углубления в вопрос¹⁰. Особенность вопроса, с его точки зрения, состояла в том, что христианское отношение к «плоти»: а) «недостаточно мотивирует творческий акт создания материи; не уясняет таинственного факта навечной связанности духа с плотью, и в) не исчерпывает всей многозначительности и содержательности страшного акта боговоплощения»¹¹. А. В. Карташев хотел видеть определенный смысл во всем, что было «сотворено». С его точки зрения, творение материи в христианском учении оставалось непонятным и неоправданным как лишенное энтелехии, а потому представлялось как «второстепенное, служебное, инструментальное, преходящее». Тогда как оно должно быть не только «случайным и акцидентальным», но благодаря новой метафизике также «первозданным атрибутом космоса», что «с логической необходимостью» требовало признания и «ее финальной самооценности: ее самостоятельного участия в последних целях бытия»¹².

Столь же неразъясненным, с его точки зрения, оставалось ее «неразгаданное сцепление с духом, не только теперь, но и в вечности»¹³:

«Все тварное будет вечно жить в сложной или плотской форме существования. Если бы идеалом лично-разумной жизни были чистейшие состояния духа, то к чему тогда творческая воля облекла это начало какой-то стеснительной оболочкой, каким-то плохим, обременительным оружием, отделаться от которого... составляет в конце концов желанную цель? ...Если бы плоть была только преходящим, искусительным моментом для чистого духа, как в буддийской майе, а то ведь и в вечности мы остаемся с теми же телами»¹⁴.

Оставим богословам вопрос о том, какую «вечность» имел в виду А. В. Карташев (христианское учение говорит о приходе по воскресении на Суд души вместе с телом, с которым она грешила, но не утверждает вечной жизни души «во плоти»), уточнив, что здесь в его понимании преломилось апостольское «мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15: 52). А. В. Карташев считал, что

«утончение и преображение тела не будет изменением его существа, и... связанных с ним в живой личности психо-физических состояний. Т. е. основное содержание жизненного процесса останется неизменным: это не будет застывшее созерцание одного духа, но та же, известная нам по опыту, хотя и уточненная, волнующаяся смена живых потребностей⁶, непрерывная цепь стремлений, усилий, достижений, успокоений, наслаждений и обратных состояний (существенно-иные формы жизни для ограниченных существ — немислимые)»¹⁵.

Таким образом, А. В. Карташев пришел к мысли, что «было бы грубостью мысли и величайшей неточностью утверждать, что в эту двуединую ткань жизни плоть вносит только один косный,

служебный, пассивный материал». Венчало апологию утверждение о том, что «таинство соединения с плотью Самого Божества» не может оставаться в философском пренебрежении:

«...это интимнейшее... органическое сращение с Богом было бы тогда просто излишне. Но раз это произошло, то уже не остается сомнений, что плоть имеет пред собой те же вечные перспективы и цели, как и дух. Боговоплощение навеки фиксировало плоть во всех ее существенных свойствах, и освятило все то специфическое, что она вносит в водоворот человеческого бытия»¹⁶.

Учение о грехопадении и Искуплении также не фигурировало в его теологии, как и у теоретика НРС Д. С. Мережковского. Но А. В. Карташев был церковным ученым, а Д. С. Мережковский — поверхностно знакомым с культурой православия литератором, и тем не менее новизна идеи заслоняет для него христианскую догму. Так, в 1903 году А. В. Карташев сформулировал для себя основания «одинаковых прав на привилегированное положение в царстве вечности»¹⁷ духовной и плотской жизни, приняв тем самым метафизику «неохристиан».

МЕЖДУ НОВЫМ ХРИСТИАНСКИМ СОЗНАНИЕМ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

В 1905 году А. В. Карташев вошел во вторую «неохристианскую» «троицу»-общину (первую составляли Д. С. и З. Н. Мережковские и Д. В. Философов), но не потерял присущую «неохристианам» до революционных событий 1905 года надежду на историческую Церковь и призывал триумvirат сохранять с ней мистическую связь. А. В. Карташев и сам посещал богослужения, а также причащался и привлекал к этому членов своей «троицы» — Т. Н. и Н. Н. Гиппиус. Между тем Д. С. Мережковский взял курс на новую церковь, это отдаляло от него А. В. Карташева, пытавшегося объяснить «триумvirату», что историческое Тело Христово уже «соткано» и существует в христианской Церкви, и метафизически невозможно создание еще одного Тела [12: 688–689].

«Я писал о моем отношении к Телу Христову... Оно уже есть, уже создано в мире, и в частности совоплощено с церковью, следовательно, ее нельзя обойти... Почему, спрашиваю, вы этого не ощущаете, почему забываете и идете мимо?» [12: 702].

Непонимание или нежелание лидеров НРС понять метафизическую невозможность новой церкви сближало А. В. Карташева с теми, кто придерживался менее радикальной позиции и считал, что нужно модернизировать уже существующую Русскую Церковь, дать церковному сознанию новое понимание союза Церкви и государства и значения выполнения ею общественных задач. И пока супруги Мережковские и Д. В. Философов были за границей, он действовал в кругу церковных либералов и христиан-

ских социалистов. Сближение с К. М. Аггеевым и С. Н. Булгаковым позволило ему на некоторое время уйти от метафизики в либеральную публицистику. Остро критикуя Русскую Церковь и епископат за неспособность развернуться навстречу освободительному движению и включиться в него ради внутрицерковной реформы, А. В. Карташев стал к 1906 году одним из лидеров религиозного движения и координировал взаимоотношения «неохристиан» и либерал-реформаторов из церковно-реформаторского движения.

В 1907 году в НРС обострились два взаимоисключающих вопроса: об отношении к исторической Церкви и к новой метафизике. Принимавшие церковные Таинства неизбежно занимали сторону Церкви, а признающие важность новой метафизики рано или поздно должны были обратиться к созиданию новой церковности. Относившийся с большой любовью к православному богослужению, А. В. Карташев из-за личных привязанностей и к «триумвирату», и к Татьяне Николаевне Гиппиус некоторое время балансировал на грани, считая возможным и посещать церковь, причащаясь Святых Таин, и оставаться верным «грандиозной ереси» НРС¹⁸. Он несколько раз порывался уйти от Мережковских и мережковцев, но боялся остаться один на один со «старой», традиционной, церковностью, в которой не было места «плоти» и «общественности», а значит, и «счастья человека». 26 марта 1907 года Карташев писал Мережковским:

«Уйдя от вас, я уже буду... с надорванными силами для искания живого Христа. Думаю, что после этого опыта потеряю надежду Его найти... Передо мной останется один Христос церковный, враг жизни. ...Я стихийно восстану за права жизни и уже тогда естественно стану врагом Церкви и христианства. Т. е. буду во имя счастья человека бороться с христианством, как с единственным его врагом» [12: 686].

Привязанность к идее «Церкви-государства» как «новой симфонии» парадоксальным образом отталкивала А. В. Карташева от исторической Русской Церкви, метафизическую обязательность причащения в которой он считал необходимой и для «неохристиан». Мысль о человеке и его *земном счастье* заставляла писать в «Стране» о настоящем православии в исторической Церкви, потому что настоящее православие для участников религиозного движения было крепко-накрепко связано с общественностью, с земным бытием и культурой. В публицистике 1906–1907 годов он также порицал отсутствие религиозных свободы и творчества, возмущался проповедью духовенства о «самоусовершенствовании» вместо участия в антиправительственных движениях¹⁹, с трудом переносил мысль о сотрудничестве в церковно-общественном журнале²⁰. В эти годы мистический догматизм мережковцев представлялся ему столь же стеснявшим религиозную

свободу, сколь и церковный, но в «неохристианстве» было обещание новых, а не «изжитых и неинтересных... церковных реформаций». Он признавался Г. И. Чулкову:

«Аг[г]еевская реформа Церкви – скучная канитель, нужная нам разве только затем, чтобы в ней свою рыбу ловить. Наш ренессанс будет назван, конечно, нехристианским, ибо он дерзко, диаметрально будет противоречить историческому христианству»²¹. И далее: «Ведь тут моя колыбель, и я уже безвозвратный Мережковец, Чулковец, Ивановец²², – как хотите назовите»²³.

В 1907 году, после приезда из Парижа «триумвирата», Антон Владимирович без особого желания вернулся в их круг. Он по-прежнему соглашался читать в ПРФО рефераты В. В. Розанова, но избегал участия в прениях. 1907–1908 годы – это период, когда А. В. Карташев обдумывал свою внутреннюю позицию. «Как-то теперь рассуждать о религии у меня нет вдохновения, ибо мучусь вопросом, как жить по религии, или уж если это нельзя, то совсем оставить ее»²⁴, – написал он В. В. Розанову 14 марта 1907 года в ответ на предложение участвовать в прениях после чтения розановского реферата. С 1909 года А. В. Карташев стал часто председательствовать на заседаниях ПРФО, а осенью 1909 года был избран председателем Общества, занимался организацией каждого собрания, тщательно готовил прения, обговаривая с оппонентами их речи и очередность выступлений. Позиция его заключалась в том, что необходимо изменить создавшийся в общественном сознании образ Русской Церкви как «реакционной», «очистить» его и придать ее облику черты религиозного института, всецело ориентированного на «воцерковление культуры» человечества. И в эти годы, и позднее А. В. Карташев продолжал настаивать на том, чтобы «неохристиане» хотя бы изредка посещали церковь. Так, в 1911 году он разослал своему ближнему кругу письма с предложением вместе побывать на пасхальной службе, видя в этом проявление духовного единства. Но супруги Мережковские считали такое посещение «нечестным» по отношению к Русской Церкви, прочие тоже отказывались, в том числе потому что не были крещеными.

В 1911 году Антону Владимировичу исполнилось 36 лет, он был уже известным критиком клерикализма и официальной Русской Церкви, публицистом, профессором Высших женских курсов (с 1906 года), а со следующего года начал постоянно сотрудничать в либеральной газете «Русское слово», где не поднимал метафизических вопросов, а сконцентрировал свое внимание на критике церковно-государственных и церковно-общественных отношений. В новых исторических условиях назревания социальной революции, в канун 1917 года он вновь завуалированно выступил на тему внутренней, то есть

религиозной реформы, поставив ее в очередность после реформы внешней.

ВЫВОДЫ

В начале XX века А. В. Карташев включился в религиозный поиск интеллигенции, который был обусловлен российской общественной историей второй половины XIX – начала XX века, и увлекся им подобно многим представителям религиозной и церковной интеллигенции. До 1910-х годов это не был его собственный религиозный поиск. В его мировоззрении встречалась любовь к православной обрядности, отмечались влияние розановского взгляда на «мрачное» христианство («враг жизни») и мереевское стремление к применению принципа халкидонского догмата к «плоти» и «духу». Как религиозно грамотный человек, А. В. Карташев отчетливо понимал,

что внесение «мира сего» в религиозную догму граничит с «грандиозной ересью», но признавал себя «вечным мереевцем». Вместе с тем уже в 1905 году он обозначил для себя тот предел, через который не сможет переступить. При этом совершенно очевидно, что А. В. Карташев предлагал реформирование исторической Церкви, изменение в церковной традиции отношения к земному бытию, «плоти» (культуре жизни). В этом и была суть предлагавшегося движением решения «религиозного вопроса». С «неохристианами» А. В. Карташева объединила вера в религиозный, теологически обоснованный союз «духа» и «плоти», на платформе которого строился религиозный интеллигентский образ Церкви-общества, Церкви-государства, представлявший собой конечной и высшей формой человеческой цивилизации, земным Царством Божиим в России.

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00172 («В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташева (1875–1906)»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1.
- ² Тихомиров Л. А. Духовенство и общество в современном религиозном движении. М.: Издание «Русского обозрения», 1892. С. 14.
- ³ РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 1–1 об. Столь же нерешителен он был в годы, когда пытался порвать с Мереевскими.
- ⁶ Там же. Л. 2.
- ⁷ Романский Т. [Карташев] «Не все же» // Новый путь. 1903. Июль. С. 262–276.
- ⁸ Там же. С. 270–271.
- ⁹ Там же. С. 270.
- ¹⁰ Там же. С. 271.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 271–272.
- ¹³ Там же. С. 271.
- ¹⁴ Там же. С. 272.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 273.
- ¹⁷ Там же. С. 274–275.
- ¹⁸ Карташев А. В. Близорукость церковников // Страна. 1906. 11 окт. (№ 183). С. 2.
- ¹⁹ «Ну их к черту – этих обалдевших в невежестве и жестокосердии попов, – истуканов, помогающих своей идиотской проповедью “самоусовершенствований”, лицемерно “славянофильствующим” аристократам поддерживать кровопийственную политику порабощения, особенно противного и поганого у нас на Руси, именующей себя святою и христианскою...». См.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Ед. хр. 482. Л. 20.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 2.
- ²¹ Там же. Л. 1 об.
- ²² Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949), поэт-символист, изучал филологию, историю и философию в Берлинском университете, последователь Ницше и В. С. Соловьева, внес свою лепту в доктрину «неохристианства», в 1907 году поддержал «мистический анархизм» Г. И. Чулкова, затем увлекся теософией.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 3. Ед. хр. 13. Л. 1 об.
- ²⁴ Там же. Л. 11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2003. 391 с.
2. Антощенко А. В. Историографический обзор исследований жизни и творчества А. В. Карташева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 26–33.
3. Антощенко А. В. Методологические подходы к изучению интеллектуальной биографии Антона Владимировича Карташева // Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире: Материалы Всероссийской науч. конф. Омск, 2018. С. 6–9.
4. Антощенко А. В. Об эволюции теократического идеала А. В. Карташева // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1997. Вып. 9. С. 71–86.
5. Бычков С. П. О проблемах исследования первого периода жизни русского церковного историка А. В. Карташева // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2018. № 3. С. 228–233.
6. Бычков С. П. Антон Владимирович Карташев. Годы становления личности ученого (1875–1906) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 1. С. 62–65.

7. Воронцова И. В. Участие А. В. Карташева в религиозном движении «неохристиан» и эволюция его взглядов на «историческую» Церковь (по письмам 1906–1907 гг.) // Вестник ПСТГУ. 2006. Вып. 20. С. 27–46.
8. Воронцова И. В. Тематика статей А. В. Карташева в газете «Страна» 1906–1907 гг. в свете программных аспектов движения религиозной интеллигенции за церковную реформу // Вестник ПСТГУ (II). 2019. № 5–6. С. 11–24.
9. Карташев А. В. Церковь и государство // Православие в жизни. Париж: YMCA-Press, 1953. С. 147–178.
10. Сомин Н. В. А. В. Карташев о взаимоотношении Церкви и государства // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 1998 г. М.: ПСТБИ, 1998. С. 159–162.
11. Сухова Н. Ю. Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История: Материалы IV Междунар. науч.-богословской конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2016. С. 322–330.
12. Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus. Comp. by T. Pachmuss. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 784 p.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Irina V. Vorontsova, PhD in Theology, PhD in History, Saint Tikhon's Orthodox University (Moscow, Russian Federation)
irina.vorontsova@yandex.ru

ANTON KARTASHEV AND “NEW CHRISTIANITY”: THE INTELLECTUAL BIOGRAPHY OF THE HISTORIAN*

The article continues a series of publications about the participants of the religious movement for the church reform that unfolded in Russia at the beginning of the XX century. The author analyzed the intellectual biography of Anton Kartashev between 1902 and 1911, when Kartashev was fascinated by the “new religious consciousness”. During these years, he formed his views on the role of the Church in the religious revival of Russia after the dominance of positivism since the 1860s. In 1902, Kartashev, among other representatives of St. Petersburg Theological Academy, attended religious and philosophical meetings in St. Petersburg (1901–1903). The young associate professor of the Academy was fascinated by the freedom of religious quest by the near-church intelligentsia and imbued with the pathos of the “prophetic service” for Russia. It was during these little-studied years of his life that the metaphysical features of his concept of the “new incarnation” of the Russian Church for the sake of the future theocracy – Holy Russia – were laid. The “new Christians” religious movement with its reformist type doctrine left its traces in one form or another on the consciousness of many people who supported it in the early years of the XX century. Anton Kartashev was no exception – for a long time he criticized the Russian Orthodox Church for not being ready for internal religious reform, and for its inability to fit into modern society.

Keywords: A. V. Kartashev, new Christianity, neo-Christianity, Russian religious renaissance, Russian Church reform, religious reformism

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No 18-09-00172 (“In search for the Holy Rus’: a biography of A. V. Kartashev (1875–1960)”).

Cite this article as: Vorontsova I. V. Anton Kartashev and “new Christianity”: the intellectual biography of the historian. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 65–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.414

REFERENCES

1. Antoshchenko A. V. “Eurasia” or “Holy Rus”? Russian emigrants in search of identity on the paths of history. Petrozavodsk, 2003. 391 p. (In Russ.)
2. Antoshchenko A. V. Historiographical review of the studies on the life and work of A. V. Kartashev. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 4 (181). P. 26–33. (In Russ.)
3. Antoshchenko A. V. Methodological approaches to the study of the intellectual biography of Anton Vladimirovich Kartashev. *Reality. Person. Culture: a thinker in the modern world. Materials of the all-Russian scientific conference*. Omsk, 2018. P. 6–9. (In Russ.)
4. Antoshchenko A. V. The evolution of A. V. Kartashev's theocratic ideal. *Veche: Almanac of Russian Philosophy and Culture*. St. Petersburg, 1997. Issue 9. P. 71–86. (In Russ.)
5. Bychkov S. P. The problems of studying the first period of life of a Russian church historian A. V. Kartashev. *Herald of Omsk University*. 2018. No 3. P. 228–233. (In Russ.)
6. Bychkov S. P. Anton Vladimirovich Kartashev. The years of becoming a researcher (1875–1906). *Herald of Omsk University*. 1998. Issue 1. P. 62–65. (In Russ.)
7. Vorontsova I. V. Participation of A. V. Kartashev in the religious movement of “neo-Christians” and the evolution of his views on the “historical” Church (according to the letters of 1906–1907). *St. Tikhon's University Review*. 2006. Issue 20. P. 27–46. (In Russ.)
8. Vorontsova I. V. The theme of A. V. Kartashev's articles in the newspaper *Country* in 1906 and 1907 in the light of the program aspects of the religious intelligentsia movement for the Church reform. *St. Tikhon's University Review*. (II). 2019. No 5–6. P. 11–24. (In Russ.)
9. Kartashev A. V. Church and state. *Orthodoxy in life*. Paris, 1953. P. 147–178. (In Russ.)
10. Somn N. V. A. V. Kartashev on the relationship between church and state. *Annual Theological Conference of St. Tikhon's Orthodox Theological Institute. Proceedings of 1998*. Moscow, 1998. P. 159–162. (In Russ.)
11. Sukhova N. Yu. Anton Vladimirovich Kartashev: an attempt of Christian understanding of history. *Church. Theology. History: Materials of the IV International Scientific Theological Conference (Ekaterinburg, February 5–6, 2016)*. Ekaterinburg, 2016. P. 322–330. (In Russ.)
12. Intellect and ideas in action: selected correspondence of Zinaida Hippus. (T. Pachmuss, Comp.). München, 1972. 784 p.

Received: 24 June, 2019

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

krivfed@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СПИРТНОГО НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАРЕЛЬСКИХ КРЕСТЬЯН НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Винная монополия, существовавшая в Российской империи на рубеже XIX–XX веков, остается важным объектом исследования для отечественной исторической науки. Алкогольный вопрос в определенных исторические периоды значительно влиял на определение вектора развития внутренней политики страны. Очевидна актуальность этой проблемы и в современной России. Роли винной монополии в формировании социально-экономического климата посвящено большое число работ, в которых проблема анализируется как в общероссийском, так и региональном масштабе. На материалах Карелии эта тема рассматривается впервые, что определяет ее новизну. Проанализированные опубликованные статистические материалы, архивные данные и сведения из периодической печати свидетельствуют о планомерном увеличении поставок казенных спиртных напитков в регион перед Первой мировой войной. В этот же период зафиксирован рост потребления алкоголя сельским населением Карелии. Негативные социально-экономические последствия этих тенденций заключались в потере крестьянским бюджетом значительных сумм. На конкретных примерах продемонстрировано, насколько пагубно этот отток финансов влиял на развитие крестьянского хозяйства. Кроме того, изучено негативное влияние роста потребления спиртного на моральный облик деревни. Однако наряду с отрицательными факторами была установлена и определенная экономическая выгода от алкоголя для крестьян пограничных волостей Олонецкой губернии, которая заключалась в контрабандных поставках спиртного в Финляндию.

Ключевые слова: винная монополия, Карелия, Олонецкая губерния, Выборгская губерния, контрабанда, алкоголь, крестьянство, благосостояние

Для цитирования: Кривоноженко А. Ф. Влияние спиртного на социально-экономическое положение карельских крестьян накануне Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.415

ВВЕДЕНИЕ

История алкогольного вопроса в России традиционно является одной из тем, к которым приковано внимание как ученого сообщества, так и широких общественных кругов. Не будет преувеличением сказать, что особое место в научных исследованиях и общественных дискуссиях в рамках истории алкогольной проблемы занимает винная монополия, являвшаяся важным механизмом в системе организации государственного бюджета России периода поздней империи.

Целью данной статьи является изучение влияния алкоголя на социально-экономическую жизнь населения Карелии накануне Первой мировой войны. Хронологические рамки исследования – 1911 – первая половина 1914 года, то есть период острой общественной дискуссии вокруг целесообразности винной монополии. Географические рамки исследования ограничены Пудожским, Олонецким, Петрозаводским и Повенецким уездами Олонецкой губернии, Кемским уездом Архангельской губернии, а также Выборгской губернией Финляндии.

Заметная роль питейного вопроса в формировании внутриполитической повестки дня в России на рубеже XIX–XX веков обуславливает актуальность этой темы для отечественной исторической науки. Подготовлено большое число научных работ, посвященных изучению алкогольного вопроса в начале XX века как в масштабе страны, так и на уровне отдельных регионов [1], [4], [5], [8], [10]. На материалах Карелии этим вопросом занимались И. Р. Такала [9], М. В. Пульки [7] и А. Ф. Кривоноженко [3].

Исследование основано на анализе комплекса неопубликованных и опубликованных источников. К первым относятся документы из Национального архива Республики Карелия, которые были выявлены в Ф. 1 (Канцелярия Олонецкого губернатора) и Ф. 27 (Олонецкий губернский статистический комитет). Если первый из приведенных фондов представлен циркулярами губернатора, перепиской, рапортами уездных исправников и земских начальников, то во втором содержится многочисленная статистическая информация, отражающая текущее социально-

экономическое положение на местах. В качестве опубликованных источников в исследовании были использованы выпуски журналов «Вестник Олонецкого губернского земства» и «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». На их страницах печатались как делопроизводственные документы, отражающие деятельность губернского и уездных земств, так и дискуссии вокруг питейного вопроса. Значительный массив выявленной и использованной в исследовании информации содержится в многочисленных статистических ежегодниках, посвященных описанию Олонецкой и Архангельской губерний, а также Великого княжества Финляндского. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют применить историко-генетический и историко-сравнительный методы исследований.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АЛКОГОЛЬНОГО ВОПРОСА В КАРЕЛИИ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Предвоенные годы в России проходили под знаком борьбы с пьянством. Острой эта проблема была и для Карелии. Олонецкое земство с тревогой констатировало существенное ухудшение социального и морального климата в деревне под влиянием «вина». В частности, пьянство рассматривалось в качестве одной из причин роста преступности среди крестьянства в губернии¹. В земской печати накануне Первой мировой войны постоянно появляются материалы, рассказывающие о массовых пьяных драках со смертельными исходами и тяжкими увечьями, которыми регулярно заканчивались деревенские праздники. Количество преступлений в 1902–1906 годах оказалось на 19 % больше, чем в предыдущем пятилетии. В 1907–1911 годах этот рост оказался еще более внушительным – на 97 % по сравнению с предыдущим периодом². Связь между увеличением количества тяжких преступлений в Олонецкой губернии и пьянством отмечается и другими современными историками. Так, М. В. Пулькин пишет, что большая часть убийств совершалась в состоянии алкогольного опьянения [7].

Материалы по Архангельской губернии также красноречиво свидетельствуют о пьянстве как одном из основных катализаторов роста преступности. К концу 1900-х годов количество преступлений (подлежащих рассмотрению общими судами), совершенных здесь в состоянии опьянения, было выше общероссийского показателя почти в 4 раза по мужчинам и в 5,5 раза по женщинам. Данные по преступлениям, которые находились на рассмотрении в мировых судах, дают сопоставимые сведения: в Архангельской губернии³ преступник был в состоянии опьянения в 2 раза чаще, чем в среднем по России. Та же

тенденция наблюдалась и в отношении женской преступности⁴.

Рост пьянства обсуждался не только на уровне местного самоуправления. Губернатор М. И. Зубовский уже через несколько месяцев после вступления в должность писал в начале ноября 1913 года управляющему акцизными сборами по Новгородской и Олонецкой губерниям:

«На каждом шагу у нас (в Олонецкой губернии. – А. К.) в городах и сельских местностях встречаются люди, пропивающие совесть, здоровье и материальное свое благосостояние, а в результате, по общим отзывам и официальным данным, население губернии заметно хиреет, растет нищета и накапливаются недоимки»⁵.

Между тем в отношении алкогольной политики правительства складывалась парадоксальная ситуация, характерная, впрочем, для всей страны. С одной стороны, губернатор, представлявший государственную власть, был серьезно озабочен негативными последствиями, которые оказывало пьянство на социально-экономическое положение в губернии. С другой стороны, государство, обладая винной монополией, многое делало для того, чтобы население могло удовлетворить свою потребность в алкоголе. Формально сложившуюся противоречивую ситуацию можно объяснить тем, что губернатор М. И. Зубовский выполнял свои обязанности в рамках системы МВД, а винная монополия находилась в ведомстве Министерства финансов. Имеющиеся статистические данные на примере Карелии красноречиво говорят о заинтересованности государства в повышении доходов от акцизных сборов с продажи алкоголя и винной монополии. В 1910 году эта статья составляла 45,3 % от всех государственных сборов по Олонецкой губернии⁶. В Карелии не существовало винокуренных заводов, поэтому спирт и вино завозились в регион с дальнейшим хранением в нескольких казенных винных складах. В 1911 году петрозаводскому винному складу было поставлено, в пересчете на водку, 62 688,7 ведра⁷, в 1912 году – 82 063,2 ведра, а в 1913 году – 120 911,9 ведра. Таким образом, объем поставок государством водки только в один казенный винный склад губернии увеличился за два года почти в 2 раза. С некоторыми колебаниями объемов, но также с итоговым ростом в 48 % за 2 года осуществлялись поставки в петрозаводский склад виноградных вин: 438 ведер в 1911 году, 354 ведра в 1912 и 837 ведер в 1913 году. В то же время обнаруживается тенденция к снижению объемов производства пива в Олонецкой губернии: если в 1911 году на двух негосударственных заводах в Петрозаводске и Каргополе было приготовлено 188 000 ведер этого напитка, то в 1912 году объем производства резко упал до 52 978 ведер. Статистика 1913 года несколько изменилась в большую сторону – 65 832,5 ведра (809 674 литра), но

поднялась она, очевидно, лишь за счет открытия еще одного частного пивоваренного завода⁸. Для сравнения: в соседней Выборгской губернии в 1913 году действовало 9 пивоваренных заводов, на которых было произведено 4 324 927 литров пива⁹. Таким образом, если на одного жителя этой части Финляндии в 1913 году приходилось 8 литра пива, то на одного олончанина – только 0,14 литра¹⁰. В публицистике начала прошлого века можно было встретить мнение о том, что падение объемов производства пива было связано с недобросовестной конкуренцией со стороны государства, стремившегося ориентировать предпочтения населения на казенные винные лавки для извлечения большей прибыли от питейной монополии¹¹.

За увеличением поставок спиртного в казенные винные склады Карелии рос и объем алкоголя, приходящегося на одного жителя региона в год. Так, в четырех уездах Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии в 1912 году было продано 142 622,5 ведра водки¹² при населении на этих территориях 277 115 человек¹³. Таким образом, на одного человека в 1912 году приходилось 0,51 ведра водки (6,32 литра).

В 1913 году произошло увеличение потребления водки во всех уездах и уездных городах Олонецкой губернии. Если в Петрозаводске этот рост составил 4,17 %, то в Олонецком уезде – 15,6 %. Мы не располагаем прямыми сведениями о количестве потребленного населением Кемского уезда алкоголя в 1913 году. По косвенным данным, здесь этот показатель ненамного понизился (на 0,29 литра) по сравнению с предыдущим годом¹⁴. Однако общее количество казенной водки, потребленной всем населением Карелии в 1913 году, повысилось по сравнению с предыдущим годом на 7,7 % до 154 509,6 ведра, или 0,54 ведра (6,73 литра) на человека в год. Несмотря на рост потребления водки в крае, на общероссийском фоне карельские показатели выглядели все еще обнадеживающими. В то время низким уровнем потребления водки на душу населения считался показатель до 0,51 ведра на человека в год, то есть рубеж, которого Карелия достигла в 1912 году¹⁵.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЬЯНСТВА В КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ

На севере Петрозаводского уезда находилась крупный волостной центр – село Тивдия, где преобладало карельское население. В нем действовала казенная винная лавка № 94. Только за один год работы в этой лавке крестьянами Тивдии и еще 7 окрестных деревень покупалось «вина» на сумму 7–8 тысяч рублей. Для сравнения: такие же деньги закладывались в бюджет Петрозаводского уездного земства в 1913 году для содержания полотна всех дорог уезда¹⁶. На эти же деньги можно было построить

4 больницы для волостных центров¹⁷. Значительные суммы, которые оставлялись крестьянами в «казенке», гипотетически могли послужить первоначальным капиталом, на отсутствие которого крестьяне указывали, отвечая на упреки земства в нежелании вводить более рациональные формы хозяйствования¹⁸.

При демонстрации экономических потерь от злоупотребления водкой местная печать накануне Первой мировой войны для наглядности часто публиковала таблицу, которая давала представление о суммах, утекавших из бюджета крестьянской семьи. Если бы человек вместо потраченных каждый день 5 коп. на водку вкладывал их в сберегательную кассу под 4 %, за год он накопил бы 18 руб. 25 коп.¹⁹ В случае если воздерживаться от выпивки на 25 коп. в день, то за год на счете окажется 91 руб. 25 коп. Для сравнения приведем предвоенные цены на домашний скот по Олонецкой губернии. В зависимости от уезда корова или бык стоили от 15 до 50 руб., но в случае неурожая они могли продаваться еще дешевле. Стоимость лошади варьировала от 30 до 85 руб., а одну овцу можно было купить за 1–3,5 руб.²⁰ Таким образом, в год, в зависимости от уровня потребления, на алкоголе крестьянин потенциально мог сэкономить сумму, эквивалентную стоимости 2–3 коров, лошади или нескольких овец. Зачастую пропивались более крупные суммы, что особенно часто происходило на сельских ярмарках или престольных праздниках. Характерно описание на страницах местной печати пасхальных праздников в населенной русскими д. Сенная губа Петрозаводского уезда. Народные гуляния там начинались с пивной лавки, где крестьянин, чтобы захмелеть, выпивал не менее 6–8 бутылок, заплатив за них не менее 80 коп., а затем переходил к более крепким напиткам. Праздник завершился через 3 дня массового употребления. Попытка составить после этого приговор о закрытии пивной лавки закончилась тем, что один из крестьян предложил «для последнего дня выпить и закусить, а потом приговор писать». Финал оказался предсказуемым: «Деньги пропиты, дома, кроме черного хлеба, и нет ничего»²¹.

Пьянство в карельской деревне провоцировало еще одно крайне негативное явление, которое закладывало потенциальные долгосрочные проблемы для будущих поколений. Речь идет о варварском истреблении крестьянами леса. Эпоха Великих реформ коснулась и государственной деревни. Одним из результатов произошедших изменений стало отделение крестьянского общинного землевладения от казенных земель. При этом в крестьянский надел включались не только земли сельскохозяйственного назначения, но и значительные лесные массивы. Первоначально их использование было жестко регламентировано, но к началу XX века крестьяне получили

возможность осуществлять практически ничем не ограниченные вырубки леса в своих наделах и продавать его на рынок. Деревня узнала вкус легких и быстрых денег, при этом ценность леса, находящегося в общем пользовании сразу нескольких селений (90 % олонецких деревень получили групповые владенные записи [2: 247]), в крестьянском сознании была крайне низкой²². По свидетельству современников, вопрос о продаже леса для покупки алкоголя поднимался зачастую без учета мнения трезвенников, находившихся на полевых работах. С формальной точки зрения нарушений не было: решение принималось на сходе большинством. В одной из деревень часть крестьянского леса была продана за 3 руб. с предварительным условием, что вырученные деньги пойдут на покупку алкоголя²³. О реальной рыночной стоимости проданной древесины и убытках, которые понесла эта деревня, остается только догадываться.

«ВИНО» И ГРАНИЦА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОНТРАБАНДЫ АЛКОГОЛЯ В ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ПРИГРАНИЧНЫХ ВОЛОСТЕЙ

Между жителями карельских волостей Олонецкой и Архангельской губерний и населением восточной части Великого княжества Финляндского существовали прочные экономические, культурные и семейные связи. В силу целого ряда причин эти связи были более отчетливо выражены в Северной Карелии, мужское население которой традиционно занималось разносной торговлей в различных частях Финляндии. Население западных волостей Петрозаводского, Олонецкого и особенно Повенецкого уезда Олонецкой губернии также экономически тяготело к Великому княжеству. Эти связи подкреплялись и тем, что по другую сторону границы, в восточных общинах Выборгской губернии, проживали православные карелы.

Переписка между канцеляриями финляндского генерал-губернатора и олонецкого губернатора свидетельствует о существовании в предвоенные годы налаженной схемы перепродажи карельскими крестьянами алкоголя из казенных винных лавок населению Великого княжества. С точки зрения властей автономии, тайный ввоз алкоголя из Олонецкой губернии являлся контрабандой, поскольку за ввезенный товар не платились пошлины. Поступления в бюджет Финляндии от таможенных сборов за ввозимую алкогольную продукцию увеличились в период с 1908 по 1913 год почти в 1,5 раза и составили 5 145 000 марок²⁴, то есть около 3 % от всех доходных статей бюджета Великого княжества в 1913 году²⁵. Кроме того, покупка контрабандного алкоголя финскими крестьянами приводила к бюджетным потерям от недопоступления части косвенных налогов.

Заинтересованность карельских крестьян в тайной перепродаже алкоголя в Финляндию накануне Первой мировой войны объясняется еще одним фактором. Видимо, в предвоенные годы в Выборгской губернии существовал особый спрос на этот товар, поскольку, судя по опубликованным источникам, в 1912, 1913 и 1914 годах в этой части Финляндии не действовало ни одного винокуренного завода²⁶. Из документов следует, что задержанные нарушители были крестьянами различных деревень Олонецкого уезда: Валайла, Гиттойла, Кавайно (последняя находилась в нескольких сотнях метров от финляндской границы). Среди нарушителей были как мужчины, так и женщины²⁷. Так, крестьянка из д. Кавайно Т. И. Крикку была задержана на другой стороне границы с 1,5 литра водки и 4,7 литра спирта²⁸. Крестьяне из Рыпушкальской волости Н. Минин и Е. Ефстрафьев пытались продать в д. Ряймяля Выборгской губернии не только солому, но и 1,2 литра спирта²⁹. Во всех указанных населенных пунктах карельское население составляло абсолютное большинство. Судя по протоколам задержаний, таможенные власти Великого княжества оценивали конфискованную водку в 2 марки за литр³⁰. В пересчете на российские деньги эта сумма составляла 74 копейки. Задержанные на финляндской стороне олонецкие крестьяне высылались домой, но через некоторое время, по запросу финляндской стороны, нарушители сопровождалась становым приставом до пограничной заставы в Виртеля, откуда они доставлялись на суд в г. Сортавала³¹.

Значительное число выявленных случаев, во-первых, свидетельствует о популярности этого вида дополнительного, но незаконного заработка в среде карельских крестьян, а во-вторых, говорит о достаточно значимой экономической выгоде, перспектива которой превалировала над рисками задержания на финляндской стороне. Для достижения такой прибыли необходимо было удачное сочетание трех факторов: близость деревни к границе, наличие путей сообщения с населенными пунктами Великого княжества и наличие в округе казенной винной лавки. Помимо Олонецкого уезда, другим «удачным» сочетанием этих факторов могли похвастаться крестьяне из д. Поросозеро³². Необходимо отметить, что жители западной части Повенецкого уезда, где находилась эта деревня, к началу XX века вообще максимально были ориентированы на Финляндию во многих отношениях. Абсолютное большинство населения здесь составляли карелы. Контрабанда алкоголя была лишь частью обширной, хорошо налаженной сети этих экономических связей. Крестьяне Поросозерской волости продавали казенный спирт по 2–3 руб. за бутылку в восточной Финляндии, где он пользовался популярностью и в шутку назывался «поросозерским сигом»³³. Приведенная стоимость

1 литра конфискованной водки в Финляндии отнесется к 1911 году. Мы не располагаем сведениями о том, сколько стоил алкоголь в казенных винных лавках Карелии в это время. В январе 1913 года в Олонце «хлебное вино» стоило 8 р. 40 коп. за ведро, то есть 68 коп. за литр. На протяжении всего 1913 года эта цена не менялась³⁴. С большой долей вероятности можно полагать, что эти расценки существенно не поменялись за 2 года, поскольку экономика страны в этот период характеризовалась устойчивым ростом. Таким образом, учитывая официальную стоимость конфискованной в Финляндии водки и ее цену в Олонецком уезде, карельские крестьяне могли заработать минимум 6 копеек за каждый литр контрабандного «вина». Эта сумма сопоставима со стоимостью килограмма ржаной муки в Олонецком уезде по ценам на январь 1913 года, то есть в сезон, когда стоимость на этот продукт была максимальной³⁵.

Экономическую выгоду от незаконного переезда через таможенную границу российского алкоголя получали не только карельские крестьяне. Эти же цели преследовали некоторые подданные Великого княжества. Помимо сухопутного пути, контрабанда алкогольных напитков была налажена через Ладожское озеро. В этом случае злоумышленники были избавлены от необходимости проходить через пункт пограничной охраны между Пограничными Кондушами и Виртеля. Протокол задержания в устье р. Видлицы в октябре 1911 года финляндских уроженцев свидетельствует о размахе, с которым были налажены поставки российской казенной водки из Видлицы для продажи жителям Салминского уезда в Финляндии (отметим, что в обоих населенных пунктах проживало карельское население). В частности, в задержанной чинами пограничной стражи лодке было обнаружено 14,4 литра девяностоградусного спирта, 11,5 литра водки, 0,3 литра столового вина. Всего на сумму 236 руб. 76 коп.³⁶ Алкоголь был конфискован, а каждому из четырех контрабандистов был назначен штраф в очень серьезном размере – 236 руб. 85 коп.

В декабре этого же года чинами пограничной бригады был задержан другой уроженец Финляндии – М. М. Алвайта, у которого при обыске было обнаружено алкоголя на сумму 140 руб. Опрошенный в качестве свидетеля дежуривший в тот день на финляндской заставе в Виртеля местный житель А. Коргонен подтвердил, что задержанный является профессиональным контрабандистом, который перевозит алкоголь из России в Финляндию для продажи в д. Салми³⁷. Сам же М. Алвайта утверждал, что помогал довести алкоголь лишь до Пограничных Кондуш, не собираясь пересекать границу.

Помимо денежных штрафов финляндский суд приговаривал контрабандистов, перевозивших алкоголь из Олонецкой губернии в Финляндию, к заключению в Выборгской тюрьме. Несмотря

на такую перспективу, контрабанда российского алкоголя, очевидно не без лояльного отношения к этому населения приграничных местностей Финляндии, продолжала существовать. И губернским властям, и уездным земствам было хорошо известно о дополнительных заработках крестьян из пограничных местностей, получаемых от контрабанды алкоголя. Накануне Первой мировой войны, в разгар широкого общественного обсуждения мер по борьбе с алкоголизмом, земские деятели предлагали закрыть все винные лавки непосредственно рядом с финляндской границей с целью оградить местное население от «легкого, малоценного заработка, который еще легче пропивается»³⁸. Осуществление этой меры автоматически потеряло смысл с началом войны и последовавшими кардинальными ограничениями в реализации алкогольной продукции в России. Тем не менее карелы с другой стороны финляндской границы продолжали фигурировать в протоколах олонецких уездных исправников в связи с незаконным оборотом алкоголя и в более позднее время. В разгар Первой мировой войны, когда в олонецкой деревне власти активно боролись с подпольным изготовлением алкоголя, «финляндцы» участвовали в схемах, направленных на тайную реализацию этой продукции. Значительные штрафы (200 руб. – за изготовление, 25 руб. – за сбыт и 10 руб. – за употребление крепкого пива) не останавливали жителей Финляндии от участия в этих группах³⁹.

Для карельских волостей Кемского уезда контрабандная торговля алкоголем также играла определенную роль в экономике местных крестьянских хозяйств. Оценить уровень ее развития сложнее, но можно выдвинуть предположение, что объем поставок «вина» в Финляндию из Беломорской Карелии был меньше, чем из Карелии Олонецкой. Прежде всего на первый план выходил фактор логистики. В Олонецком уезде «казенка» находилась всего в 16,5 версты (в Видлице) по хорошей дороге от границы с Финляндией. В Кемском уезде ситуация была иной. В одном из источников фигурирует информация о том, что карелы закупали водку в винной лавке в Сороке и под засоленной селедкой везли этот товар в Финляндию⁴⁰. Ближайшее удобное место для пересечения границы находилось в д. Минозеро⁴¹ – в нескольких сотнях верст от Сороки по пешеходным тропам и водным маршрутам.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО В БОРЬБЕ С «ВИНОМ»

Руководство страны постепенно стало разделять доводы общественности о необходимости объявить борьбу с пьянством. Лишь весной 1914 года были предприняты первые, очень осторожные и общие меры по решению этой проблемы [4: 150]. До этого потребление населением алкоголя

регламентировалось лишь по особым поводам: во время призывных кампаний, крупных церковных государственных праздников [5: 80]. Не дожидаясь реальных законодательных изменений, олоонецкий губернатор М. И. Зубовский поддержал усилия местного земства и духовенства по искоренению народного пьянства уже осенью 1913 года. Предложенные им мероприятия условно можно разделить на два направления: борьбу в деревнях с подпольной торговлей водкой и поддержку крестьянской инициативы по закрытию мест продажи алкогольных напитков⁴². Для более эффективной борьбы с шинкарством предполагалось стимулировать нижние полицейские чины особыми премиями. Опора в этом деле на волостных старшин и сельских старост, по мнению М. И. Зубовского, была бесперспективна:

«...я должен сознаться, что питаю лишь слабую надежду на содействие сельских властей, ибо опыт доказывает, что эти должностные лица в деле преследования тайного кормчества совершенно не надежны и не проникнуты сознанием служебного долга»⁴³.

Обращает на себя внимание гендерный состав нарушителей, на которых были составлены протоколы осенью 1913 года о незаконной торговле (по сути – перепродаже) казенной водкой. В 78 % случаев продажа осуществлялась женщинами⁴⁴. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Архангельской губернии, где среднестатистический портрет шинкаря выглядел следующим образом: женщина в возрасте, незамужняя или вдова, с маломощным хозяйством⁴⁵.

В целом необходимо констатировать, что действительно эффективные меры по борьбе с алкоголизмом в деревне были приняты на государственном уровне лишь с началом Первой мировой войны. Однако в силу обстоятельств

военного времени «сухой закон» уже не мог в полной мере благоприятно сказаться на уровне благосостояния сельского населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изученные материалы позволяют сделать вывод о том, что накануне Первой мировой войны в Карелии заметно увеличились темпы потребления алкоголя на душу населения. Одну из главных ролей в этом играла заинтересованность государства: статистика фиксирует постоянное увеличение поставок казенного «вина» в регион. Значительные траты на алкоголь не только лишали крестьян денег на текущие расходы. Бюджет деревни терял средства, которые были так необходимы для перевода хозяйств на более рациональные основы. Тяга к алкоголю ставила под вопрос существование лесных наделов крестьян – по сути главной «подушки экономической безопасности» для них в начале XX века. Наконец, алкоголизация населения вела к ухудшению морального климата в деревне, росту преступности.

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что, помимо явного негативного влияния от чрезмерного потребления алкоголя на население карельских деревень, был установлен по крайней мере один пример выгодного с экономической точки зрения использования «вина» местным населением. Крестьяне приграничных волостей занимались контрабандной торговлей алкоголем с населением восточных частей Финляндии. Власти по обе стороны границы относились к этому явлению ожидаемо негативно, но для населения и западных волостей Олоонецкой Карелии, и жителей Великого княжества эта торговля носила взаимовыгодный характер.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Копяткевич В. А. Преступность в Олоонецкой губернии за пятнадцатилетие 1897–1911. Петрозаводск: Губернская типография, 1914. С. 21, 23.

² Там же. С. 17.

³ Приведенные сведения являются усредненными по всем уездам Архангельской губернии. Отдельную информацию о корреляции между пьянством и ростом преступности по Кемскому уезду обнаружить не удалось.

⁴ Статистик. Преступления и преступники Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 388.

⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/55. Л. 5.

⁶ Дядиченко А. Государственные и земские доходы и расходы по Олоонецкой губернии за последнее десятилетие (1901–1910) // ВОГЗ. 1912. № 5. С. 5.

⁷ Ведро – дореволюционная русская мера объема, равная 12,299 литра.

⁸ Обзор Олоонецкой губернии за 1911 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1912. С. 9; Обзор Олоонецкой губернии за 1912 год. Петрозаводск: Губернская типография, 1913. С. 21; Обзор Олоонецкой губернии за 1913 год. С. 19.

⁹ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 200.

¹⁰ Подсчитано на основе статистических данных по численности населения в Выборгской и Олоонецкой губерниях в 1913 год. См.: Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 15. Олоонецкая губерния: Статистический справочник. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. С. 22.

- ¹¹ Шарапов С. Ф. Монополия и трезвость // Мирные речи. По-русски. Старое и новое: Три сб. 1900 года. 2-е изд. М., 1901. С. 212.
- ¹² Посчитано по: Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. С. 21–22; Обзор Архангельской губернии за 1912 год. Архангельск: Губернская типография, 1913. [С. 47–48].
- ¹³ Посчитано по: Обзор Олонецкой губернии за 1912 год. С. 70–71; Обзор Архангельской губернии за 1912 год. [С. 53–54].
- ¹⁴ Посчитано по: Обзор Архангельской губернии за 1913 год. С. 220.
- ¹⁵ Коровин А. М. Самоубийства и потребление водки в Европейской России с 1903-го по 1912-ый год. М.: Изд. доктора А. М. Коровина, 1916. С. 35.
- ¹⁶ Журналы Петрозаводского уездного земского собрания очередной и чрезвычайной сессий 1912 г. Петрозаводск: Олонец. губ. тип., 1913. С. 28.
- ¹⁷ Там же. С. 46.
- ¹⁸ Сельский М. С какой стороны прийти на помощь крестьянину // ВОГЗ. 1912. № 20. С. 15–18.
- ¹⁹ Сколько стоит водка? // ВОГЗ. 1913. № 1. С. [II].
- ²⁰ НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 32/56; Широкий М. Кредитное товарищество в Тулодозеро // ВОГЗ. 1913. № 15. С. 15.
- ²¹ Свой. Сенная губа Петрозаводского уезда // ВОГЗ. 1913. № 14. С. 10.
- ²² Ф. О. Из деревенских впечатлений // ВОГЗ. 1912. № 16. С. 14–15.
- ²³ И. Р. Надо остановить // ВОГЗ. 1912. № 16. С. 17.
- ²⁴ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1916. С. 206.
- ²⁵ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год одиннадцатый, 1913. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1914. С. 568.
- ²⁶ Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год двенадцатый, 1914. Гельсингфорс: Центр. стат. бюро, 1915. С. 197; Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год одиннадцатый, 1913. С. 183; Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. Год тринадцатый, 1915. С. 197.
- ²⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/10. Л. 14, 15, 20, 24.
- ²⁸ Там же. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Л. 23, 26.
- ³⁰ Подсчитано по: НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112/10. Л. 18, 21.
- ³¹ Там же. Л. 12.
- ³² Л-ий С. А. Борьба за трезвость и земство // Вестник Олонецкого губернского земства. 1914. № 7. С. 5.
- ³³ Фесфитянов С. М. На границе Финляндии // ВОГЗ. 1911. № 14. С. 13.
- ³⁴ Посчитано по: НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 30/475.
- ³⁵ Там же. Л.
- ³⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 111/2. Л. 132.
- ³⁷ Там же. Л. 208–208 об.
- ³⁸ Л-ий С. А. Борьба за трезвость и земство. С. 5.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/745. Л. 38–44.
- ⁴⁰ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия общества изучения Архангельской губернии. 1914. № 14. С. 435.
- ⁴¹ Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Леннрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. С. 437.
- ⁴² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117 / 55. Л. 7.
- ⁴³ Там же. Л. 91.
- ⁴⁴ Посчитано по: НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117/52. Л. 9–14, 20–21 об., 58.
- ⁴⁵ Статистик. Преступления и преступники Архангельской губернии. С. 390.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимов А. А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 96–109. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.106
2. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
3. Кривоноженко А. Ф. Алкогольная проблема в карельской деревне накануне и во время Первой мировой войны // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=1050> (дата обращения 14.10.2019). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1050
4. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium) / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 147–159.
5. Пашков Е. В. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 80–93.
6. Пулькин М. В. «В тихом омуте...»: преступность в Олонецкой губернии (XIX – начало XX вв.) // Studia Humanitatis. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_11.pdf (дата обращения 09.09.2019). DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00004
7. Пулькин М. В. Феномен пьянства в XIX – начале XX вв.: проблемы осмысления (по материалам Европейского Севера России) // Studia Humanitatis. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_5.pdf (дата обращения 09.07.2019). DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00001
8. Розинская Н. А. Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 31–36.
9. Такала И. Р. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 335 с.
10. Шевченко И. А. Общественное движение и потребление алкоголя в России на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Тамбовского университета. 2014. № 12 (140). С. 224–230.

Поступила в редакцию 26.07.2019

Alexander F. Krivonozhenko, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
krivfed@yandex.ru

INFLUENCE OF ALCOHOL CONSUMPTION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF KARELIAN PEASANTS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR*

The alcohol monopoly which existed in the Russian Empire at the turn of the XX century remains an important object of research for Russian historical science. In certain historical periods, the alcohol issue significantly influenced the determination of the development vector of the country's domestic policy. The relevance of this problem in modern Russia is obvious. The role of the alcohol monopoly in the formation of the socio-economic climate has been the subject of a large number of works in which the problem has been analyzed both on a national and regional scale. Russian materials are used for studying this topic for the first time, which determines the research novelty. The analyzed published statistical materials, archival data and information from the periodical press indicate a systematic increase in the supply of officially-sold alcoholic beverages to the region before the First World War. At the same time, an increase in alcohol consumption by the rural population of Karelia was recorded. The negative socio-economic consequences of these trends included significant financial losses suffered by the peasants. Concrete examples demonstrate how detrimental the impact of this outflow of finances was on the development of the peasant households. In addition, the negative impact of increased alcohol consumption on the moral character of the village was studied. However, in addition to negative factors, the study established a certain economic benefit from alcohol consumption for the peasants of the border townships in the Olonets province, which resulted from smuggling alcohol to Finland.

Keywords: wine monopoly, Karelia, Olonets province, Vyborg province, smuggling, alcohol, peasantry, welfare

* The study was carried out as part of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences project No AAAA-A18-118030190093-9.

Cite this article as: Krivonozhenko A. F. Influence of alcohol consumption on the socio-economic situation of Karelian peasants on the eve of the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 72–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.415

REFERENCES

1. Efimov A. A. A "Semi-Dry" Law: the peculiarities of regulating alcohol merchandise in the palace towns Tsarskoye Selo, Gatchina and Peterhof during the First World War. *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No 1. P. 96–109. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.106
2. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
3. Krivonozhenko A. F. Alcohol problem in Karelian villages before and during World War I. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2018. Issue 3. Available at: <http://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1050> (accessed 14.10.2019). (In Russ.) DOI: 10.15393/j103.art.2018.1050
4. McKee A. Dry Law during World War I: reasons, conception and results of prohibition in Russia between 1914 and 1917. *Russia and World War I: (Proceedings of International Scientific Colloquium)*. St. Petersburg, 1999. P. 147–156. (In Russ.)
5. Pashkov E. V. The anti-alcohol campaign in Russia during the First World War. *Voprosy istorii*. 2010. No 10. P. 80–93. (In Russ.)
6. Pulkin M. V. "In silent bottom...": crime in the Olonets province (XIX – early XX centuries). *Studia Humanitatis*. 2019. No 2. Available at: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_11.pdf (accessed 09.09.2019). (In Russ.) DOI: 10.24411/2308-8079-2019-00004
7. Pulkin M. V. The phenomenon of alcoholism in the XIX and the early XX centuries: problems of comprehension (using the materials of the European North of Russia). *Studia Humanitatis*. 2017. No 4. Available at: http://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pulkin_5.pdf (accessed 07.09.2019). (In Russ.) DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00001
8. Rozinskaya N. A. The impact of prohibition on the population welfare during the First World War. *Economic History*. 2014. No 3 (26). P. 31–36. (In Russ.)
9. Takala I. R. Mirth of Russia: the history of the alcohol problem in Russia. St. Petersburg, 2002. 335 p. (In Russ.)
10. Shevchenko I. A. Social movement and consumption of alcohol in Russia at the turn of the XX century. *Tambov University Review*. 2014. No 12 (140). P. 224–230. (In Russ.)

Received: 26 July, 2019

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Repukhova@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ КУРСОВ ПОДГОТОВКИ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ НАРКОМАТОВ И УЧРЕЖДЕНИЙ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

На основе впервые привлеченных документов рассмотрен процесс организации межведомственных курсов подготовки мобилизационных работников гражданских наркоматов и учреждений (на примере крупнейшей республики СССР – РСФСР). На рубеже 1920–1930-х годов был сформирован первый межведомственный мобилизационный план Советского государства. Военно-гражданская мобилизационная подготовка была возложена на гражданские наркоматы и ведомства, в которых были образованы мобилизационные подразделения (ячейки и формирования). Отсутствие опыта и знаний у работников мобячеек, призванных организовывать мобработку гражданских наркоматов и ведомств, препятствовало эффективной работе над формированием общегосударственного мобилизационного плана. Первые курсы обучения гражданских мобработников были созданы при штабах военных округов в 1927–1928 годах. Они были организованы по принадлежности к наркоматам и имели низкую пропускную способность. В 1929 году на фоне изменения системы межведомственных руководящих моборганов в стране Штабом РККА и Госпланом РСФСР были предложены варианты реорганизации действующих курсов. В результате были созданы единые межведомственные курсы обучения гражданских мобработников, территориально прикрепленные к штабам военных округов.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, мобилизационная подготовка, курсы подготовки, мобилизационные подразделения

Для цитирования: Репухова О. Ю. Организация курсов подготовки мобилизационных работников гражданских наркоматов и учреждений Советского государства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416

ВВЕДЕНИЕ

История мобилизационной политики Советского государства в межвоенный период вызывает значительный интерес современных исследователей, сосредоточенных главным образом на ее экономических аспектах [1], [4]. Между тем изучению комплексного взаимодействия советских государственных структур в процессе формирования общегосударственной военно-гражданской мобилизационной подготовки посвящено незначительное число исследований [2], [3]. История подготовки, обучения работников мобилизационных подразделений гражданских наркоматов и ведомств, обеспечивавших разработку мобилизационных планов, до сих пор не попадала в поле зрения ученых. Некоторые аспекты истории образования курсов подготовки работников мобилизационных подразделений и взаимодействия по этому поводу советских государственных структур открывают документы, обнаруженные в фондах Российского государственного военного архива (РГВА).

В 1929–1930-х годах в разработке планов эвакуационной и мобилизационной подготовки Советского государства наметилась устойчивая тенденция к синхронизации, поиску взаимного

соответствия требований. В процессе корректировки действовавшего с 1928 года эвакуационного плана (ЭП) в 1929 году началась разработка первого межведомственного мобилизационного плана (МП) государства. Работа над ним затянулась почти на год, поскольку была сопряжена с одновременной форсированной реализацией и корректировкой первого 5-летнего плана индустриализации СССР (1928–1932), плана военно-промышленной мобилизации (МП «С-30»)¹, войсковых мобилизационных планов (МП-№ 9 в 1929 году и МП-№ 10 в 1930 году) и сопровождалась трудным межведомственным согласованием в недрах государственной бюрократической машины [3].

Одной из главных проблем, с которой столкнулись в ходе формирования первого межведомственного МП, было отсутствие опыта мобилизационной работы у сотрудников мобилизационных подразделений в гражданских наркоматах и на предприятиях. Формирование структуры таких подразделений началось во второй половине 1920-х годов и отразило общий процесс передачи гражданским наркоматам несвойственных военному ведомству функций, предусмотренный «Положением о подготовительном к войне периоде» 1926 года², утвержденным Распорядительным заседанием (РЗ) СТО

СССР. Мобилизационные подразделения в гражданских наркоматах и на предприятиях состояли, как правило, из двух частей: мобилизационных ячеек и специальных формирований (производственных, ремонтных, санитарных и т. д.). Специальные формирования были законсервированы в мирное время, но предназначались с объявлением мобилизации к развертыванию.

С 1927 по 1930 год сотрудники мобилизационных ячеек выполняли обязанности по организации мобилизационной работы и обеспечению разработки заявок к мобилизационному планированию как дополнительную нагрузку. Для подобной работы не выделялась отдельная должность в штатном расписании гражданского наркомата и предприятия. На местах это приводило к тому, что мобилизационные подразделения создавались формально и состояли из неподготовленных сотрудников. Важность мобилизационной работы в гражданских наркоматах и ведомствах недооценивалась³.

Поскольку Межведомственная мобилизационная комиссия (ММК) в составе начальников мобилизационных управлений всех союзных наркоматов, созданная для разработки МП, работала под председательством начальника Штаба РККА СССР, то обучение работников моборганов в течение 1927–1928 годов было организовано на курсах при штабах военных округов. Мобработники слушали курсы, на которых лекторами выступали преподаватели центральных военно-экономических курсов при Курсах усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС). Они были организованы на двух уровнях: младшее отделение – слушатели при штабах военных округов, старшее отделение – военно-экономические курсы при КУВНАС⁴.

Учебная программа курсов при штабе военного округа включала в себя 19 тематических лекций, список источников для руководителей семинаров, программу мобилизационной игры как практического занятия⁵. В ходе обучения слушателей знакомили со всеми направлениями военно-гражданской мобилизационной подготовки, проводимыми в скрытый подготовительный период (подпериод № 1) [2: 28]: организацией противовоздушной обороны⁶, организацией подготовки системы связи к войне⁷, мобилизационной подготовкой транспортной инфраструктуры (железнодорожного⁸, водного и местного транспорта⁹), здравоохранения¹⁰, сельского хозяйства¹¹, социальной и культурной сферы¹². Уделялось внимание вопросам политического обеспечения мобилизационной подготовки. Значительное место в программе курсов было отведено обучению слушателей порядку составления заявок к мобилизационному¹³ и эвакуационному планам, порядку выполнения МП и ЭП¹⁴, решению вопросов укомплектования техникой и рабочей силой народного хозяйства и административного аппарата СССР на время войны¹⁵. Кроме того, слушателей знакомили с порядком мобилизационных действий в режиме эвакуации: порядком

финансовых расчетов в случае мобилизации¹⁶, организацией беженцев¹⁷, положением о военнопленных¹⁸. Однако при знакомстве слушателей с элементами общегосударственной системы мобилизационной подготовки акцент был сделан на обучение организации мобработы в тех отраслях, ответственность за которые была возложена на гражданские ведомства. Из 82 учебных часов 54 % было отведено изучению организации мобподготовки сельского хозяйства, снабжения, торговли, транспорта, социального обеспечения, воздушно-химической обороны, размещению беженцев¹⁹. Занятия были организованы не только в лекционной, но и в практической форме. Так, было предусмотрено проведение мобилизационной игры, методика которой позволяла проверить результаты теоретического обучения²⁰. Условия игры задавали слушателям ситуацию, в которой польские конные войска без объявления войны перешли советскую границу 21 июля и двигались в направлении Шепетовки и Житомира²¹. Слушатели должны были показать свою способность оперативно применить МП гражданского ведомства в подготовительный период перехода на военное положение²².

На курсы по регламенту могло быть одномоментно направлено не более 20 % численности мобработников учреждения²³. Подготовка проводилась по принадлежности к наркоматам (например, курсы подготовки мобработников Народно-го комиссариата почт и телеграфов²⁴). Поэтому в течение 1928 года общее число слушателей курсов мобработников учреждений и наркоматов РСФСР, самой большой республики СССР, составило не более 60–70 человек²⁵. Очевидно, это была очень небольшая часть обученных, поскольку, по данным Плановой комиссии Госплана РСФСР на апрель 1929 года, общее число мобработников в центральных аппаратах РСФСР составляло 90 человек, в наркоматах АССР и исполкомах – 600 человек, на местах в мобсекретариатах СНК АССР и исполкомах – около 60 руководителей и до 100 инструкторов по мобработе, около 250 человек мобработников ведомств и кооперации, работавших по совместительству²⁶, то есть только в гражданских учреждениях РСФСР в мобподразделениях разного уровня работало около 1100 сотрудников, из которых обучили всего около 7 %. Отсутствие подготовленных мобработников и масштабного обучения в этой сфере, безусловно, было одним из факторов, повлиявших на затянувшиеся (около года) сроки разработки общегосударственного межведомственного мобилизационного плана 1930 года.

В 1928 году система межведомственных руководящих моборганов, сформированная в 1926–1927 годах, была упразднена. Руководство подготовкой страны к обороне было возложено на СТО СНК краевых, губернских, окружных исполкомов, осуществляющих эти функции через организацию созданных для этого суженных заседаний (СЗ). Рабочим аппаратом этих органов служили для РЗ СТО – Госплан СССР и РВС

СССР, для СЗ СНК автономных республик, областных, краевых, губернских и окружных исполкомов штабы соответствующих войсковых соединений или теруправления²⁷. Несмотря на утрату руководящего положения в системе межведомственных руководящих моборганов, военное ведомство в марте 1929 года начало разработку единой системы организации курсов по подготовке и переподготовке гражданских мобработников и единой программы занятий. В ситуации начавшейся подготовки первого МП военное ведомство стремилось провести масштабное обучение гражданских мобработников и тем самым разрешить проблему дефицита подготовленных специалистов. Штабам военных округов (БВО, ЛВО, МВО, УВО, СКВО и др.) было поручено организовать и провести подобные курсы для гражданских учреждений и предприятий, расположенных в административно-территориальных единицах в пределах округа²⁸. Соответственно, все административно-территориальные единицы страны были прикреплены военным ведомством к соответствующему военному округу для прохождения курсов по подготовке и переподготовке гражданских мобработников²⁹. Штаб РККА считал, что курсы целесообразно организовывать при штабах ВО. Разработанную программу, рассчитанную на 4 недели, разместили в мобилизационном сборнике, который было запланировано отпечатать и разослать на места в апреле 1929 года. Программа предусматривала 86 учебных часов (на 4 часа больше, чем программа, действовавшая в 1927–1928 годах) и носила конкретно-практический характер. На занятия по составлению мобилизационного плана гражданского учреждения отводилось 15 часов³⁰.

Финансирование работы курсов по мнению военного ведомства должны были взять на себя гражданские ведомства и структуры. Выплата командировочного содержания слушателей курсов должна была проходить за счет направляющего гражданского учреждения, аренда помещений, оплата работы преподавателей и другие расходы – за счет бюджета союзных республик³¹. Секретная литература для обучения слушателей должна была приобретаться за счет исполкомов³². В последующем вопрос об источнике финансирования обучения мобработников гражданских учреждений и предприятий стал проблемой в достижении межведомственного согласования. От окружных военкоматов поступала информация, что «средств на приобретение секретной литературы не отпускается...»³³. Начальник Штаба Московского ВО докладывал в Штаб РККА о том, что местные комиссии по делам обороны, опираясь на особое распоряжение секретариата СНК, прекратили дальнейшие занятия с гражданскими мобработниками³⁴. Действительно, Секретариат СНК РСФСР еще 11 февраля 1929 года, то есть опередив инициативу военного ведомства по проведению единой системы обучения

мобработников, направил председателям СНК автономных, краевых, областных и губернских исполкомов указание о приостановке проведения курсов подготовки мобработников, ссылаясь на то, что подготовка их к работе в условиях военного времени – чрезвычайно сложная проблема и на местах могут быть допущены неправильные толкования принципиальных вопросов. Кроме того, Секретариат СНК РСФСР сообщал, что СНК РСФСР в ближайшее время направит в регионы соответствующую программу местных курсов по подготовке мобработников³⁵.

Осенью (не позже 20 октября) 1929 года Сектор обороны Госплана РСФСР выступил в СТО с предложениями об изменении системы подготовки мобработников³⁶. Предлагалось организовать отдельные двухуровневые, пятимесячные курсы с собственным штатом преподавателей в Москве. Через организацию курсов Сектор обороны Госплана РСФСР предполагал, что можно было бы обучить всех мобработников за 1–1,5 года. Сектор обороны Госплана РСФСР считал, что отсутствие единых курсов, их «децентрализация» по военным округам, приводит к «распылению сил и средств, ложится большими расходами на республиканские и местные бюджеты и затрудняет руководство». Помимо идеи об организации централизованных курсов, Госплан РСФСР считал необходимым «усилить инструктаж мобработников по линии отдельных Наркоматов и кооперации»³⁷.

Предложение Госплана РСФСР было отрицательно воспринято в Главном управлении Штаба РККА. Начальник II (Организационно-мобилизационного) Управления Штаба РККА Н. А. Ефимов обратил внимание представителей Сектора обороны Госплана на отсутствие кадров, способных вести курсы по мобилизационной подготовке. Например, в программе курсов при Штабе ЛВО была запланирована лекция на тему «Об учете нужд обороны в пятилетке Ленинградской области». Штаб ЛВО вынужден был обращаться в Штаб РККА за помощью в поиске специалиста, владеющего материалом темы³⁸. Другим аргументом военного ведомства было то, что

«работа местных моборганов в преимущественной степени связана с мобилизационной работой РККА и поэтому организацию курсов при Штабах ВО, установление более тесных связей местных гражданских мобработников со Штабами ВО можно только приветствовать».

И, наконец, по мнению военного ведомства, «организация курсов при Штабах ВО имеет еще тот плюс, что краевые и областные комитеты будут иметь их в сфере своего влияния»³⁹. С точки зрения военного ведомства, продвигавшего военизацию гражданских учреждений путем перекалывания на них сугубо военных функций, такой подход к организации обучения мобработников был обоснованным. Но главное, что проведение курсов при штабах ВО позволяло учитывать специфику меняющихся условий

мобилизационной и эвакуационной подготовки административно-территориальных единиц, расположенных в пределах округа. В результате был выработан вариант обучения мобработников, сочетавший в себе интересы военных и гражданских структур: курсы были организованы межведомственные, но территориально при штабах ВО. Все расходы на обучение мобработников ложились на республиканский бюджет (союзной и автономной республики)⁴⁰.

Новая схема организации курсов обучения мобработников гражданских учреждений впервые была апробирована с 15 по 20 октября 1929 года при штабе ЛВО в г. Ленинграде⁴¹. Эти курсы, по имеющимся данным, впервые были организованы по межведомственному принципу и оказались более эффективными, чем проводимые для сотрудников отдельных ведомств. Так, 2-й отдел Штаба ЛВО докладывал, что

«...организация специальных ведомственных курсов нецелесообразна, как по мотивам экономии средств, так и потому, что такие ведомственные курсы не смогут ознакомить мобработников с системой подготовки всей страны в целом, знание чего должно быть обязательным для всех мобработников, независимо от принадлежности к тому или иному ведомству»⁴².

Среди слушателей, окончивших военно-экономические курсы при Штабе ЛВО в 1929 году, были работники мобячеек разных ведомств: Д. Н. Редькин – секретарь Мобсекретариата СНК АКССР, Н. П. Беляев – сотрудник Мобчасти Теруправления АКССР, П. И. Сернов – руководитель Мобилизационной делопроизводственной группы Моботделения Управления Октябрьских железных дорог, А. Г. Сидоренков – инспектор I отд. Управления Октябрьских железных дорог, Н. В. Феопентов – зав. Секретной частью и Уполномоченный по мобилизационной работе НКЗема г. Петрозаводска АКССР и др. (всего в списке 106 фамилий по АКССР, Псковской, Новгородской, Вологодской, Архангельской, Мурманской, Северо-Двинской, Ленинградской областям)⁴³. Обученные работники мобячеек были ценными специалистами по организации мобилизационной работы, прежде всего в районах, расположенных в пределах ЛВО. Поэтому приказом командующего войсками ЛВО М. Н. Тухачевского штабу округа было поручено поставить окончивших курсы на персональный учет и

«немедленно поднять перед Исполкомами Ленинградской области, Северного Края и Совнаркома АКССР вопрос об издании специального постановления, запрещающего какие-либо перемещения по службе указанных товарищей без ведома и согласия соответствующего областного (краевого и республиканского) Исполкома»⁴⁴.

19 декабря 1929 года было утверждено постановление СНК РСФСР «Об организации курсов мобилизационных работников окружных аппаратов гражданских органов»⁴⁵, предусматривающее проведение месячных курсов ежегодно при штабах военных округов. Программа курсов устанавливалась Штабом РККА по согласованию с мобилизационными органами народных комиссариатов. Пропускная способность курсов одного созыва составляла 100 человек. Расходы, связанные с организацией курсов, были возложены на счет гражданских ведомств. Отметим, что гражданские ведомства по-прежнему с большой неохотой направляли своих работников на курсы⁴⁶. Очевидно, они тяготились вмененными им мобилизационными функциями.

ВЫВОДЫ

Одновременно с разработкой первого общегосударственного межведомственного мобилизационного плана в РСФСР впервые в стране была сформирована система обучения мобилизационных работников. Процесс создания курсов подготовки мобилизационных работников в целом отразил основные тенденции, проявившиеся в ходе формирования общегосударственной системы мобилизационной подготовки. Территориально курсы были прикреплены к штабам ВО, что позволяло в ходе обучения учитывать специфику мобилизационной и эвакуационной подготовки административно-территориальных единиц, расположенных в пределах округа. Финансирование работы курсов обеспечивали гражданские наркоматы и ведомства, направлявшие на обучение мобработников. Курсы были организованы по межведомственному принципу набора. Учебная программа курсов знакомила мобработников с общегосударственной системой подготовки. Сформированная и апробированная в РСФСР система обучения мобилизационных работников определила в дальнейшем основные направления развития аналогичной системы обучения в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мобилизационное планирование в СССР в 1918–1945 гг., производство вооружения и боеприпасов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.soldat.ru> (дата обращения 15.06.2015).

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 1. Д. 111. Л. 10

³ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р 690. Оп. 10. Д. 2. Л. 8–9

⁴ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4–5.

⁶ Там же. Л. 6–14.

⁷ Там же. Л. 5–18.

⁸ Там же. Л. 26.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 28–31.

¹¹ Там же. Л. 38–41.

¹² Там же. Л. 42–50.

- ¹³ Там же. Л. 32–36.
- ¹⁴ Там же. Л. 37.
- ¹⁵ Там же. Л. 92–93.
- ¹⁶ Там же. Л. 65–67.
- ¹⁷ Там же. Л. 76–78, 79–83.
- ¹⁸ Там же. Л. 68–70.
- ¹⁹ Там же. Л. 99–102.
- ²⁰ Там же. Л. 103; 111–112.
- ²¹ Там же. Л. 112.
- ²² Там же. Л. 104.
- ²³ Там же. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Л. 226.
- ²⁵ Там же. Л. 1.
- ²⁶ Там же. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Л. 82–84.
- ²⁸ Там же. Л. 113.
- ²⁹ Там же. Л. 204.
- ³⁰ Там же. Л. 230.
- ³¹ Там же. Л. 113.
- ³² Там же. Л. 192.
- ³³ Там же. Л. 193.
- ³⁴ Там же. Л. 114.
- ³⁵ Там же. Л. 115.
- ³⁶ Там же. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Л. 3.
- ³⁸ Там же. Л. 160.
- ³⁹ Там же. Л. 1.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. Р 690. Оп. 10. Д. 1. Л. 25.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 734. Л. 154.
- ⁴² Там же. Л. 219.
- ⁴³ Там же. Л. 178–179.
- ⁴⁴ Там же. Л. 177.
- ⁴⁵ Там же. Л. 230–231.
- ⁴⁶ Там же. Л. 157.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванченко В. Мобилизационная модель индустриализации СССР как стратегический ответ на подготовку Второй мировой войны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 2. С. 7–25.
2. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 352 с.
3. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах: Научное электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016.
4. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель индустриальной модернизации: историко-теоретические проблемы // Преподавание истории и обществознания в школе. 2011. № 2. С. 3–12.

Поступила в редакцию 01.07.2019

Oksana Yu. Repukhova, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Repukhova@yandex.ru

ORGANIZATION OF TRAINING COURSES FOR MOBILIZATION PERSONNEL OF CIVIL PEOPLE'S COMMISSARIATS AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES IN THE SOVIET STATE

The article studies the process of organizing the interdepartmental training courses for mobilization personnel of the civil People's Commissariats and other government agencies, using the case of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), the largest USSR republic, and documents which have not been used for such research so far. At the turn of the 1930s, the first interdepartmental mobilization plan of the Soviet state was created. Military and civil mobilization preparation was assigned to civil People's Commissariats and agencies, where special mobilization divisions (cells and units) were formed. The lack of experience and knowledge among mobilization cells members, who were to organize mobilization activities of the civil People's Commissariats and other agencies, hindered the effective formation of the nationwide mobilization plan. The first training courses for civil mobilization personnel were established at the military district headquarters in 1927 and 1928. They were assigned to various People's Commissariats and had low throughput. In 1929, amid changes in the country's system of interdepartmental mobilization leading bodies, the Red Army Headquarters and the RSFSR State Planning Committee proposed the options for the reorganization of the existing training courses. This resulted in establishing standard interdepartmental training courses for civil mobilization personnel, which were territorially assigned to the military district headquarters.

Keywords: USSR, RSFSR, mobilization preparation, training courses, mobilization divisions

Cite this article as: Repukhova O. Yu. Organization of training courses for mobilization personnel of civil People's Commissariats and other government agencies in the Soviet state. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 80–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.416

REFERENCES

1. Ivanchenko V. Mobilization model of the USSR industrialization as a strategic response to the preparation of the Second World War. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2012. No 2. P. 7–25. (In Russ.)
2. Melija A. A. Mobilization preparation of the USSR national economy. Moscow, 2004. 352 p. (In Russ.)
3. Repukhova O. Yu. Civil-military mobilization preparation in the Republic of Karelia during the 1920s and the 1930s: Electronic scientific publication. Petrozavodsk, 2016. (In Russ.)
4. Senjavskij A. S. Soviet mobilization model of industrial modernization: historical and theoretical problems. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 2011. No 2. P. 3–12. (In Russ.)

Received: 1 July, 2019

ИРИНА НИКОЛАЕВНА РУЖИНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

irin@petrsu.ru

**ВИКТОР КЛИШКО КАК УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СОВЕТА
ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Рассматривается деятельность Виктора Ивановича Клишко в должности уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви по Карелии в 1950 году. Документальный корпус работы представлен неопубликованными источниками Национального архива Республики Карелия. Особую ценность источникового массива составляет личное дело управленца. Методология исследования представляет собой комплекс подходов – сочетание просопографических, историко-психологических, квалитологических подходов в контексте модальной биографии. Данный ракурс позволяет минимизировать исследовательский субъективизм при оценке мировоззренческих и поведенческих доминант уполномоченного как актора истории. В ходе исследования установлено, что назначению Виктора Клишко на должность уполномоченного способствовал комплекс факторов: вектор церковно-государственной политики центрального и регионального уровней, а также его профессионально-управленческий опыт. Автор делает вывод, что за полгода пребывания в должности уполномоченный добился значительных результатов в деле передачи храмов под культурно-социальные нужды населения Карелии. Четкая стратегия управленческой деятельности Виктора Клишко позволила расширить сферу деятельности уполномоченного в область *negative campaigning*. Исходя из личностных акцентуаций и многолетнего опыта антирелигиозной деятельности, уполномоченный был сторонником мер репрессивного характера в отношении к Церкви, апробированных им в практике «воинствующего безбожия» периода 1920–1930-х годов. Должностная ротация Виктора Клишко как уполномоченного была следствием противостояния Совета по делам Русской православной церкви с Управлением агитации и пропаганды ЦК партии, отсутствием корпоративной коммуникации и диалога с объектами церковно-государственных отношений.

Ключевые слова: уполномоченный, Совет по делам Русской Православной Церкви, Карело-Финская ССР, просопография, должностное лицо, акцентуации личности

Для цитирования: Ружинская И. Н. Виктор Клишко как уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417

ВВЕДЕНИЕ

История института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (СДРПЦ) – одна из приоритетных тем исследовательского интереса в области церковно-государственных отношений. За последние годы учеными накоплен значительный материал к пониманию данного феномена истории СССР. Благодаря введению в научный оборот недоступного ранее документального корпуса, исследована эволюция и правовое положение института уполномоченных (работы Р. В. Зворыгина, О. Н. Копыловой, П. В. Панова, А. Н. Потапова, Т. А. Чумаченко). Накоплен значительный материал по изучению региональной специфики института уполномоченных (работы Р. М. Громова, Е. В. Дроботушенко, А. П. Жамкова, О. Б. Молодова, К. А. Полозовой, К. Ю. Поповой, М. Б. Сердюк, О. С. Смирновой, И. В. Смолиной, Л. И. Сосковец, З. А. Федоровой, И. Ю. Федотовой, О. Б. Халидовой). Использование просопографического

подхода сделало возможным составление обобщающего портрета уполномоченного в региональном контексте (работы дьякона В. Гуляева, Ю. В. Гераськина, А. А. Дорош, Е. С. Климовой, Е. И. Малюкова, А. Г. Подмарицына). При этом проблемным направлением в изучении института уполномоченных продолжает оставаться антропологический феномен данного явления [17]. Этому способствует комплекс факторов источникового и методологического характера. Данное обстоятельство повлияло на то, что наименее изученным вопросом продолжает оставаться персонификация уполномоченных. Фрагментарность и тенденциозность источников, религиозные и политические предпочтения исследователя [10] устанавливают значительные барьеры к объективной оценке данного фактора [16]. Одним из вариантов решения этой проблемы может быть применение междисциплинарных подходов. Анализ индивидуального сознания и индивидуальной деятельности – важнейшие со-

ставляющие микроисторических исследований, обобщающих персональный опыт [18].

Значительным потенциалом объективной оценки обладают возможности просопографии и модальной биографии. Просопография советского чиновничества по надзору за религиозными организациями – одно из перспективных направлений в исследовании института уполномоченных [12: 111]. Использование просопографического метода [15] дает возможность выделения границы личного и профессионального при анализе деятельности советского управленца в религиозной сфере. Это позволяет увидеть, на наш взгляд, уполномоченного в двух измерениях: как чиновника, выполняющего регламентированный круг должностных обязанностей, и как личность. Историко-психологический метод дает возможность реконструировать эволюцию мировоззренческих установок личности уполномоченного, их влияния на профессиональную деятельность управленца [9], [20].

Не менее сложной проблемой для исследователей остается вопрос о выработке критериально-оценочного комплекса качества деятельности уполномоченного. Нельзя не согласиться с мнением О. Б. Молодова, что соответствие деятельности уполномоченного требованиям действующего законодательства – наиболее верный критерий объективной оценки работы представителя СДРПЦ [11: 246]. Методология квалитологического подхода к оценке деятельности управленца позволяет выявить качество результата и качество управления всей институциональной системой [19]. Это значительный ресурс к оценке мотивационной составляющей качества работы уполномоченного. Сочетание биографики с квалитологическим подходом минимизирует исследовательский субъективизм и формирует критериальный подход к оценке деятельности уполномоченного через выполнение возложенных на него государственных задач. При этом биографика уполномоченного может быть выстроена в нескольких траекториях: социализация, карьерная вертикаль, корпоративное пространство, межкорпоративные взаимодействия. Таким образом, сочетание общенаучных и специальных методов исследования позволяет реконструировать антропологический фактор в характеристике уполномоченного как субъекта истории. Исходя из данного обоснования, целью работы является исследование уполномоченного СДРПЦ по Карело-Финской ССР Виктора Ивановича Клишко как личности и чиновника. Реализации данной цели способствует наличие комплекса документов Национального архива Республики Карелия (НА РК). Они доступны для исследователя, сопоставимы, информативны и позволяют увидеть исследуемое явление в комплексе исследовательских задач. Документальным ресурсом работы стали дела из «Лич-

ного фонда» В. И. Клишко (Ф. Р-2434) и фонда «Уполномоченного совета по делам религий при Совете министров РСФСР по КАССР» (Ф. Р-310). В комплексе источников это докладные записки, отчеты, беседы уполномоченного с епархиальным благочинным, статьи, письма, брошюры В. И. Клишко, альбом с фотографиями, справки о церквях, описи церковного имущества. Особую информационную ценность представляет «Личное дело В. И. Клишко»¹. Наличие данных материалов чрезвычайно важно, поскольку позволяет реконструировать социально-политический и профессионально-корпоративный портрет функционера.

Институт уполномоченных СДРПЦ на территории КФССР был создан 3 декабря 1943 года². Это был один из первых опытов создания нового ведомства церковно-государственных отношений в регионах СССР. Стратегическое положение приграничной республики, открытие храмов в период действия оккупационного режима делают этот факт вполне обоснованным. Деятельность уполномоченных на территории КФССР изучалась в ряде научных работ. Исследовательские интересы распространялись на объектно-проблемные характеристики церковно-государственных отношений в регионе [2], факторную специфику вопроса [4], историю церковных общин Карелии [1]. Личность уполномоченного и особенности его профессиональной деятельности как должностного лица не являлись предметом специального исследования. Назначение В. И. Клишко уполномоченным СДРПЦ произошло 1 марта 1950 года. Это было сложное в политическом отношении время для страны в целом и КФССР в частности [3], [5]. Смысловые акценты должностной деятельности уполномоченных в этот период коррелировались спецификой межведомственного рассогласования по стратегии государства в религиозном вопросе [6: 48]. Особенно заметно это проявилось в противостоянии СДРПЦ с Управлением агитации и пропаганды ЦК КПСС. В. И. Клишко был широко известным в регионе работником СМИ и лидером «Союза воинствующих безбожников Карелии». Ротация уполномоченных с подобным вектором карьеры подтверждает мнение об эволюции институционального состава данной группы управленцев [14: 338] и усилении научно-атеистической составляющей в государственной политике [13: 129]. Антирелигиозники эпохи воинствующего атеизма оказались востребованными особенно там, где рост активности верующих выразился в активизации церковной жизни. Для В. И. Клишко данное обстоятельство стало доказательством наступления «церковников» на завоевание социализма, а значит, необходимости продолжения войны с врагом советской власти. Таким образом,

контролирующие полномочия по соблюдению субъектами церковной деятельности законодательства о культах должен был реализовывать не очередной чиновник-назначенец, а человек с убеждениями воинствующего атеиста.

Исследование причин подобного антагонизма диктует необходимость реконструкции религиозного опыта данного человека. Объяснение враждебного отношения к религии, отличавшего В. И. Клишко, на наш взгляд, кроется не только в идеологических приоритетах атеистического государства, но и специфике личностных акцентуаций. Крещенный в младенчестве, он рос в многодетной семье петербургского повара и портнихи³. Опосредованные данные свидетельствуют о религиозных традициях семьи, в духовном воспитании которой значительную роль играл дед⁴. Учась в школе, мальчик демонстрировал прекрасную память, сообразительность, поведение и отличные оценки, в том числе по такому предмету, как Закон Божий, и был одним из самых даровитых учеников класса. По мнению учителя, Колю Клишко отличала всесторонняя любознательность, что предполагало «вдумчивое отношение к его образованию и воспитанию»⁵. Однако ранняя смерть отца разрушила привычный мир и сильно отразилась на материальном благополучии семьи. Учебу в школе пришлось совмещать с ежедневными подработками разносчиком. При огромном желании учиться дальше В. И. Клишко закончил лишь семилетку. Революционные события 1917 года отложились в памяти Клишко не только экономическим кризисом и политическим акциями в Петрограде. Это было время переоценки традиционных ценностей, когда христианские идеалы разбились о жестокий прагматизм рациональной реальности. Пытливый ум подростка нашел объяснение происходящему в самообразовании. Значительную долю книг, которую он читал в это время, составила антирелигиозная литература (работы Н. А. Рубакина, С. К. Минина, И. И. Скворцова-Степанова, П. Блахина, И. Моста). Библейским героям духовного мира противопоставили герои-радикалы: «...я уже давно порвал все с небесами, страхнул с себя религию дурман, узнав из книг, что все это — обман»⁶. Утрата религиозных ценностей как духовно-нравственной основы мировоззрения привела подростка к осознанию «лживости» религии: «...я стал неверующим и сочувствующим партии большевиков с июльских дней 1917 года»⁷. Дальнейший радикализм взглядов В. И. Клишко проходил в автобоевом отряде Петросовета, где юноша возглавил комсомольскую ячейку. В 1920 году он был направлен на комсомольскую работу в Карелию. Анализ документального материала позволяет признать, что наиболее значительной сферой личных достижений В. И. Клишко считал свои заслуги в антирелигиозной сфере⁸. За 35 лет им была организована сеть учебы «безбожного

актива» Карелии, проведены сотни докладов, бесед, вечеров, дискуссий, направленных на борьбу с «церковниками», написаны брошюры и множество статей антирелигиозного содержания. В. И. Клишко подчеркивал, что ему принадлежит лидерство в республиканской организации «Союз воинствующих безбожников», руководителем которой он являлся. Предметом особой гордости коммуниста стала организация и проведение антирелигиозных кампаний: по вскрытию мощей Елисея Сумского, по закрытию церквей, по прекращению колокольного звона и передаче колоколов в фонд индустриализации страны. Как лидер «безбожного актива» Карелии, он принимал непосредственное участие в сносе Святодуховского кафедрального собора, руководил снятием его колоколов и лично сбросил крест с купола [7: 75]. К 1940 году заслуги Клишко в антирелигиозной работе были отмечены на всероссийском уровне грамотой и знаком «Активист Союза Воинствующих Безбожников»⁹. Общественное признание укрепило его в значимости подобной деятельности, а созданная «ситуация успеха» стала фактором высокой самооценки при акцентуации собственной личности. Можно предположить, что В. И. Клишко относился к «застревающему» типу личности [8]. Это могло проявляться в повторяющихся ситуациях («церковники — враги советской власти»), так как человек с подобным типом акцентуации постоянно пытается свести счеты с «противником», особенно тем, которым был обманут. Не случайно роль «борца за справедливость» была присуща В. И. Клишко вплоть до конца жизни. Ситуация успеха в этой борьбе, осознание личных заслуг и общественного признания сопровождаются у таких людей желанием повторения успеха, к которому личность настойчиво идет. Для понимания специфики деятельности В. И. Клишко в должности уполномоченного это чрезвычайно важно, поскольку объясняет психологическую основу его характера. В. И. Клишко был идейным противником религии, искренним выразителем идей «социальной инженерии», которая избавит общество от суеверия и религиозных предрассудков. Его искренняя убежденность в социализм и науку была сродни религиозной вере, а обожествление прогресса давало полную уверенность в героическом продвижении к преобразованному будущему миру [21: 62]. Личные качества В. И. Клишко (работоспособность, инициативность, целеустремленность, идейность, эрудированность и честность) были залогом его эффективной работы как управленца.

При кажущейся простоте должностных обязанностей на уполномоченного возлагались достаточно сложные и многофункциональные задачи. Прежде всего эта должность требовала четкого владения навыком работы с информацией (устной и письменной). Ее надо было собрать,

систематизировать, проанализировать и презентовать в виде отчетов, справок, заключений. Это предполагало обширное и трудоемкое делопроизводство текущего и перспективного характера. Необходимость мобильной ориентации в религиозной ситуации не исключала командировок в районы республики, частного общения с людьми и координации межведомственной деятельности. Таким образом, на уполномоченного возлагался комплекс функций учета, контроля, наблюдения, анализа и разъяснения. Нельзя не отметить специфичности статуса уполномоченных. Эти чиновники являлись представителями центрального ведомства, но работали при исполкомах местных Советов. Это обстоятельство объясняет сложность процесса инкорпорации уполномоченных в партийно-советскую вертикаль региональной власти. Руководство СДРПЦ не имело влияния на назначение уполномоченных, поскольку кадровый состав назначенцев формировался региональными комитетами партии, а финансирование структуры производилось из местного бюджета [6]. В русле усиления атеистической пропаганды СНК КФССР достаточно быстро определился с новой кандидатурой уполномоченного и согласовал ее с партийным руководством республики. Назначение В. И. Клишко на должность уполномоченного было определено спецификой государственной политики по отношению к православию в начале 1950 года, комплексом антирелигиозных задач в приграничном регионе и большим опытом практической деятельности назначенца в сфере борьбы с религией. Однако у В. И. Клишко отсутствовали такие качества, как гибкость, тактичность, толерантность, терпимость, что могло негативно сказаться на реализации посреднических функций уполномоченного в диалоге с верующими и представителями власти. Инструктивные требования к уполномоченным «наладить правильные взаимоотношения с церковным руководством, с духовенством и всеми верующими»¹⁰ В. И. Клишко интерпретировал по-своему. Как воинствующий атеист, он опирался на правовую базу законодательных актов 1918 и 1929 годов¹¹, а как журналист – на стратегические установки газеты «Правда» об усилении естественно-научной и антирелигиозной агитации¹². Открытие молитвенных зданий и возобновление церковной жизни на территории КФССР в 1944–1949 годах было расценено им как факт «недопустимой беспечности по отношению к церковникам со стороны уполномоченных». В этом плане показательна беседа, состоявшаяся между бывшим уполномоченным А. М. Демидовым, Управляющим делами Совета Министров КФССР И. М. Петровым и вступающим в должность В. И. Клишко. Тщательно подготовившись к встрече, В. И. Клишко задал А. М. Демидову 29 вопросов. Сам стиль разговора больше на-

поминал допрос («что сделано», «почему нет», «кто разрешил», «почему не проводились»)¹³. По итогам разговора В. И. Клишко негативно оценил работу А. М. Демидова: «Такой уполномоченный был для церковников своим человеком»¹⁴. Но, как талантливый управленец, В. И. Клишко не только констатировал «ошибки» предшественников. Он учитывал опыт, накопленный уполномоченными, для реализации государственных задач во взаимоотношениях с РПЦ. Умение четко планировать свою работу позволило В. И. Клишко составить программу противодействий «оживлению церковников» в Карелии¹⁵. Анализ программы свидетельствует, что в первые недели по вступлении в должность он тщательно изучал фонд дел, накопленных уполномоченными с 1943 по 1950 год. Прежде всего это касалось нормативно-правовой основы собственного статуса и положения РПЦ в Советском Союзе. Составив аналитический обзор распространения религиозности в Карелии, В. И. Клишко проинформировал региональные власти и СДРПЦ об «усилении активности церковников» в регионе.

Как свидетельствуют документы, приоритетным направлением работы В. И. Клишко был поиск законных путей к передаче молитвенных зданий под объекты социально-культурного назначения. Исходя из собственного опыта антирелигиозной работы в 1920–1930-х годах, он знал, что подобные меры приведут к парализации церковной жизни в местах локального проживания верующих. Для реализации данной стратегии В. И. Клишко использовал несколько форм воздействия: на священнослужителей – на церковный актив – на местные исполкомы. Так, например, он обязал все райисполкомы и горисполкомы республики составить списки бездействующих церквей с последующей подготовкой ходатайств исполнительных органов местной власти «о передаче пустующих зданий под культурные и другие цели». Апробация подобного опыта была проведена В. И. Клишко на примере молитвенных зданий Олонецкого района (деревни Тукса, Мегрега, Коткозеро, Вагвозеро, Кукшегора, Верховье, Юргелица). Этому предшествовала тщательная информационно-аналитическая подготовка уполномоченного, его командировка в Олонецкий район, использование административного ресурса и отклонение ходатайств верующих об открытии храмов¹⁶. Следующей территорией, где уполномоченный предполагал повторение подобной акции, был Пряжинский район. По отношению к действующим церквям уполномоченный апробировал иную практику. В случае отсутствия священника при церкви год и более (нормы действующего законодательства) он инициировал закрытие храма с последующей передачей здания под нужды культурного строительства. Так произошло с церковью села Паданы. Несмотря на информированность В. И. Клишко

о назначении в мае 1950 года нового священника в местную церковь, уполномоченный не стал дожидаться его приезда из Ленинграда, а приступил к закрытию храма 5 июня 1950 года¹⁷. Действующий собор города Олонца усилиями В. И. Клишко снова стал Домом пионеров, что, с точки зрения уполномоченного, было особенно важным ввиду близости зданий школы и церкви. Изыскивая новые поводы к закрытию храмов, он начал крупномасштабную акцию по ревизии «культового инвентаря» действующих церквей. Им были составлены описи, проведены ревизии и предметная оценка с обнаружением вопиющих фактов сокрытия «государственного имущества, переданного в пользование церковным общинам». Можно предположить, что ненадлежащее техническое состояние действующих церквей (отсутствие ремонта и «несгораемых шкафов») могло использоваться В. И. Клишко как повод к будущему закрытию храма. Кроме того, перспективным направлением к уничтожению недействующих молитвенных зданий уполномоченный видел их «слом ввиду ветхости», в чем просил СДРПЦ оказать всяческое содействие¹⁸. Осуществляя саморефлексию, В. И. Клишко был удовлетворен первыми итогами работы в должности. За полгода деятельности он добился передачи под «культурные учреждения» трех действующих и семи бездействующих храмов, произвел учет, оценку и передачу «церковного инвентаря всех действующих церквей во временное пользование общин»¹⁹.

Авторитарность методов, применяемых В. И. Клишко в работе, отсутствие желания к конструктивному диалогу с «церковниками» отчетливо проявились в «беседах» уполномоченного с епархиальным благочинным П. Д. Серегиным. За апрель – июнь 1950 года между ними состоялось семь встреч по вопросам церковной жизни в КФССР. Назвать продуктивными эти «беседы» вряд ли возможно. Их формат сопровождался авторитарной стилистикой переговоров со стороны уполномоченного: «уточнил», «узнал», «сообщил», «предупредил», «потребовал», «обратил внимание», «поручил». Речь шла о регистрационных справках духовенства, договорах и описях культового имущества, ревизиях храмов, составе «двадцаток», ходатайствах верующих об открытии церквей, покупке дома для епархиального управления, оказании содействия в приобретении через Госплан кирпичей на ремонт храмов. Подводя итог встреч, уполномоченный удовлетворенно констатировал, что из пятидесяти двух вопросов дал благочинному удовлетворительные ответы на четыре вопроса²⁰. Специфическим направлением деятельности уполномоченного была информационная война с религией. Используя многолетний опыт работы в СМИ и руководство «Союзом воинствующих

безбожников» Карелии, он, по сути, применял *negative campaigning*, создавая отрицательный образ Церкви в восприятии власти и рядовых граждан. Программа В. И. Клишко «Как бороться против антисоветских вылазок церковников и нарушений правил отделения церкви от государства» включала 40 ключевых мер. Среди акций пропагандистского характера – типичные меры эпохи «воинствующего безбожия»: лекции и доклады антирелигиозного содержания, консолидация усилий власти, СМИ и общественных организаций по усилению естественно-научной работы среди населения. «В наше время, когда все пути ведут к коммунизму, нельзя примиренчески относиться к религии и религиозным пережиткам»²¹. Как свидетельствуют документы, целью В. И. Клишко было не только компрометировать священнослужителей и церковный актив республики, но добиться уголовного наказания за «антисоветскую деятельность церковников» по статьям 123–126 и 169²². Особое возмущение уполномоченного вызвали «враждебные вылазки церковников против коммунистов, включая членов ЦК КП(б) КФССР», выразившиеся в факте крещения детей ответственных работников без согласия родителей:

«Бабушки, тещи, старые няни... насильно навязывают свои религиозные взгляды, подрывают авторитет родителей, вынуждают партийные организации применять к этим коммунистам строгие партийные взыскания, а иногда и отстранять их от работы»²³.

Собранные материалы В. И. Клишко направил второму секретарю ЦК ВКП(б) КФССР Ю. В. Андропову с просьбой передать «материал» в ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР «для принятия соответствующих мер». Попутно уполномоченный отметил «примиренческое» отношение прокуратуры КФССР к подобным действиям «церковников», крупные недостатки в атеистической работе, благодушие, примиренчество, безответственность и зажим критики со стороны местных властей.

Ратую за всемерное соблюдение законности, В. И. Клишко фактически не имел законного основания к выполнению должностных функций уполномоченного уже через месяц после назначения. Документы свидетельствуют, что распоряжением Совета Министров СССР от 26.03.1950 № 4068-р должность уполномоченного по КФССР была сокращена «ввиду незначительного объема работы»²⁴. 4 апреля 1950 года председатель СДРПЦ Г. Г. Карпов проинформировал председателя Совета Министров КФССР П. С. Прокконена об этом решении. Однако двойственность статуса подчиненного уполномоченного позволила В. И. Клишко продолжить работу, затягивая процесс передачи и уничтожения дел вплоть до осени 1950 года. В этот период с подачи В. И. Клишко Совет Министров КФССР ходатайствовал перед СДРПЦ о сохранении

должности уполномоченного, «хотя бы по совместительству» ввиду того, что

«ликвидация должности... усилит активность церковников Республики, направленную на расширение сети действующих церквей, на усиление религиозной пропаганды среди трудящихся нашей пограничной республики»²⁵.

Должность уполномоченного по КФССР удалось сохранить в статусе совместительства с управлением делами Совета Министров КФССР, но не в лице В. И. Клишко. Он был назначен заведующим информационно-статистическим отделом Президиума Верховного Совета КФССР, продолжая бороться с «церковниками» посредством трибуны Петрозаводского горкома ВКП(б). Участвуя в прениях, он открыто критиковал чиновников за «стремление к портфелям», «подхалимство перед начальством», «зажим критики», «персональные дачи и машины». Но главной темой его выступлений по-прежнему была борьба с религией.

«Выход» В. И. Клишко из управленческой системы последовал в мае 1954 года. Хотя объективно этому способствовало обострение туберкулеза, но бывший уполномоченный считал себя жертвой «расправы с критикой». Через «газетную деятельность» персональный пенсионер пытался компенсировать личную неустраиваемость в обществе. В отдел писем газет «Правда» и «Ленинское знамя» он пишет письма с критикой и предложениями по изменению конструкции радиоприемника, по изданию книг, по репертуару граммофонных пластинок, по содержанию футбольных репортажей и текста гимна СССР²⁶. При этом В. И. Клишко обладал удивительной интуицией, определяя усиление партийно-государственного курса в сторону религиозной нетерпимости. Весной 1957 года В. И. Клишко умер, а через год бюро Карельского обкома партии приняло постановление «О состоянии и мерах по усилению антирелигиозной пропаганды в республике», фактически провозгласив курс на то, к чему призывал уполномоченный еще в 1950 году. В этих условиях опыт В. И. Клишко как уполномоченного и пропагандиста-антирелигиозника оказался очень востребованным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если следовать требованиям, предъявляемым к «подбору работников» эпохи сталинизма, то В. И. Клишко был идеальным функционером

в области церковно-государственных отношений, поскольку умел «осуществлять директивы», «понять их», «принять, как свои родные» и «приводить их в жизнь»²⁷. Другое дело, что понятие «правильная политическая линия» по отношению к Церкви на рубеже 1940–1950-х годов варьировалось. Отсутствие последовательности курса сдвигало акцентные границы от арбитражных к откровенно карательным приоритетам и было предметом межведомственного рассогласования. Исходя из личностных акцентуаций, многолетнего опыта антирелигиозной деятельности, В. И. Клишко был убежденным сторонником мер репрессивного характера, апробированных им в практике «воинствующего безбожия» периода 1920–1930-х годов. Назначение В. И. Клишко уполномоченным СДРПЦ было не случайным, а закономерным фактором социального происхождения, идейно-политического уровня и вектором карьерной траектории. Его деятельность как уполномоченного была валидна, то есть коррелировалась рамками законодательной базы церковно-государственных отношений того времени. Однако по отношению к религии В. И. Клишко был не столько чиновник, сколько идейный борец, отстаивающий идеалы социалистического государства в борьбе с врагом советской власти, в котором не должно быть места «религиозным предрассудкам». Ценностно-мировоззренческие ориентации личности В. И. Клишко не расходились с практикой его профессиональной деятельности, что предопределило качественную устойчивость его работы в качестве уполномоченного. При отсутствии диалога с объектами церковно-государственных отношений, административно-командный стиль работы В. И. Клишко, его личностные качества как управленца позволили всего за полгода добиться передачи под светские учреждения трех действующих и семи бездействующих храмов, а также выработать комплекс антирелигиозных мер перспективного характера. Существенным препятствием к карьерному росту функционера был, на наш взгляд, низкий образовательный уровень (семилетка), застревающий тип акцентуаций, отсутствие устойчивых корпоративных коммуникаций и плохое физическое здоровье В. И. Клишко. Должностные обязанности уполномоченного, возложенные на него, он воспринимал как ответственное задание партии и правительства в деле антирелигиозной борьбы, реализуя его в концепте «воинствующего безбожия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. 136 л.

² НА РК. Ф. Р-310. Оп. 2, Д. 1/1. Л. 6.

³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. Л. 1–1 об.

⁴ Клишко В. И. Бог, попы и комсомол. Петрозаводск, 1923. С. 5.

⁵ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1, Д. 1/1. Л. 2–6.

⁶ Клишко В. И. Бог, попы и комсомол. С. 12.

- ⁷ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 18.
- ⁸ Там же. Л. 132–135.
- ⁹ Безбожник. 1940 (11 мая). № 14 (713). С. 3.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6991. О. 1. Д. 7. Л. 91–92.
- ¹¹ Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях».
- ¹² «Широко использовать антирелигиозную пропаганду» // Правда. 1948, 29 июня. С. 3.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 43.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 54.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 58–59.
- ¹⁶ Там же. Л. 54.
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 48; Д. 3/37. Л. 28–29.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 58–59.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 132–135.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-310. Оп. 1. Д. 2/18. Л. 32.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 25–26, 79–81.
- ²² Уголовный кодекс РСФСР / Ред. 05.03.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- ²³ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/21. Л. 27.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 56.
- ²⁵ Там же. Л. 58–59.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 3/18. Л. 2–35.
- ²⁷ Сталин И. В. Организационные отчеты Центрального Комитета РКП(б) // Сочинения. Т. 5. М., 1953. С. 210.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров Р. О. Документы Канцелярии уполномоченного по делам Русской православной церкви при Совете министров КФССР как источник по истории православия в Карелии на заключительном этапе Великой Отечественной войны // 1917–2017 годы: уроки столетия для Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2018. С. 173–180.
2. Басова Н. А. Православные приходы в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия // Олонецкая епархия: страницы истории / [Сост. Н. А. Басова и др.]. Петрозаводск, 2001. С. 41–46.
3. Бутвило А. И. Внутривнутриполитические предпосылки упразднения Карело-Финской ССР в 1956 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7 (160). Т. 2. С. 16–23.
4. Вавулинская Л. И. Православная церковь в Карелии в 1950–1960-е гг. // Православие в Карелии: Материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 775-летию крещения карелов / Отв. ред. В. М. Пивов. Петрозаводск, 2003. С. 447–452.
5. Васильев Ю. А. Политическая элита Карело-Финской ССР в период позднего сталинизма // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 7–14.
6. Гераськин Ю. В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–4. С. 45–51.
7. Дианова Е. В. Домашние архивы жителей Петрозаводска (на примере семьи Клишко) // Роль архивов в воспитании патриотизма: материалы науч.-практ. конф. Петрозаводск: НАРК, 2008. С. 69–76.
8. Леонгард К. Акцентированные личности / Пер. с нем. В. М. Лещинской. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 544 с.
9. Макеев В. В., Шпак В. Ю. Философско-правовой анализ личностно-психологических составляющих карьерного роста // Философия права. 2000. № 1. С. 66–72.
10. Митрохин Н. А. Болезнь под названием «фонд уполномоченного» или несколько страниц об актуальных проблемах изучения религиозности в СССР // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 505–511.
11. Молодов О. Б. Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на Русском Севере (1960–1980 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2015. Вып. 1. С. 242–247.
12. Подмарицын А. Г. М. Кошман – уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР по Ульяновской области (документальный портрет чиновника хрущевской эпохи) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2015. Т. 9. № 1. С. 111–116.
13. Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961. М.: АИРО–XX, 1999. 248 с.
14. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М.: Крутицкое подворье, 1999. 400 с.
15. Юмашева Ю. Ю. Архивы, просопография и «право быть забытым» // Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв. Проблемы выявления, хранения, изучения, публикации: Сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. конф. Тверь: СФК–офис, 2014. С. 60–69.
16. Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth about History. New York, 1994. P. 201–220.
17. Kavolis V. History of Consciousness and Civilizational // Comparative Civilizations Review. 1987. No 17. P. 1–19.
18. Levi G. On Microhistory. New Perspectives on Historical Writing. (Peter Burke, Ed. by). University Park (Penn.), 1992. P. 93–112.
19. Maslow A. H. A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*. 1943. No 50. P. 370–396.
20. Merton R. K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York: Free Press, 1957. P. 195–206.
21. Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven: Yale University Press, 1998. 461 p.

Поступила в редакцию 26.04.2019

Irina N. Ruzhinskaya, PhD in History, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rin@petrsu.ru

VICTOR KLISHKO AS THE COMMISSIONER OF THE COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AFFAIRS: PROSOPOGRAPHIC ASPECT

The article discusses the activities of Viktor Ivanovich Klishko as the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs in Karelia in 1950. The research documents are represented by unpublished sources of the National Archive of the Republic of Karelia. V. I. Klishko's personal archive file, stored in the National Archive, is a particularly valuable source of information. The research methodology is a set of approaches – a combination of prosopographic, historical, psychological, and qualitative approaches in the context of modal biography. This approach enables to minimize the research subjectivism in assessing the ideological and behavioral dominants of the Council's commissioner as an actor in history. It was established that the appointment of Victor Klishko to the post of the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs was facilitated by a set of factors: the vector of the Church-state policy at the central and regional levels, as well as Victor Klishko's professional and managerial experience. The author concludes that as the commissioner Victor Klishko achieved significant results in transferring churches to state control according to the cultural and social needs of the population of Karelia during his six months in office. A clear strategy of Victor Klishko's management activities enabled to expand the scope of activities of the commissioner in the field of negative campaigning. Following his personal highlights and accents, as well as many years of anti-religious experience, the commissioner supported repressive measures against the Church. These measures were tested by Klishko in practicing "militant atheism" during the 1920s and the 1930s. Victor Klishko's transfer from the commissioner's post was the result of the opposition between the Council for the Russian Orthodox Church Affairs and the Department for Agitation and Propaganda of the Central Committee of the Communist Party, as well as the lack of corporate communication and polylogue with the objects of Church-state relations.

Keywords: authorized representative, Council for the Russian Orthodox Church Affairs, Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic, prosopography, official, personality accentuation

Cite this article as: Ruzhinskaya I. N. Victor Klishko as the commissioner of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs: prosopographic aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 85–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.417

REFERENCES

- Alexandrov R. O. Records of the Office of the Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs at the Council of Ministers of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic as a source on the history of Orthodoxy in Karelia at the final stage of the Great Patriotic War. 1917–2017: *lessons of the century for the Republic of Karelia: Proceedings of the research conference*. Petrozavodsk, 2018. P. 173–180. (In Russ.)
- Basova N. A. Orthodox parishes during the Great Patriotic War and the first postwar decade. Olonets Diocese: pages of history. (N. A. Basova et al., Comp.). Petrozavodsk, 2001. P. 41–46. (In Russ.)
- Butvilo A. I. Internal political factors of Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic abolishing in 1956. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7 (160). Vol. 2. P. 16–23. (In Russ.)
- Vavulinskaja L. I. The Orthodox Church in Karelia in the 1950s and the 1960s. *Orthodoxy in Karelia: Proceedings of the II International Research Conference Commemorating the 775th Anniversary of Christianization of Karelia*. (V. M. Pivoev, Ed.). Petrozavodsk, 2003. P. 447–452. (In Russ.)
- Vasiliev Yu. A. Political elite of the Karelo-Finnish SSR in the period of late Stalinism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 5 (166). P. 7–14. (In Russ.)
- Geraskin Yu. V. The emergence and formation of the institute of the commissioners of the Council for the Russian Orthodox Church Affairs under the USSR Council of Ministers. *Izvestiya of Altai State University Journal*. 2008. No 4–4. P. 45–51. (In Russ.)
- Dianova E. V. Home archives of Petrozavodsk residents (the case of the Klishko family). *The role of archives in patriotic education: Proceedings of the research and practice conference*. Petrozavodsk, 2008. P. 69–76. (In Russ.)
- Leongard K. Accentuated personalities. Rostov-on-Don, 2000. 544 p. (In Russ.)
- Makeev V. V., Shpak V. Yu. Philosophical and legal analysis of personal and psychological components of career growth. *Philosophy of Law*. 2000. No 1. P. 66–72. (In Russ.)
- Mitrokhin N. A. The illness of the "fund of the commissioner": reflections on the actual problems of the research in the field of religiosity in the USSR. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2012. Vol. 30. No 3–4. P. 505–511. (In Russ.)
- Molodov O. B. Commissioners of the Council for Religious Affairs and realization of the state religious policy in the Russian North, the 1960s – the 1980s. *Perm University Herald. History*. 2015. Issue 1. P. 242–247. (In Russ.)
- Podmaritsyn A. G. M. Koshman – the commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs at the USSR Council of Ministers in the Ulyanovsk region (documentary portrait of an official of the Khrushchev era). *Contemporary Issues of Humanitarian and Socio-Economic Sciences*. 2015. Vol. 9. No 1. P. 111–116. (In Russ.)
- Chumachenko T. A. State, Orthodox Church, believers. 1941–1961. Moscow, 1999. 248 p. (In Russ.)
- Shkarovsky M. V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (Church-state relations in the USSR in 1939–1964). Moscow, 1999. 400 p. (In Russ.)
- Yumasheva Yu. Yu. Archives, prosopography and "the right to be forgotten". *Ego-documentary heritage of the Russian province between the XVIII and the XXI centuries. Problems of identification, storage, study, and publication: Proceedings of the international research conference*. Tver, 2014. P. 60–69. (In Russ.)
- Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the truth about history. New York, 1994. P. 201–220.
- Kavolis V. History of consciousness and civilizational analysis. *Comparative Civilizations Review*. 1987. No 17. P. 1–19.
- Levi G. On microhistory. New perspectives on historical writing. (Peter Burke, Ed.). University Park (Penn.), 1992. P. 93–112.
- Maslow A. H. A theory of human motivation. *Psychological Review*. 1943. No 50. P. 370–396.
- Merton R. K. Bureaucratic structure and personality. *Merton R. K. Social theory and social structure*. New York, 1957. P. 195–206.
- Scott James C. Seeing like a state. How certain schemes to improve the human condition have failed. London, New Haven, 1998. 461 p.

Received: 26 April, 2019

АЛЕКСАНДРА ВЯЧЕСЛАВОВНА ЧЕБАКОВСКАЯ
младший научный сотрудник сектора истории Института
языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
chebakovskaja@yandex.ru

РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯМИ В КАРЕЛИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД*

Впервые на основе разнообразных источников раскрывается проблема преступности несовершеннолетних в Карелии в 1918–1935 годах и анализируются меры противодействия этому явлению со стороны государства. Актуальность темы заключается в изучении и критическом осмыслении опыта, накопленного в предыдущие периоды, что представляет интерес в вопросах усовершенствования современных методов работы с детьми-правонарушителями при сохранении высокого уровня преступности несовершеннолетних на данном этапе. Центральное место в статье отведено изучению деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Показаны изменения возрастного порога привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, виды совершаемых ими правонарушений, охарактеризована сеть учреждений в Карелии для данной категории детей. Выявлены меры по отношению к малолетним правонарушителям со стороны комиссий по делам несовершеннолетних. Успешность ее деятельности могла быть осуществима только при правильной постановке работы с малолетними правонарушителями и при наличии достаточного количества учреждений в ее распоряжении. Установлено, что в Карелии по отношению к несовершеннолетним правонарушителям применялись практически все законодательно разрешенные действия, кроме мер медицинского характера, что связано с отсутствием специализированных учреждений для этих целей. Показано нарастание репрессивной составляющей в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями, что не соответствовало декларируемой государством заботе о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей.

Ключевые слова: охрана детства, правонарушения несовершеннолетних, комиссия по делам несовершеннолетних, меры «медико-педагогического» характера, Карелия

Для цитирования: Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418

ВВЕДЕНИЕ

Изучение преступности несовершеннолетних в историческом развитии России вызывает интерес многих представителей науки, что объясняется актуальностью этой социальной проблемы в современном мире. Изучение и критическое осмысление опыта, накопленного в предыдущие периоды, может быть полезно для усовершенствования современных методов работы с несовершеннолетними правонарушителями. Именно 1918–1935 годы в истории страны являются временем, когда преступность несовершеннолетних была распространена в каждом регионе, и государство пыталось выработать и применять новые меры борьбы с ней.

Первые исследования детской преступности в советский период появились в трудах правоведов, педагогов и специалистов по социальной работе, обратившихся к данной теме уже в 1920-е годы. В. И. Куфаев¹ отмечал необходимость социальной помощи несовершеннолетним преступникам в виде материальной и моральной

поддержки, путем поиска полезной деятельности и обеспечения работой. Л. М. Василевский², Е. С. Лившиц³, П. И. Люблинский⁴, М. И. Маро⁵ показали связь детской безнадзорности с ростом преступности. Педагоги-новаторы А. С. Макаренко, Л. С. Выготский, В. Н. Сорока-Росинский и С. Т. Шацкий обобщили опыт воспитательной работы с детьми-правонарушителями.

Вопросы преступности несовершеннолетних и меры борьбы с ней рассматривались в советской историографии под различным углом зрения [1], [5], [11], [20]. Исследователи обращали внимание на трудности, с которыми столкнулась власть в борьбе с преступностью детей, описывали развитие детских учреждений для малолетних правонарушителей, определяли изменения государственной политики по отношению к ним.

В историографии постсоветского периода заметно постепенное смещение исследовательского интереса в сторону комплексного анализа политики Советского государства и практической педагогической работы с малолетними правонарушителями [4], [7], [10], [12], [16], [19]. В ис-

следовании Н. А. Рябиной [14] рассмотрены вопросы, связанные с ликвидацией детской беспризорности и преступности в 1920-е годы по материалам губерний Верхнего Поволжья. Автор отмечает, что усилия государства позволили значительно снизить уровень детской беспризорности к 1928 году в отличие от преступности, которая сохранилась на высоком уровне. А. А. Славко рассматривает процесс функционирования трудовых домов и трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1920–1950-е годы [17], [18]. Автор выделил несколько этапов структурных преобразований этих учреждений.

Некоторые исследователи особое внимание уделили вопросам ювенальной политики и развития законодательства в части уголовной ответственности несовершеннолетних в 1920–1930-е годы [13], [15], [21]. В статьях представлен анализ правовых документов, касающихся борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних: рассмотрены положительные и отрицательные стороны, а также представлена советская правовая система защиты детей и подростков в целом. Преступность детей углубленно изучается и на уровне отдельных регионов [3], [6], [22].

Целью данной статьи является выявление мер борьбы с преступностью несовершеннолетних в Карелии в 1918–1935 годах. Территориальные границы Карелии менялись в течение всего исследуемого периода. В статье они охватывают территорию Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (АКССР).

ПОНЯТИЕ «НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ»

На протяжении исследуемого периода в практике работы с малолетними правонарушителями использовались разные определения этой категории детей: «дети с девиантным поведением», «трудновоспитуемые дети», «несовершеннолетние, обвиняемые в общественно опасных действиях». В начале 1920-х годов понятие «несовершеннолетний преступник» заменили на «несовершеннолетний правонарушитель». Смягчение терминологии подчеркивало смещение акцента на воспитательное начало в работе с детьми, привлекало внимание не только к содержанию, но и к личности подростка [2: 64].

Возраст привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности варьировался на протяжении 1918–1935 годов: 1918 год – 17 лет, 1920 – 18 лет, 1922 – 16 лет, 1926 – 14 лет, 1929 – 16 лет, 1935 год – 12 лет⁶. Данные изменения были связаны, с одной стороны, с началом деятельности комиссии по делам несовершеннолетних (1918 год), с другой – с внесением поправок в содержание Уголовного кодекса РСФСР. В уголовном законодательстве исследуемого периода не только понижался или повышался возраст на-

ступления уголовной ответственности несовершеннолетних, но и менялись меры наказаний по отношению к детям-правонарушителям. Также подчеркивалась необходимость использования предупредительного характера уголовных законов в отношении несовершеннолетних [5: 15].

СТАТИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КАРЕЛИИ

Сведения о количестве преступлений, совершенных детьми в Карелии, разобщены; статистика 1920-х годов страдает неполнотой в связи с процессом становления системы учета, изменениями методики подсчетов (что создает трудности в сравнении данных), передачей функций из одних учреждений в другие и т. д. Тем не менее общую тенденцию можно проследить по отчетам комиссий по делам несовершеннолетних и сведениям уголовной статистики. Так, в 1919 году в Карелии были зарегистрированы около «80 детей с девиантным поведением»⁷, к которым относили прежде всего малолетних правонарушителей. Согласно отчетам комиссии, в 1922 году в городе Петрозаводске несовершеннолетними были совершены 102 правонарушения, в 1923 году – 53, в 1924 году – 122⁸. Колебание показателей объясняется комплексом факторов, влиявших на уровень преступности и ее учет. Резкое понижение детской преступности в 1923 году связано с тем, что из ведения комиссии были изъяты дела о несовершеннолетних 16–18 лет. Повышение же числа правонарушений в 1924 году было вызвано разрешением свободной торговли спиртными напитками⁹. За 1920 год Олонецкая губернская комиссия по делам несовершеннолетних рассмотрела 84 дела о 155 правонарушителях¹⁰, за 1924 год – 246 дел о 410 правонарушителях¹¹.

По данным уголовной статистики (табл. 1), количество несовершеннолетних, осужденных за преступления, в исследуемый период в Карелии было невысоким. Это связано с тем, что большинство дел об общественно опасных деяниях детей рассматривалось комиссиями по делам несовершеннолетних, а их данные не учитывались уголовной статистикой. Процентное соотношение числа детей, привлеченных к уголовной ответственности за различные преступления, с общим количеством осужденных в Карелии с 1924 год по 1928 год выглядит следующим образом: 1924 год – 3 %, 1925 – 3,6 %, 1926 – 2,3 %, 1927 – 1,9 %, 1928 год – 1,9 %. В имеющейся статистике детской преступности наибольший интерес представляют виды преступлений (см. табл. 1). Как видно из таблицы, преступления «против порядка управления» (в основном хулиганство) и имущественные преступления (главным образом воровство) являлись самыми характерными для детей. В 1924–1925 годах единичные привлечения несовершеннолетних к уголовной

Таблица 1

Сведения о количестве несовершеннолетних, осужденных за различные преступления, в Карелии с 1924 по 1928 год (человек)*

Table 1. Information about the number of juvenile offenders who were convicted of a felony in Karelia from 1924 till 1928*

Виды преступлений несовершеннолетних	1924	1925	1926	1927	1928
«Государственные преступления»	1	1	–	–	–
«Преступления против порядка управления»	30	13	19	29	39
Из них:					
<i>Сопротивление и неисполнение законных требований власти и оскорбление представителей власти</i>			1		
<i>Приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков</i>			1		
<i>Нарушение правил охраны народного здоровья, публичного порядка и общественной безопасности</i>			3	1	
<i>Хулиганство</i>			14	15	
<i>Уклонение от воинской повинности</i>				1	
<i>Нарушение правил охраны лесов, об охоте, рыбной ловле</i>				1	
<i>Самоуправство</i>				1	
<i>Ложный донос и лжесвидетельство</i>				1	
<i>Другие преступления против порядка управления</i>				5	
«Преступления против личности»	3	15	10	6	16
Из них:					
<i>Убийство</i>			1	1	
<i>Телесные повреждения, насилие над личностью</i>			4	3	
<i>Половые преступления</i>			3	1	
<i>Оскорбление и клевета</i>			1	1	
<i>Другие преступления против личности</i>			1		
«Имущественные преступления»	25	25	24	11	19
Из них:					
<i>Кража и скупка краденого</i>			23	9	
<i>Присвоение, растрата, мошенничество и подлог</i>			1	2	
«Служебные преступления»	–	1	–	–	–
ВСЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЙ	59	55	53	46	74

Примечание. * Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Выпуск III. 1928. Издание Статистического управления, 1929. С. 58–60; Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Выпуск IV. 1929. Издание Статистического управления, 1931. С. 50–51.

ответственности были связаны с совершением «государственных»¹² и «служебных»¹³ преступлений. В статистических данных за 1926–1927 годы приводится расшифровка конкретных видов преступлений детей. Главные позиции занимали «хулиганство», «телесные повреждения и насилие над личностью», «кража и скупка краденого».

В основном данные общественно опасные деяния совершались подростками в возрасте 16–17 лет; единичные преступления, связанные с имуществом или направленные «против порядка управления», – 14–15-летними правонарушителями. Через комиссию по делам несовершеннолетних чаще всего проходили школьники 8–16 лет, а иногда и дошкольники. Документы комиссии позволяют выявить характерные для различных возрастных групп детей преступления. Напри-

мер, за поджоги привлекались дети в возрасте 8–11 лет, но среди задержанных были и поджигатели 4–6 лет. Так, в Карелии в 1921 году комиссия прекратила дело по обвинению 4-летнего ребенка в поджоге «ввиду его неосознанности»¹⁴.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Малолетний, совершивший общественно опасное деяние, оказывался под контролем комиссии по делам несовершеннолетних, которая выносила решение о мерах по отношению к правонарушителю (либо самостоятельно, либо через Народный суд). Комиссия по делам несовершеннолетних правонарушителей в Карелии действовала при отделе Социально-правовой охраны несовершеннолетних Народного комиссариата

просвещения АКССР (Наркомпроса АКССР). Изначально в ее состав входили представители Наркомпроса (председатель), Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава) и Народного суда АКССР, совмещавшие свои обязанности с основной работой, из-за чего заседания комиссии проводились крайне редко. В 1922 году рассмотрение дел малолетних правонарушителей в Карелии осуществляли две комиссии: областная Петрозаводская и уездная Олонецкая¹⁵. Постепенно комиссии были организованы во всех уездах Карелии, но затруднениями в их работе являлись нехватка вспомогательных учреждений, куда должны были помещаться дети-правонарушители, а также отсутствие штатных должностей, ввиду чего сельские местности не обслуживались или обслуживались формально¹⁶. По официальным документам комиссия являлась медико-педагогическим учреждением, однако ее внешние формы работы неизбежно носили характер правоохранительных органов. Комиссия рассматривала или принимала к сведению заявления граждан, протоколы милиции, опросные и статистические листы, постановления отдела уголовного розыска и др. Главной особенностью приговоров комиссий в 1920-х годах являлся принципиально новый подход к несовершеннолетним правонарушителям. При самостоятельном определении решения по отношению к правонарушителю комиссия принимала меры «медико-педагогического» характера, какими являлись:

«Беседа, разъяснение, замечание воспитателя; внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу; отправка на родину; помещение в детский дом или в одну из лечебно-воспитательных колоний и учреждений; помещение в специальные изоляционные отделения психиатрических больниц»¹⁷.

Эти способы воздействия не подразумевались как наказания для детей, они ограждали их от совершения новых общественно опасных действий и имели своей целью «достигнуть улучшения умственного, морального и физического состояния несовершеннолетнего посредством обычных приемов, практикуемых медициной и педагогикой»¹⁸. Все вышеуказанные меры «медико-педагогического» воздействия подразделялись на три группы: меры социальной помощи, меры педагогического и медицинского характера.

В общей статистике меры социальной помощи (опека, отправка на родину, определение на работу) давали весьма «скромный процент воздействия». Большее воздействие на детей-правонарушителей оказывали меры педагогического характера (беседы, разъяснения, внушения, помещение в школу, присмотр родителей или обследователя-воспитателя, помещение в учреждения социального воспитания – детские дома,

в том числе для трудновоспитуемых, колонии и т. д.). На первом месте по частоте применения стояли беседы и внушения: несовершеннолетнему разъясняли «недопустимость, вредность или безнравственность его поступка»¹⁹. К данным действиям на практике приходилось прибегать из-за отсутствия каких-либо других уместных способов педагогического воздействия.

Меры медицинского характера были связаны с определением несовершеннолетних правонарушителей в лечебные заведения. Помимо клинической помощи внимание обращалось и на амбулаторное лечение детей. Эти способы могли быть обеспечены только при условии функционирования поблизости данных учреждений. По статистическим данным за 1921 год, комиссиями страны были приняты следующие меры «медико-педагогического» воздействия²⁰: беседа, разъяснение, внушение – 25 %, присмотр родителей, родственников, опекунов – 14 %, присмотр обследователя-воспитателя – 6 %, помещение в учреждение для «морально-дефективных» – 5 % и др.

В Карелии в отношении несовершеннолетних правонарушителей применялись практически все вышеперечисленные действия «медико-педагогического» характера. Так, в 1925 году в Петрозаводске по приговорам комиссии 32 % всех правонарушителей были отданы под ответственный надзор родителей, 27 % получили внушение, замечание, 20 % оставлены под ответственным надзором детских социальных инспекторов, 12 % отправлено в детский дом для трудновоспитуемых, 3 % – на родину («бродяги»), 3 % определено в школу, 1 % – на работу, 2 % переданы в Народный суд²¹. Как видим, структура принятых способов воздействия на детей-правонарушителей в Карелии была схожа с ситуацией по всей стране. Здесь также преобладающими являлись меры педагогического характера: беседы, замечания, внушения и определение детей под надзор родителей. Даже в случаях серьезных правонарушений комиссия могла ограничиться такими действиями. Например, в 1925 году при рассмотрении дела несовершеннолетнего о подкладке полена на рельсы перед проходом скорого поезда комиссия решила ограничиться на первый раз беседой с правонарушителем²²; в деле малолетнего, обвиняемого в двукратном нелегальном переходе государственной границы, было вынесено постановление о передаче его под ответственный надзор родителей на один год²³, выразившийся в «особом внимании к воспитательным нуждам ребенка и обеспечении контроля над ним через наблюдение»²⁴. Эффективность данной меры могла быть достигнута при возможности наложения штрафа на родителей в случае правонарушения несовершеннолетнего. Данная санкция была введена только в 1935 году, а именно – установлена материальная ответственность родителей и опекунов за озорство, хулиганство

и действия детей, причинивших материальный ущерб [9: 186].

Помещение в детское учреждение социально-го воспитания являлось самой строгой, крайней мерой «медико-педагогического» воздействия из применявшихся комиссиями по делам несовершеннолетних правонарушителей в Карелии. Например, в 1926 году комиссия по Петрозаводскому уезду в деле о несовершеннолетнем, обвиняемом в краже денег, вынесла постановление о помещении его в детский дом для трудновоспитуемых, приняв во внимание, что правонарушения малолетнего выливались в систематическую форму, а педагогические меры не оказывали никакого воздействия²⁵.

В начале 1920-х годов несовершеннолетние правонарушители Карелии определялись в несколько детских учреждений: временно – в приемно-распределительный пункт²⁶ (город Петрозаводск), на продолжительный срок – в Космозерский детский дом для трудновоспитуемых, а также в любой детский дом нормального типа. Единичные случаи разрешения дел комиссией были связаны с отправкой малолетних правонарушителей Карелии в исправительные дома г. Ленинграда, иногда отмечаемые в отчетах комиссии как «дома для дефективных детей»²⁷.

Приемно-распределительный пункт включал в себя два учреждения: приемник для обслуживания города Петрозаводска и распределительно-наблюдательный пункт для всей Карелии. Пункт представлял из себя место скорой социальной помощи и детскую милицию в одном лице, где дети находились временно до выяснения всех обстоятельств дела. В 1923 году учреждение имело возможность поместить до 35 мальчиков и 10 девочек²⁸ и было постоянно переполнено. Для того чтобы через него проходило большее количество беспризорных, нищенствующих детей и малолетних правонарушителей, необходимо было по мере возможности разгружать его. Для этого требовалось открытие новых детских домов для трудновоспитуемых и нормальных детей²⁹. В Космозерский детский дом, открытый в 1923 году и рассчитанный на 40 человек, направлялись правонарушители и дети, «трудные в воспитательном отношении»³⁰, мужского пола от 8 до 18 лет. В учреждении велась воспитательная работа в форме бесед, разъяснений, также прививались трудовые навыки, чтобы обеспечить возможность дальнейшего трудоустройства. В 1927–1928 годах планировалось открыть детский дом для трудновоспитуемых девочек на 40 человек³¹, но это не было реализовано.

Как было отмечено выше, дети-правонарушители отправлялись и в детские дома нормального типа, которых в Карелии к 1925 году насчитывалось 16. Например, в 1925 году в Пудожском детском доме содержалось 6 трудновоспитуемых³², в Кемском детском доме – 3³³.

В 1931 году КарЦИК издал постановление о срочном изъятии из состава существующих детских домов и школ трудновоспитуемых детей и перемещении их в специализированные учреждения³⁴. Нахождение детей-правонарушителей вместе с обычными воспитанниками детских домов отрицательно сказывалось на последних. Как отмечала заведующая Вытегорским детским домом, «эти дети своим поведением оказывали разлагающее влияние на остальных детей»³⁵. В 1931 году Повенецкий детский дом был переименован в трудовую коммуну, а в 1934 году Палеостровский детский дом реорганизован в трудовую колонию. Изменения означали также смену состава воспитанников этих учреждений: теперь в них находились в основном несовершеннолетние правонарушители. Именно эта реорганизация позволила увеличить количество учреждений для детей-правонарушителей (см. табл. 2). К 1935 году в Карелии существовали три детских дома для трудновоспитуемых со 161 воспитанником.

Таблица 2

Количество детских домов для трудновоспитуемых в Карелии в 1917–1935 годах*

Table 2. The number of orphanages for indocile children in Karelia during 1917–1935*

Годы	Детские дома для трудновоспитуемых	Работников	Детей	В т. ч. «националов»**
1916–1917	1	3	17	
1923–1924	1	2	23	
1924–1925	1	5	20	
1925–1926	1	6	37	
1926–1927	1	5	39	
1927–1928	1	4	40	
1928–1929	1	4	39	
1929–1930	1	3	44	
1930–1931	2	11	86	31
1931–1932	2	6	88	32
1932–1933	3	21	119	
1933–1934	3	11	118	65
1935	3	14	161	24

Примечание. * Таблица составлена на основе данных, представленных в следующих источниках: Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. 1932–1933. Петрозаводск: Союзоргучет, 1934. С. 150; Ежегодник. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. 1933–1934. Петрозаводск: Издание Управления Народно-хозяйственного учета Карельской АССР: Союзоргучет, 1936. С. 215. ** Имеются в виду дети нерусских национальностей.

Официально рекомендованные методы воспитания детей разных категорий не отличались в детских домах нормального типа и для трудновоспитуемых. Сотрудники учреждений с трудом справлялись с возложенными на них задачами. Особенно сложно было молодежи, не имевшей опыта работы. В этом отношении показательно письмо выпускников Петрозаводского педагогического техникума, адресованное своим пре-

подавателям. В 1934 году они были определены воспитателями и учителями в Палеостровскую колонию, где, по их высказыванию, столкнулись с «копищем хулиганов»³⁶. Письмо демонстрирует полную беспомощность начинающих воспитателей, следующим образом описывающих «педагогический процесс» в детской колонии:

«Придем в класс и после звонка ожидаем учеников в классе часок-другой, иных за рукав на урок притащим и так ведем уроки с одним или двумя учениками, тогда как в классе по 15–16 человек. А то бывает и хуже. Вот начнем урок с несколькими учениками, а они на уроке начнут картошку печь, тут же едят, пьют, ругаются в три шеи и нас обругивают, а потому мы на уроке так разнервничаемся, что по одному из класса начинаем выводить, да еще как: схватить в свои клещи ученика и лбом двери откроешь и носом о каменную стену стукнешь. В это время они нас не слишком ругают и не трогают. А ведь еще хуже бывает, когда нас всех начинают бить, и бьют кирпичами, палками, железяками и не смотрят, куда попадут – в спину или в голову»³⁷.

Учителя отмечали, что представители Наркомпроса АКССР никаких мер помощи и поддержки им не оказывали, а только указывали на то, что они не умеют воспитывать детей. Воспитатели старались воздействовать на детей рассказами о Гражданской войне, просмотром фильмов: «Это они любят, но если в рассказе обмолвиться неосторожно об их положении, воровстве и хулиганстве, то кирпича не оберешься»³⁸. Нарушение дисциплины, воровство, табакокурение, «тунеядство и все антиобщественные инстинкты»³⁹ выявлялись в детских учреждениях вслед за появлением там малолетних правонарушителей.

Следующий уровень решения вопроса о мерах по отношению к несовершеннолетним правонарушителям был связан с передачей дел в другую инстанцию – Народный суд. К такому способу комиссия обращалась либо в связи с наступлением возраста уголовной ответственности несовершеннолетнего за совершенное преступление, либо в случае признания недостаточными мер «медико-педагогического» воздействия. В 1921 году передача дел в Народный суд занимала около 7 % от общего количества мер в масштабе страны⁴⁰. Данная практика была распространена и в Карелии, но чаще всего дела в Народный суд поступали не от комиссии, а от милиции. По принятому в 1924 году Исправительно-трудовому кодексу РСФСР для несовершеннолетних правонарушителей создавались трудовые дома. Дети помещались сюда с целью обучения квалифицированным видам труда, получения общего и профессионального образования, «создания из них самостоятельных и сознающих свои права и обязанности граждан» [8: 50]. В трудовые дома принимались 14–16-летние подростки, приговоренные судом к лишению свободы или состоящие под следствием. Несовершеннолетние от 16 до 18 лет направлялись в эти учреждения только по решению распределительной комиссии.

С принятием в 1933 году нового Исправительно-трудового кодекса РСФСР [8: 78] началось формирование системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. Для малолетних правонарушителей создавались школы фабрично-заводского ученичества особого типа, задачами которых являлись подготовка «из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства» [8: 78] и передача им знаний, необходимых для активного участия в социалистическом строительстве. В школы направлялись лица от 15 до 18 лет на основании приговоров судов, постановлений комиссий по делам несовершеннолетних и других уполномоченных учреждений. Вне зависимости от срока приговора время обучения не превышало трех лет.

На протяжении 1920-х годов специальных мест заключения для несовершеннолетних правонарушителей в Карелии не было, поэтому они отбывали наказание совместно со взрослыми. Такими учреждениями являлись Исправительный дом в городе Петрозаводске (Исправдом), лагерь и сельскохозяйственная колония при Исправительном доме в Бесовце⁴¹. Так, в 1922 году за убийство во время грабежа был осужден несовершеннолетний, но по причине недееспособности обвиняемого расстрел был заменен «5-летним заключением в строгой изоляции» в Исправдоме⁴². В июне 1935 года в Народном суде города Петрозаводска было рассмотрено дело трех подростков, обвинявшихся в карманной краже (300 рублей). Суд приговорил каждого к лишению свободы сроком на один год⁴³. Дело о малолетних ворах-рецидивистах, которые неоднократно убегали из трудовой колонии, оказывали пагубное влияние на учеников школы, дезорганизовывая в ней работу, также рассматривалось в Народном суде города Петрозаводска⁴⁴, который приговорил несовершеннолетних к двум и трем годам заключения в Исправдоме.

Как уже отмечалось, в первой половине 1930-х годов в Карелии появились Повенецкая трудовая коммуна и Палеостровская трудовая колония. Эти детские учреждения были реорганизованы, в том числе в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1933 года. Комиссии по делам несовершеннолетних были упразднены Постановлением СНК СССР и ЦИК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспорядочности и безнадзорности». Обязанность по организации противодействия детской преступности была возложена на правоохранительные органы [8: 186]. 13 августа 1935 года СНК АКССР принял решение «о передаче из ведения Наркомпроса АКССР Повенецкой детской трудовой коммуны и Палеостровской трудовой колонии в ведение отделом НКВД со всем личным составом, имуществом, инвентарем и средствами»⁴⁵. Это было

связано и с типизацией детских учреждений, начатой еще в 1932 году. Наркомату внутренних дел передавались приемники-распределители, изоляторы и трудовые колонии, в которые направлялись несовершеннолетние рецидивисты, уличенные в совершении нескольких преступлений. Иногда трудные подростки, с которыми не могли справиться педагоги детских домов с нормальными детьми, передавались в трудовую колонию как рецидивисты. 23 июля 1935 года также вводилась типизация трудовых колоний НКВД: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подсудимых в тюрьмах, которые находились в отделах мест заключения НКВД СССР [17: 141]. В трудовых колониях содержались несовершеннолетние преступники 12–16 лет и беспризорники 14–16 лет [9: 333].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Карелии, как и по всей стране, в исследуемый период решение проблемы преступности детей было возложено на комиссии по делам несовершеннолетних. Именно они определяли возможные действия по отношению к малолетним правонарушителям либо через использование мер «медико-педагогического» характера, либо через передачу дел в Народный суд. Первый способ имел воспитательное начало. По отношению к несовершеннолетним правонарушителям применялись практически все меры, определяемые комиссией, кроме способов воздействия медицинского характера из-за от-

сутствия специализированных учреждений для этих целей. Помещение детей-правонарушителей в детские дома для трудновоспитуемых было осложнено нехваткой таких учреждений, поэтому нередко дети оказывались в детских домах нормального типа, в которых не была выстроена воспитательная работа и не реализовывались требования и рекомендации, предъявляемые к данным учреждениям. Лишь в первой половине 1930-х годов стали функционировать Повенецкая трудовая коммуна и Палеостровская колония в связи с реорганизацией этих учреждений и передачей их под контроль НКВД АКСОР. Второй способ решения проблемы преступности несовершеннолетних был связан с передачей комиссией дел в Народный суд. В Карелии к данной мере прибегали либо после использования всех способов «медико-педагогического» воздействия и признания их недостаточными, либо в связи с наступлением возраста привлечения малолетнего к уголовной ответственности.

В первой половине 1930-х годов в практике работы с несовершеннолетними правонарушителями нарастала репрессивная составляющая, а именно: ликвидация комиссий по делам несовершеннолетних, передача дел малолетних правонарушителей и детских учреждений для них правоохранительным органам, понижение возраста привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, принижение значения педагогической и воспитательной работы. Это шло вразрез с декларируемой государством заботой о создании благоприятных условий для воспитания и социализации советских детей.

* Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190093-9).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Куфаев В. И. Юные правонарушители. М.: Новая Москва, 1925. 356 с.
- ² Васильевский Л. М. Беспризорность и дети улицы. Харьков: Юношеский сектор изд-ва «Пролетарий», 1925. 100 с.
- ³ Лившиц Е. С. Социальные корни беспризорности. М.: Работник просвещения, 1925. 206 с.
- ⁴ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.
- ⁵ Маро М. И. Беспризорные: Социология. Быт. Практика работы. М.: Новая Москва, 1925. 454 с.
- ⁶ Данные составлены на основе нормативных документов исследуемого периода.
- ⁷ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. Р. 2 (Олонецкий губоно). Оп. 1. Д. 907. Л. 9.
- ⁸ НАРК. Ф. Р. 630 (Министерство образования РК). Оп. 1. Д. 98. Л. 170.
- ⁹ Там же. Л. 62.
- ¹⁰ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 906. Л. 49.
- ¹¹ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
- ¹² По Уголовному кодексу РСФСР к «государственным преступлениям» относились «контрреволюционные преступления» (ст. 58.1–58.18), а именно – «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти».
- ¹³ По Уголовному кодексу РСФСР «служебным преступлением» (ст. 109–121) являлось «злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинили ему имущественный ущерб» и др.
- ¹⁴ НАРК. Ф. Р. 836 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Олонецком Отделе народного образования). Оп. 1. Д. 36. Л. 6 об.
- ¹⁵ Карельская Трудовая Коммуна. Ежегодник. Вып. I. Отчет областных учреждений Карельской Трудовой Коммуны СНК и СТО на 1 октября 1922 года. / Сост. Карельским Областным Статистическим Бюро. Петрозаводск: Изд. Кар. Эконо. и Кар. Стат. Бюро, 1923. С. 119.
- ¹⁶ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 279. Л. 11.
- ¹⁷ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 937. Л. 15.

- ¹⁸ Люблинский П. И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: социально-правовые очерки. М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. С. 255.
- ¹⁹ Там же. С. 257.
- ²⁰ Там же. С. 50.
- ²¹ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 98. Л. 1.
- ²² НАРК. Ф. Р. 788 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях при Повенецком УОНО). Оп. 1. Д. 53. Л. 37.
- ²³ НАРК. Ф. Р. 282 (Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях). Оп. 3. Л. 110. Л. 3.
- ²⁴ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 257.
- ²⁵ НАРК. Ф. Р. 282. Оп. 3. Д. 140. Л. 1.
- ²⁶ В детские приемные пункты направлялись несовершеннолетние, задержанные за совершение проступков (общественно-опасного деяния), занимающиеся нищенством, проституцией, спекуляцией, задержанные по случайным причинам (заблудившиеся, потерявшие своих родителей, не имеющие пристанища и др.). Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 788. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ²⁷ К категории «дефективных детей» относились дети с недостатками физического и психического развития («физическая, психическая и моральная дефективность»). «Морально-дефективными» детьми обозначали группу детей, «страдающих нарушениями характера и эмоционально-волевой сферы, склонных к агрессивному и противоправному поведению, педагогически запущенных, беспризорных».
- ²⁸ Приемник для беспризорных перегружен // Красная Карелия. 12.05.1923. № 90. С. 3.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ НАРК. Ф. Р. 630. Оп. 1. Д. 10. Л. 67.
- ³¹ Там же. Д. 279. Л. 11.
- ³² Там же. Д. 197. Л. 133.
- ³³ Там же. Л. 2.
- ³⁴ Там же. Д. 492. Л. 76.
- ³⁵ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 31.
- ³⁶ НАРК. Ф. Р. 393. Оп. 2. Д. 5. Л. 34.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ НАРК. Ф. Р. 393. Оп. 2. Д. 5. Л. 35.
- ³⁹ НАРК. Ф. Р. 2. Оп. 1. Д. 469. Л. 33.
- ⁴⁰ Люблинский П. И. Указ. соч. С. 50.
- ⁴¹ Ежегодник. Карельская Трудовая Коммуна... С. 129.
- ⁴² Дело о зверском убийстве Годарина // Трудовая жизнь. 21.05.1922. № 72 (118). С. 4.
- ⁴³ Малолетние преступники и их покровители // Красная Карелия. 15.06.1935. № 136. С. 2.
- ⁴⁴ Суд над малолетними преступниками // Комсомолец Карелии. 12.06.1935. № 80 (624). С. 2.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. Р. 689. Оп. 11. Д. 15. Л. 190.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астемиров З. А. Трудовая колония для несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1969. 120 с.
2. Ашин А. А. Воспитательная колония: история и современность. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2008. 428 с.
3. Блинов М. Л. Из истории социальных отношений в Ижевске в 1920-е гг.: борьба с хулиганством, пьянством и детской преступностью // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 31–42.
4. Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 1 (255). Право. Вып. 31. С. 54–59.
5. Болдырев Е. В. Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних. М.: Наука, 1964. 368 с.
6. Гизатулин Ш. Т. Проблемы беспризорности несовершеннолетних в 1917–1922 гг. (по материалам Самарской губернии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 4. С. 1093–1096.
7. Головизнина М. В. Генезис социального контроля противоправного поведения несовершеннолетних в пенитенциарном учреждении в России // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. ст. / Под. ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центра социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 313–341.
8. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 885 с.
9. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / Сост. С. С. Виленский. М.: МФД, 2002. 628 с.
10. Маслова О. Б. Система правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в советской России в начале 1920-х гг. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 11. С. 96–101.
11. Миньковский Г. М. Основные этапы развития советской системы мер борьбы с деятельностью несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6. М.: Юрид. лит., 1967. С. 37–74.
12. Нестеров А. Ю. Советская концепция прав человека в отношении несовершеннолетних осужденных (и не осужденных), отбывающих наказание в системе ГУЛАГа (1918–1956 гг.) // Власть. 2015. № 6. С. 155–159.
13. Рыбак С. В. Государственно-правовая деятельность по преодолению беспризорности, безнадзорности и преступности несовершеннолетних в советской России в 20–30-е годы XX века // Юрист-Правовед. 2016. № 5 (78). С. 10–15.
14. Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы: (По материалам губерний Верхнего Поволжья). Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1999. 53 с.
15. Семина Н. В. Правовые основы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в 1930-е гг. в России // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 969–973.
16. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 171 с.
17. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146.
18. Славко А. А. Трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в России 1924–1933 годов // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2009. № 16 (154). Вып. 32. С. 62–65.
19. Смирнова Т. М. Детские дома и трудколони: жизнь «государственных детей» в советской России в 1920–1930-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2012. № 3. С. 16–38.

20. Чернышов А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1975. 141 с.
21. Чечель Г. И., Долгополов К. А. История развития российского законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 49. С. 199–202.
22. Шабельникова Н. А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 33–37.

Поступила в редакцию 29.05.2019

Aleksandra V. Chebakovskaya, Junior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
chebakovskaja@yandex.ru

WORKING WITH JUVENILE OFFENDERS IN KARELIA DURING THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD*

The problem of juvenile delinquency in Karelia between 1918 and 1935 and the government measures against it are fully addressed and analyzed for the first time on the basis of various sources. The relevance of the topic is in the study of and critical reflection on the experience gained in the previous periods. It is of interest in connection with the improvement of the modern methods of work with child offenders while the crime rates among youngsters remain high. The research centers on the activities of commissions for cases of minors, demonstrates the changes in the age of criminal responsibility for juvenile offenders, lists the types of crimes committed by them, and describes the network of institutions for these children in Karelia. Measures taken by commissions for cases of minors towards juvenile offenders are identified. These measures could succeed only with the right approach towards child offenders and the sufficient number of special facilities. The research revealed that in Karelia all possible legal measures were applied to juvenile offenders, except for the medical ones due to the lack of specialized institutions. The study shows a gradual build-up of the repressive element when working with juvenile offenders, which was against the government's commitment to create favorable environment for the upbringing and socialization of Soviet children.

Keywords: child welfare, juvenile delinquency, the Commission on Minor's Affairs, medical and educational measures, Karelia

* The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (AAAA-A18-118030190093-9).

Cite this article as: Chebakovskaya A. V. Working with juvenile offenders in Karelia during the post-revolutionary period. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418

REFERENCES

1. Astemirov Z. A. Juvenile labor colony. Moscow, 1969. 120 p. (In Russ.)
2. Ashin A. A. Juvenile correctional facility: history and present times. Vladimir, 2008. 428 p. (In Russ.)
3. Blinov M. L. History of social relations in Izhevsk in the 1920s: fighting against hooliganism, alcoholism and juvenile delinquency. *LOCUS: people, society, cultures, meanings*. 2016. No 3. P. 31–42. (In Russ.)
4. Blyasova I. Yu. Crime and juvenile delinquency prevention in the Soviet era. *Chelyabinsk State University Bulletin. Series: Law*. 2012. No 1 (255). Issue 31. P. 54–59. (In Russ.)
5. Boldyrev E. V. Juvenile delinquency prevention strategies. Moscow, 1964. 368 p. (In Russ.)
6. Gizatulin Sh. T. The problem of street children in 1917–1922 (using materials from Samara province). *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2008. Vol. 10. No 4. P. 1093–1096. (In Russ.)
7. Goloviznina M. V. The genealogy of social control of unlawful behavior among minors in Russian penal institutions. *Detention and order: history of social work in the XX century Russia: Collection of articles*. (P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova, Eds.). Saratov, 2005. P. 313–341. (In Russ.)
8. GULAG (Main Administration of Corrective Labor Camps). 1918–1960. (A. I. Kokurin, N. V. Petrov, Comp.). Moscow, 2002. 885 p. (In Russ.)
9. Children of the Gulag. 1918–1956. Moscow, 2002. 628 p. (In Russ.)
10. Maslova O. B. The system of legal influence on juvenile offenders in Soviet Russia in the early 1920s. *Nauchniye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 2009. No 11. P. 96–101. (In Russ.)
11. Min'kovskij G. M. Key stages in the development of the Soviet system of fighting against juvenile offenders. *Issues of Crime Prevention*. Issue 6. Moscow, 1967. P. 37–74. (In Russ.)
12. Nesterov A. Yu. The Soviet concept of human rights with regard to convicted (and unconvicted) juveniles serving a sentence in the Gulag (1918–1956). *Vlast*. 2015. No 6. P. 155–159. (In Russ.)
13. Rybak S. V. State efforts to deal with child homelessness and juvenile delinquency in Soviet Russia during the 1920s and the 1930s. *Yurist-Pravoved*. 2016. No 5 (78). P. 10–15. (In Russ.)
14. Ryabinina N. V. Street children and juvenile offenders in the 1920s (using the materials from the Upper Volga Region provinces). Yaroslavl, 1999. 53 p. (In Russ.)
15. Semina N. V. The legal framework to fight child homelessness and juvenile delinquency in Russia in the 1930s. *Izvestia PGPU im. V. G. Belinskogo*. 2012. No 27. P. 969–973. (In Russ.)
16. Slavko A. A. Street children in Russia in the first decade of the Soviet Union. Moscow, 2005. 171 p. (In Russ.)
17. Slavko A. A. Children's colonies for juvenile offenders in Russia in 1933–1952. *Tyumen State University Herald*. 2009. No 7. P. 140–146. (In Russ.)
18. Slavko A. A. Labor facilities for juvenile offenders in Russia between 1924 and 1933. *Chelyabinsk State University Bulletin. History*. 2009. No 16 (154). Issue 32. P. 62–65. (In Russ.)
19. Smirnova T. M. Orphanages and labor colonies: the life of “state children” in Soviet Russia in the 1920s and the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*. 2012. No 3. P. 16–38. (In Russ.)
20. Chernyshov A. I. Juvenile delinquency and measures against it in the USSR. Tomsk, 1975. 141 p. (In Russ.)
21. Chechel' G. I., Dolgoplov K. A. Historical development of Russian laws on the criminal liability of minors. *Bulletin of Stavropol State University*. 2007. No 49. P. 199–202. (In Russ.)
22. Shabel'nikova N. A. Characteristics of juvenile delinquency prevention in the 1920s: Historical experience. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami*. 2016. No 2. P. 33–37. (In Russ.)

Received: 29 May, 2019

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук» (Апатиты,
Российская Федерация)
irinarazumova@yandex.ru

СОЗДАНИЕ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ОБЩНОСТИ: СЛУЧАЙ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Рассматривается проблема идентификации общности «спецпереселенцы» в разные периоды. Целью было выяснить, как люди, которые соотносят себя с этой исторической категорией, определяют критерии общности и как эти критерии соотносятся с официальными идентификаторами. Материалом являются воспоминания бывших спецпереселенцев, привезенных в 1929–1930-х годах на Кольский полуостров, и их потомков. Высланные преимущественно относились к категории, которая официально определялась как «зачиточные крестьяне» или «кулаки», а с середины 1940-х годов – как «спецпереселенцы – бывшие кулаки». Ревитализация общности «спецпереселенцы» обусловлена характером реабилитационного процесса и сменой идеологических ориентиров в конце 1980-х – начале 1990-х годов. С утратой прежних официальных идентификаторов большее значение приобретали социально-культурные маркеры спецпереселенцев. Одновременно происходило нарративное оформление новой категории – «жертвы политических репрессий». Спецпереселенцы включаются в эту категорию вместе с другими группами репрессированных, но не утрачивают своей отличительности. Их чувство и осознание общности основываются на историческом обозначении, «крестьянских корнях», совокупности нравственных свойств и сходной жизненной траектории, связанной с обстоятельствами переселения. В настоящее время эта общность по преимуществу наследственная и коммеморативная. Спецпереселенцы в лице потомков продолжают рассчитывать на масштабные официальные мемориальные проекты и на узаконенные материальные компенсации. Они руководствуются императивами «закона» и «справедливости» и вновь оказываются во внутренней конфронтации с властью, но уже по другим основаниям, чем в советское время.

Ключевые слова: спецпереселенцы, идентификация, общность, социальная антропология

Для цитирования: Разумова И. А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419

ВВЕДЕНИЕ

В истории формирования населения многих территорий Российского Севера и Сибири в XX веке спецпереселенцы сыграли заметную роль. Целый ряд местностей и отдельных поселений, созданных в советское время, имеют репутацию «ссыльных», в соответствии с которой выстраивается их история. Обширная историография спецпереселений включает детальные исследования, выполненные на региональных материалах. Большей частью они сосредоточены на депортациях по этническим основаниям [1], [8], [30], на «крестьянской ссылке» [4], [5], [15] и положении высланных в конкретных регионах [3], [7], [12], [17], [24], [29]. К основным можно отнести проблемы социальной адаптации переселенцев, особенно когда речь идет об этнических группах, а также вопросы о степени и формах сопротивления крестьян действиям власти. Недостаточно работ, в которых спецпереселенцы и другие группы советского «спецконтингента» рассматрива-

лись бы как социальный и культурный феномен. Исследовательские вопросы, касающиеся категоризации населения, идентификации общностей в тот или иной исторический период, нацелены не только на понимание историко-демографических процессов и культурных сдвигов в обозримом прошлом, но и на прояснение текущей ситуации. Использование «исторических» идентификаторов, к которым относится и категория «спецпереселенцы», детерминировано актуальными общественными и институциональными интересами. Они могут быть связаны как с гуманистическими ценностями сохранения культурной преемственности, так и с политическими задачами. Реидентификация спецпереселенцев как солидарной общности относится к «перестроечному» периоду. Она вызвана активизацией реабилитационного процесса, деятельностью правозащитных организаций и включением людей, подвергшихся социально-политическим репрессиям, в официальную, открытую отечественную историю.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И МАТЕРИАЛ

Проблемное поле изучения процессов идентификации создается как минимум трехсторонними отношениями. Согласно концепции Р. Брубейкера, разделяемой многими исследователями, методологически важно учитывать сложные взаимосвязи между, во-первых, категориями, которыми обозначаются те или иные сообщества, во-вторых, группами в их субстанциальной данности и, в-третьих, «групповостью», или «общностью» – в значении объединяющего свойства (совокупности свойств). В этом смысле общность понимается как «эмоционально нагруженное чувство принадлежности к отдельной, ограниченной группе, включающее как осознанную солидарность или единство с другими членами группы, так и осознанное отличие от определенных чужаков и даже антипатию к ним» [2: 99].

В современной теории утвердились идеи множественности, конфликтности, контекстуальности, ситуативности идентичностей, их обусловленности реляционными социальными связями [27], [31], [32], [35] и др. Р. Брубейкер подчеркивает, что обладание неким общим свойством и наличие реляционных связей между людьми только вместе взятые способны дать чувство принадлежности к ограниченной солидарной группе. Вместе с тем это чувство может сформироваться и при минимальной или отсутствующей реляционной связанности, основываясь на категориальной общности и на ощущении сопринадлежности [2: 100–101]. Что же касается категориальных обозначений, то сами по себе они не могут свидетельствовать о существовании реальных сообществ:

«Степень, до которой официальные категоризации формируют самопонимания и в которой категории населения, созданные государствами или политическими деятелями, приближаются к реальным “группам”, – открытый вопрос, на который можно ответить только эмпирически» [2: 111–112].

Нашей целью было выяснить, как люди, которые соотносят себя с исторической общностью спецпереселенцев, определяют основания этой общности и как эти основания соотносятся с официальными идентификаторами периода спецпереселений.

Основным материалом стали воспоминания бывших спецпереселенцев, привезенных в 1929–1930-х годах на Кольский полуостров, и их потомков. Это тексты из опубликованных источников, прежде всего сборников, составленных активистами общественной организации «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”» [19], [20], [22], [27]. Для анализа было отобрано около 100 текстов. Все они представляют собой нарративы, сосредоточенные на теме спецпереселения. Большей частью это истории семей, а также биографии родителей и прародителей, автобиографии, «воспоминания о детстве», письменные ответы на

вопросы, записи со слов мемуаристов, выполненные интервьюерами и атрибутированные с разной степенью полноты. Многие воспоминания написаны по инициативе сотрудников «Мемориала» или получены в результате целевого интервьюирования. В иных случаях авторы брались за мемуары потому, что у них появилась возможность сделать «явным» и сохранить для потомков семейное знание, которое ранее было «потаянным». Более того, драматический опыт спецпереселения стал социально востребованным и приобрел историческую ценность.

Методологическую сложность составляет совокупный анализ текстов, поскольку мемуаристы относятся к разным поколениям: испытывшие переселение в молодом трудоспособном возрасте, переселенные с родителями в раннем детстве, родившиеся в местах спецпоселения, родившиеся в более позднее время. Воспоминания о травматичном опыте выселения и о выживании на строительстве городов в Хибинах, транслируясь в семьях, сформировали «помнящую» общность из нескольких поколений. Первостепенную роль здесь играют формы семейного (в первую очередь) и общественного дискурса определенного времени (о значении нарратива в конструировании идентичности см.: [36]). В этом случае мы имеем дело с феноменом, который М. Хирш назвала постпамятью – когда носителями коллективных воспоминаний становятся люди, сами не участвовавшие в событиях, но обладающие эмпатией по отношению к тем, кто был в них реально вовлечен [34]. Информация передается «на таком глубоко эмоциональном уровне, что начинают создаваться собственные воспоминания <...> не за счет процесса припоминания, но за счет вовлечения воображения и проецирования» [28].

Реконструкция общности с включением в нее категории потомков («выходцев») осуществляется с помощью различных форм коммеморации, и в первую очередь нарративных практик, возникающих

«из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям, или, более точно, через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [16: 116].

ИДЕНТИФИКАТОРЫ ОБЩНОСТИ

Идентификация общности «спецпереселенцы» относится к тому типу, который «не имеет соответствия в области самоидентификации: формализованные, кодифицированные, объективированные системы категоризации, созданные мощными институтами власти» [2: 91]. Государство насаждало и с течением времени варьировало, уточняло категории в составе спецконтингента, в том числе используемые по отношению к людям, подвергшимся высылке и при-

нудительному поселению: «спецпереселенцы», «трудпоселенцы», «спецпоселенцы», «спецпереселенцы – бывшие кулаки», «ссыльнопоселенцы» (высланные в судебном порядке) и пр. Присвоение официальной категории той или иной группе людей сопровождается определением их статуса в общественной иерархии. Соответствующие ему навязанные социальные роли могут внутренне приниматься или отвергаться как самими исполнителями, так и их окружением. По замечанию Брубейкера, связь между официальными категориями и самопониманием редко становится предметом детального анализа. С одной стороны, заданные отношения так или иначе включаются в обыденные взаимодействия, «опривычиваются» и влияют на самоидентификацию. С другой стороны, те, кто подвергается категоризации,

«сами постоянно следуют этому процессу, и критерии, используемые ими для осмысления себя и других, не обязательно имеют что-то общее с категориями, используемыми государствами, какими бы могущественными они ни были» [2: 134–135].

Официальный статус спецпереселенца его носители чаще всего называют «клеймом», а соответствующее ему социальное положение – «изгойничеством». Отвергать правомерность наделения этим статусом можно сколько угодно, но для «заклейменных», как и остального населения, оно стало обстоятельством непреодолимой силы. Спецпереселенцы как категория определяются рядом объективных свойств и сопутствующих жизненных обстоятельств. Во-первых, на спецпоселение отправляли по определенным признакам: классовым, конфессиональным, политическим, этническим [23: 214]. Самую значительную часть «классово чуждых» составили представители крестьянства, по декларации власти – зажиточного, использовавшего наемную рабочую силу, единоличного. Выходцами из крестьянских спецпереселенческих семей является и подавляющее большинство наших мемуаристов. В реальности на местах все обстояло по-разному. Социальная идентификация подлежащих высылке осуществлялась во многом произвольно, формальные критерии часто не выдерживались. Это давало основания для опровержений и сетований на «ошибочность» отнесения к данной категории в частных случаях. Сама категория «кулаки» мемуаристами в большинстве своем не оспаривается, но они крайне редко применяют ее к своим родственникам и только в тех случаях, когда безусловно признают их зажиточность, использование ими наемных работников, неприятие колхозов.

Система типовых аргументов против действий власти в отношении конкретной семьи «наследуется» потомками:

«Ну, какие они кулаки? Зажиточные – да! Помногу имели детей, работали с утра до вечера. Наемных рабочих не держали» (о семье деда)¹ [20: 7].

«Жили не богато, рабочих не имели, все делали своими силами, своими семьями земли обрабатывали, которая принадлежала им по наделу, согласно семьи»² [20: 63].

Во-вторых, спецпереселенцы – это те, кто перенесли насильственное выселение из родных мест на другие территории, чаще отдаленные, неосвоенные и вообще малопригодные для жизни, особенно с точки зрения земледельца. Переселение происходило в соответствии с типовыми алгоритмами, разработанными директивными органами [5: 61–84]. По этой причине рассказы о переселении обнаруживают не только большое фабульное сходство, но и совпадение деталей в описаниях выселения, транспортировки, размещения на новом месте и т. д. [11]. Переселение и обживание сопровождалось физическими тяготами, болезнями и смертями, то есть физическим насилием.

В-третьих, отнесенные к данной категории люди были ущемлены в правах. Это касалось в первую очередь лишения паспортов, избирательного права, возможности передвижений с установлением подконтрольности (необходимость отмечаться в комендатурах), а также ряда других прав. В-четвертых, спецпереселенцы подверглись экономической дискриминации: отъем собственности, меньшая оплата за труд, большие налоги и пр.

Создавая официальную кодификацию населения, власть устанавливает правила отношений. В данном случае государство инициировало прямое противостояние, объявив крестьян-«кулаков» своими врагами. «Государственный террор был первичным по отношению к ответному насилию (физическому и имущественному), которым отвечала масса крестьянства на действия властей в деревне», – утверждает С. А. Красильников. По его мнению, в первую очередь в силу различия стратегий сторон («государство нападало, крестьянство оборонялось») крестьянское сопротивление было обречено на неудачу [15: 39–40]. На первых этапах спецпереселений, как свидетельствуют исторические исследования, это сопротивление было вполне ощутимым и осуществлялось разнообразными способами – от локальных восстаний до скрытых, эскапистских действий отдельных семей. К формам сопротивления относились «самораскулачивание», тайный выезд из деревень, распродажа имущества и забой скота, разделы хозяйств, создание фиктивных колхозов из родственников, попытки защитить высылаемых крестьян на местах, бегство во время транспортировки и из спецпоселков, организация повстанческих групп в районах спецпоселений, отказ от работы и др. [4], [6], [14], [18], [21], [25].

В рассмотренных текстах больше всего воспоминаний о разнообразных способах сокрытия от власти, неудавшихся или отчасти удавшихся

попытках ее обмана, предшествовавших высылке. «Успешными» такие действия оказывались для отдельных членов семей – за счет разделов, браков с бедняками, смены фамилии, заблаговременного бегства благодаря предупреждению сведущих родных или земляков. Бегство по пути в ссылку мало кому, но иногда удавалось:

«По дороге, кто мог, спрятался или сбежал, когда поезд останавливался по нужде. Тех, кто бежал, расстреливали»³ [19: 190];

«Их тоже отправили в Сибирь, но отец с другом бежал, и они оказались на Вологодчине, где к ним очень плохо отнеслись. Питались с помойки: очистки, капустные листья. Решили податься на Кольский п-ов. Шли через Карелию, где их даже оставляли работать на лесопилке, предварительно отмыв от вшей и переодев в другую одежду, даже документы обещали сделать. Очень они им понравились – люди-то работающие. Они пошли дальше на Север и потом очень пожалели, что не остались. Подучили бы язык и сошли за карелов»⁴ [20: 23].

Непротивление высылке у части крестьянских семей было связано с традиционными установками старших, которые усваивались потомками:

«Помню, дедушка говорил: “Какая бы власть ни была, мы должны ей подчиняться, значит, так надо”, поэтому никто не сопротивлялся и не протестовал»⁵.

Далее, рассказывая о жизни в Хибиногорске, та же мемуаристка заметила: «Снабжением в общем были довольны, хотя и не всегда ели досыта. Давали пайки, деля две бутылки молока на месяц, а овощей долго не было. Конечно, народ болел, люди умирали от цинги, тифа. Сказать, что нас как-то притесняли – этого не было. Редко кто не подчинялся правилам» [22: 30–31].

«Притеснение» здесь понимается только в значении ответных действий власти на неповиновение, а голод, болезни и смерти из-за условий труда и быта к притеснениям не относятся даже по прошествии многих лет.

Определяя нормы взаимоотношений с различными категориями высланных, государство время от времени меняло формальные идентификаторы и переструктурировало состав «спецконтингента». Новым терминам соответствовали новые смыслы, на что историки обратили внимание. С. А. Красильников отметил, что превращение «спецпереселенцев» в «спецпоселенцев» указывало на «завершение стадии переселения и переход к “оседанию”», но в любом случае для власти они оставались ссыльными, и в конце войны вернулось обозначение «спецпереселенцы – бывшие кулаки». «Возвращение через 15 лет к первоначальному названию “спецпереселенцы” означало лишь то, что доминантой в глазах властей была репрессия, а не миграционная составляющая упомянутого явления», – пишет историк [15: 30]. Таким же образом, отталкиваясь от значения терминов, М. Ю. Ким использует их для подтверждения того, что отношение государства к обозначаемой части населения менялось в зависимости от его актуальных интересов:

«Сама проблема выселения кулачества из идеологической плоскости со временем перешла в более практи-

ческую область. В этом, на наш взгляд, надо усматривать изменение формулировки “спецпереселенцы” в первые годы выселения на “трудпоселенцы” в последующие. Постепенно изменялось отношение власти к спецпереселенцам от “врагов народа”, которых подвергли “кулацкой ссылке”, к пониманию, что это основная рабочая сила, которой требуется соответствующее внимание для поддержания ее трудоспособности. В связи с этим в поле зрения власти оказались социально-бытовые и трудовые условия спецпереселенцев» [13: 60].

Насколько изменялись реальное положение переименованных высланных и их встречное отношение к власти, судить сложно. Что касается самоопределения, можно уверенно предположить, что после присвоения статусов «кулаки» и «спецпереселенцы» последующие переименования сказывались на нем минимально. По крайней мере, в воспоминаниях эти обозначения легко взаимозаменяются, используются равноправно («трудпоселенцы» – реже), в отдельных случаях мемуаристы уточняют: с такого-то времени (тогда) нас стали называть (называли) трудпоселенцами (спецпереселенцами), – если в другое время их обозначали иначе.

Значительно больше на социальном самочувствии высланных сказывалось то, что принадлежность к спецпереселенцам предполагала возможность снятия «клейма». Частичная или даже полная интеграция в нормализованное общество допускалась при неких условиях, определяемых властью сообразно с политическими и экономическими задачами момента. У молодежи шансов было больше, например, для мужчин основанием была служба в армии. Тексты позволяют судить о том, снятие каких ограничений воспринималось в качестве радостных событий или знаков того, что власть сдает свои позиции в отношении к спецпереселенцам. В любом случае положительно воспринимался каждый шаг на пути к социальному равенству с большинством.

«Мои родители очень болезненно воспринимали, что были лишены права голоса. В 1936 году папа и мама уже имели право идти на выборы, и этим очень гордились. Кроме того, вышел Указ Сталина, что “сын (дочь) за отца не отвечает”. Это уже было достижение, и мы могли ездить. Но в паспортах оставалась метка...»⁶ [20: 42].

«Первые годы нашей здесь работы мы не имели права вступать в профсоюз. А после 1936 года нас, высланных, приняли в профсоюз и дали право в выборах. Это нас очень обрадовало»⁷ [22: 38].

«А как война началась, нас повезли в эвакуацию в Казахстан, на Иртыше плотину строить. На Кольском кулаков вроде постыдились брать в армию, а там всех мужчин и взяли <...>. Взять моего мужа: кулаком считался, а учили на летчика»⁸ [22: 86].

С началом сокращения, а затем и ликвидации системы спецпоселений усиливался дополнительный смысл слова «спецпереселенцы»: это те, кто нуждается в реабилитации. Освобождение от спецпоселения с выдачей паспортов и возвращением прав происходило длительно и поэтапно, распространяясь на разные категории спецпосе-

ленцев. Историки определяют этапы этого процесса: с середины 1940-х по 1953 год происходит постепенное снятие с учета спецпоселения, с середины 1950-х по 1965 год – постепенная ликвидация института спецпереселений и системы спецпоселений⁹ [9], [29: 207–210].

Реабилитация, подтвержденная официальным документом, осмысливается как знак восстановления справедливости. Мемуаристы осознают поэтапность реабилитационного процесса и связывают его со сменой руководящих личностей и периодов в истории Советского государства.

«Только в Хрущевские времена мы постепенно сравнялись со всеми советскими людьми. И сейчас, через 62 года, власти объявили о нашей реабилитации»¹⁰ [20: 61].

«Вот так я и жила семьдесят лет на доносах и подписывании. Спасибо Ельцину, хорошо, что появился такой человек»¹¹ [22: 43].

Многие не дожили до получения справки о реабилитации, что болезненно переживается родственниками («не дожил...»). Некоторые спецпереселенцы так и не получили официального свидетельства о восстановлении в правах. Причины были разные – не учтенные законодательством нюансы и двойственное правовое положение переселенца, недобросовестность исполнителей на местах, отсутствие или утрата документов и др.

ВОССОЗДАНИЕ И ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ОБЩНОСТИ

Переломными в отношении идентификации спецпереселенцев (спецпоселенцев) следует считать 1989–1991 годы. Они ознаменованы документами, которые вывели за рамки закона ранее принятую категоризацию и признали тех, кто относился к социально дискриминированным группам, «жертвами», которым по закону требуется реабилитация. Это Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов»¹²; Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав», принятая 14 октября 1989 года¹³; Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 года № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий»¹⁴. Новое государство, обвинив предшественника в беззакониях, приняло на себя роль восстановителя справедливости.

Таким образом, бывшие спецпереселенцы вкпе с другими категориями репрессированных получили новое официальное обозначение и новый статус. Если ранее, по мере развития реабилитационного процесса, в обществе усиливалось осознание того, что о жертвах репрессий и насильственных переселений можно и нужно говорить и писать, пусть с известными оговорка-

ми, то с конца 1980-х – начала 1990-х годов обнародование информации и публичное осуждение действий советской власти приобрели характер социального требования. Предшествующий («постсталинский») период стал восприниматься как «эпоха замалчивания». На этом этапе многие категории перестали существовать, а социальная память, базирующаяся на ощущении «общности судьбы» с такими же пострадавшими и на семейном знании, искала и вырабатывала устойчивые формы для своего выражения. С утратой прежних официальных идентификаторов, во-первых, приобретали большее значение неформальные определители, социально-культурные маркеры общности, во-вторых, происходило нарративное оформление категории «жертвы политических репрессий» («репрессированных общностей») – и как целого, и отдельных разрядов.

Сформировался дискурс, в рамках которого говорят и пишут о спецпереселенцах журналисты, публицисты, правозащитники, историки-краеведы, а также сами спецпереселенцы и их потомки. Содержательно-смысловую основу культурной идентификации составляет ряд ключевых концептов.

Коллективная жертва – закрепившийся за спецпереселенцами символический статус, который объединяет их с другими категориями репрессированных. Важнейшими концептами, которые организуют тексты спецпереселенцев, являются «страдание» и «мучение». Они определяются и описываются через конкретные проявления: физические, психологические, материальные, бытовые, эмоциональные. Утверждается неполноценность прожитой жизни – следствие и проявление «грабежа» (не только в экономическом смысле) со стороны власти. Для спецпереселенцев большое значение имеет формальная легитимация «равенства». Отсутствие «справок», «льгот» и трудовых наград дает основание оценивать жизнь в качестве не только «ограбленной», но «украденной» в целом. Соответственно, их наличие многими воспринимается в качестве хотя и неэквивалентной, но компенсации. Другие же однозначно утверждают, что льготы и справки слишком запоздалая и недостойная цена за поломанные судьбы.

С историей общности и судьбами ее представителей ассоциировано понятие «правды». Правда – это знание, которое было скрыто ложью и умолчанием, а потом «открылось». Спецпереселенцы осознают себя носителями «истинной истории», противопоставленной искажающим ее официальным версиям. К разряду ключевых относится понятие «справедливость». Поскольку главным источником несправедливости явилось незаконное государство, справедливость предстает прежде всего в правовой ипостаси: права на землю, собственность, равенство прав граждан и т. п. Нравственный аспект справедливости заключается в восстановлении «исторической

правды» о спецпереселенцах и сохранении ее в памяти потомков.

Труд – один из важнейших идентификаторов данной общности. И причины ее создания, и страдание, и выживание обусловлены связью с трудом, во-первых, тяжелым, во-вторых, нравственным: работали «честно, не считаясь со временем», «на совесть» и т. п. Главной же чертой трудового поведения бывших крестьян является честность. Это самое емкое в смысловом отношении свойство спецпереселенцев. Оно соотносится и с «трудом», и с «правдой», и с бытовым поведением (постоянно подчеркивается неприятие воровства)¹⁵.

Наконец, значительную смысловую нагрузку в определении самой общности и ее общественной роли имеют концепты «памяти», «судьбы», «семьи» («рода»). Воссозданная в новых условиях общность, соединяющая представителей разных поколений, видит свою основную задачу в коммеморативной деятельности. В опубликованных воспоминаниях отсутствует, но в устных высказываниях встречается мнение, что правда скрывается и замалчивается до сих пор.

Закон 1991 года, скорректированный в 2005 году, допускает региональную вариативность объема и видов компенсаций, и это позволяет по-разному его интерпретировать и исполнять. 14 июня 2019 года в СМИ опубликован сюжет «Дети Большого террора: как потомки репрессированных в СССР борются за право вернуться домой»:

«Конституционный суд России снова получил жалобу на неисполнение закона о реабилитации жертв политических репрессий. В этот раз это коллективный иск трех женщин, которые всю жизнь провели в местах ссылки их родителей и все еще не могут вернуться в Москву. <...>. Корреспондент RTVI Елена Светикова отправилась в места, где живут дети жертв Большого террора, и попыталась выяснить, есть ли у них шанс вернуться домой».

Поскольку Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» с 2005 года скорректирован в направлении интересов (законодательства) субъектов Российской Федерации, а речь идет о Москве, шансы видятся сомнительными. Публикация заканчивается сочувственным высказыванием юриста:

«Чем дальше мы уходим от 1991 года, тем больше официальные лица предпочитают ставить памятники,

открывать мемориальные доски, водить детей на экскурсии в музеи и все меньше говорить о компенсациях. Хотя люди еще живы, и есть те, кому можно помочь»¹⁶.

Спецпереселенцы вновь оказались в неравном противоборстве с властью, но уже по другим основаниям. «Социальное происхождение» позволяет им настаивать на своих наследственных правах, в чем они руководствуются одновременно практическими интересами, нравственными императивами и верой в справедливость.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревитализация общности «спецпереселенцы», после временного разрыва в позднесоветский период, обусловлена характером протекания реабилитационного процесса и сменой идеологических ориентиров. В настоящее время эта общность по преимуществу наследственная и коммеморативная. Главной целью ее существования является создание мемориального фонда, что реализуется в культурной практике семей, создании локальных общественных организаций, в неразрывной связи с деятельностью «Мемориала» по формированию мест памяти. Спецпереселенцы включаются в общность «жертв политических репрессий» вместе с теми категориями граждан, которые были высланы в судебном порядке или находились в местах заключения по политическим статьям. При этом они не утрачивают своей отличительности, основанной на историческом формальном статусе и обозначении, «крестьянских корнях» и связанной с ними совокупности нравственных свойств, а также на общности жизненной траектории («судьбы»), которую создали обстоятельства спецпереселения. В лице потомков они продолжают рассчитывать на масштабные официальные мемориальные проекты, а также на узаконенные компенсации – не столько в знак «покаяния» государства, так как постсоветская власть отмежевывалась от деяний советской власти, сколько во исполнение «закона» и «справедливости», провозглашенных в начале 1990-х годов. С точки зрения государства на сегодняшний день ни экономической, ни идеологической необходимости в этом нет. Это вновь порождает внутренний конфликт спецпереселенцев – и с государством, и с той частью общества, которая дистанцируется от их «обвиняющей памяти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из воспоминаний Е. М. Рухлова. Записано председателем Мончегорской общественной организации «Мемориал» Р. П. Грицаенко. 2013. Мончегорск.

² Из воспоминаний В. П. Курбатова, 1915 г. р. Мончегорск.

³ Из воспоминаний О. И. Никитиной, 1913 г. р.

⁴ Из воспоминаний В. Е. Русаковой. Записано Р. П. Грицаенко. 2013. Мончегорск.

⁵ Из воспоминаний А. Карпаниной (Тюшевой).

⁶ Из воспоминаний К. И. Тихоновой, 1918 г. р., 2000.

⁷ Из воспоминаний Л. Е. Гудовской (Зинченко).

⁸ Из воспоминаний У. С. Мельниковой.

- ⁹ Главными документами, знаменующими начало этого этапа, можно считать постановления Совета Министров СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц» (13.08.1954) и «О выдаче спецпоселенцам паспортов» (10.03.1955).
- ¹⁰ Из воспоминаний В. Д. Михейчик. 17.07.1992. Мончегорск.
- ¹¹ Из воспоминаний В. В. Хилько (Каширской).
- ¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sssr/4248> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹³ Постановление ВС СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14.11.89 года “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав”» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ndkt.org/postanovlenie-verhovnogo-soveta-sssr-ob-otmene-zakonodatelnyh-aktov> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹⁴ Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105390> (дата обращения 12.08.2019).
- ¹⁵ Подробнее культурные маркеры общности спецпереселенцев рассмотрены в статье: Разумова И. А. Идентификация символической общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов // Труды ФИЦ КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Вып. 16. (В печати.)
- ¹⁶ Дети Большого террора: как потомки репрессированных в СССР борются за право вернуться домой [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rtvi.com/stories/kak-potomki-repressirovannykh-v-sssr-boryutsya-za-pravo-vernutsya-domoy/?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения 12.08.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 359 с.
2. Брубойкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.
4. Виола Л. Крестьянский бунт в Эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.
5. Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.
6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933 / Пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2001. 96 с.
7. Закирова В. Н. Спецпереселенцы в Остяко-Вогульском (Ханты-Мансийском) национальном округе в начале 30-х гг. XX в. // Вестник угроведения. 2015. № 3 (22). С. 52–57.
8. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 г. – начало 1960-х гг.): процесс социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 5. С. 250–254.
9. Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.
10. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
11. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 33–43.
12. Игнатов Н. М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–50-е гг. Сыктывкар: ИЯЛИ УрО РАН, 2009. 192 с.
13. Ким М. Ю. Социально-бытовые условия спецпереселенцев в Карагандинском угольном бассейне в 1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 3 (29). С. 55–62.
14. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1996. 226 с.
15. Красильников С. А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2009. 344 с.
16. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 480 с.
17. Мошкин В. В. Ссылка крестьян на Север в 1930–1933 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гос. ун-та, 2009. 189 с.
18. Надькин Т. Д., Костин А. А. Крестьянское сопротивление политике коллективизации и раскулачиванию на территории Мордовии (конец 1920-х – начало 1930-х годов) // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 20–24.
19. Память неподвластна времени / Сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов; Кировско-Апатитская районная общественная организация «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”». Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. 227 с.
20. Пусть не доведется внукам: Сборник воспоминаний к 80-летию города Мончегорска / Сост. Р. П. Грицаенко; Мончегорская общественная организация «Мемориал». Мончегорск, 2018. 195 с.
21. Скотт Д. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: Ежегодник. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 37–41.
22. Спецпереселенцы в Хибинах. Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 1997. 222 с.
23. Старостин С. И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // *Historia Provinciæ* – Журнал региональной истории. 2019. Т. 3. № 1. С. 212–317. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-4
24. Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы // Вестник Поморского университета. 2005. № 2 (8). С. 24–25.
25. Федорова М. И. Крестьянское сопротивление государственным реформам – опыт XX века // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135). С. 21–24.
26. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ Транзиткн, 2004. 635 с.
27. Хибингорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. 360 с.
28. [Хирш М.] Что такое постпамять. Перевод статьи Марианны Хирш / перевод Ксении Харлановой // Уроки истории XX век [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (дата обращения 31.07.2019).

29. Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. 317 с.
30. Шнайдер В. Г. Проблемы социальной адаптации депортированных народов Северного Кавказа в местах спецпоселения (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 11 (66). С. 261–269.
31. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 344 с.
32. Bauman Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge; Malden: Polity Press, 2004. 104 p.
33. Displaced Children in Russia and Eastern Europe. 1915–1953: ideologies, identities, experiences (Nick Baron, Ed. by). Leiden: Brill, 2016.
34. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. NY: Columbia University Press, 2012. 320 p.
35. Hobsbawm E. Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity // Living as Equals (Paul Barker, Ed. by). Oxford: Oxford UP, 1997. P. 85–98.
36. Somers M. The narrative constitution of identity: A relational and network approach // Theory and Society. 1994. No 23. P. 605–629.

Поступила в редакцию 5.08.2019

Irina A. Razumova, Doctor of History, Barents Centre of the Humanities – the Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
 irinarazumova@yandex.ru

CREATION AND RECONSTRUCTION OF COMMUNITY: THE CASE OF SPECIAL SETTLERS

The article deals with the problem of identifying so-called “forced settlers” or “special settlers” as a community in different periods. The aim was to find out how people who associate themselves with this historical category define the criteria of community, and how these criteria relate to the official identifiers. The memories of former special settlers brought to the Kola Peninsula in 1929–1930 and their descendants were used as material for the research. Officially forced settlers were primarily classified as “wealthy peasants” or “kulaks”, and since the mid-1940s – as “special settlers” or “former kulaks”. Revitalization of the “special settlers” community is due to the nature of the rehabilitation process and the change of ideological orientations during the late 1980s and the early 1990s. Social and cultural markers of “special settlers” became more important with the loss of the former official identifiers. At the same time, there was formed a narrative for a new category – “victims of political repression”. “Special settlers” were included into this category together with other groups of the repressed people, but they did not lose their distinctiveness. Their sense and awareness of community are based on the historical determinant, “peasant roots”, a set of moral properties, and on the same life trajectory associated with the circumstances of their resettlement. Currently, this community is mainly hereditary and commemorative. Special settlers and their descendants can still rely on large-scale official memorial projects and lay claim to legal material compensation. They are guided by the imperatives of “law” and “justice”, and once again find themselves in internal confrontation with the authorities, but on different grounds than in the Soviet era.

Keywords: special settlers, identification, community, social anthropology

Cite this article as: Razumova I. A. Creation and reconstruction of community: the case of special settlers. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). C. 102–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.419

REFERENCES

1. Belkovets L. P. Administrative and legal status of the Russian Germans in special settlements of 1941–1955. Historical and legal research. Moscow, 2008. 359 p. (In Russ.)
2. Brubaker R. Ethnicity without groups. Moscow, 2012. 408 c. (In Russ.)
3. Vavulinskaja L. I. Special settlers and foreign prisoners of war in Karelia in the mid-1940s and the mid-1950s. *Petrozavodsk*, 2013. 337 p. (In Russ.)
4. Viola L. Peasants' revolt in the era of Stalin: collectivization and culture of peasants' resistance. Moscow, 2010. 367 p. (In Russ.)
5. Viola L. Peasant's GULAG: the world of Stalin's special settlements. Moscow, 2010. 335 p. (In Russ.)
6. Graciozi A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and peasants. 1917–1933. Moscow, 2001. 96 p. (In Russ.)
7. Zakirova V. N. Special settlers in the Ostyako-Vogul (Khanty-Mansi) National District in the early 1930s. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015. No 3 (22). P. 52–57. (In Russ.)
8. Zberovskaja E. L. Special settlers from Western Ukraine in Krasnoyarsk region (from 1945 to the early 1960s): the process of socio-cultural adaptation. *Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2014. No 5. P. 250–254 (In Russ.)
9. Zemskov V. N. Mass release of special settlers and exiles (1954–1960). *Sociological Studies*. 1991. No 1. P. 5–26. (In Russ.)
10. Zemskov V. N. Special settlers in the USSR. 1930–1960. Moscow, 2005. 306 p. (In Russ.)
11. Zmeeva O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibinogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 33–43. (In Russ.)
12. Ignatova N. M. Special settlers in the Komi Republic between the 1930s and the 1950s. *Syktyvkar*, 2009. 192 p. (In Russ.)
13. Kim M. Yu. Social and living conditions of special settlers in the Karaganda coal basin in the 1930s. *Tomsk State University of History*. 2014. No 3 (29). P. 55–62. (In Russ.)
14. Kirillov V. M. History of repression in the Nizhny Tagil region of the Urals. Between the 1920s and the early 1950s. *Nizhny Tagil*, 1996. 226 p. (In Russ.)
15. Krasil'nikov S. A. The sickle and the Moloch. Exile of peasants in Western Siberia during the 1930s. Moscow, 2009. 344 p. (In Russ.)
16. Megill A. Historical epistemology. Moscow, 2007. 480 p. (In Russ.)
17. Moshkin V. V. The deportation of peasants to the North between 1930 and 1933 (studying the materials of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug). *Nizhnevartovsk*, 2009. 189 p. (In Russ.)

18. Nad'kin T. D., Kostin A. A. Peasant's resistance to the policy of collectivization and dekulakization in the territory of Mordovia (between the late 1920s and the early 1930s). *Social and Political Sciences*. 2011. No 1. P. 20–24. (In Russ.)
19. Memory is timeless (Ya. Hishhenko, A. A. Barsamov, Comp.). Apatity, 2015. 227 p. (In Russ.)
20. Let this not happen to the grandchildren. A collection of memories in commemoration of the 80th anniversary of the city of Monchegorsk. (R. P. Gritsaenko, Ed.). Monchegorsk, 2018. 195 p. (In Russ.)
21. Scott J. Weapons of the weak: everyday forms of peasant resistance. *Peasant studies. Theory. History. Present: Almanac*. Moscow, 1996. P. 37–41. (In Russ.)
22. Special settlers in the Khibiny. Special settlers and prisoners in the history of the development of the Khibiny (book of memories). Apatity, 1997. 222 p. (In Russ.)
23. Starostin S. I. Mass deportations and the system of special settlements in the Vologda region in the 1930s–1950s. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2019. Vol. 3. No 1. P. 212–317. (In Russ.) DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-1-4
24. Upadyshev N. V. Special settlers in the Northern region: a conceptual vision of the problem. *Vestnik of Pomor University*. 2005. No 2 (8). P. 24–25. (In Russ.)
25. Fedorova M. I. Peasants' resistance to state reforms – the experience of the XX century. *Omsk Scientific Bulletin*. 2015. No 1 (135). P. 21–24. (In Russ.)
26. Huntington S. Who are we? The challenges to America's national identity. Moscow, 2004. 635 p. (In Russ.)
27. Hibirnogorsk. The memory of the heart. Apatity, 2012. 360 p.
28. [Hirsch M.] What is postmemory. Translation of Marianne Hirsch's article. *Uroki istorii. XX vek*. Available at: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (accessed 31.07.2019). (In Russ.)
29. Shashkov V. Ya. Special settlers in the history of the Murmansk region: commemorating the 65th anniversary of the Murmansk region. Murmansk, 2004. 317 p. (In Russ.)
30. Schneider V. G. Problems of social adaptation of the deported peoples of the North Caucasus in special settlements (between the mid-1940s and the mid-1950s). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*. 2008. No 11 (66). P. 261–269. (In Russ.)
31. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow, 1996. 344 p. (In Russ.)
32. Bauman, Z. Identity. Conversations with Benedetto Vecchi. Cambridge, Malden, 2004. 104 p.
33. Displaced children in Russia and Eastern Europe. 1915–1953: ideologies, identities, experiences. (Nick Baron, Ed.). Leiden, 2016.
34. Hirsch M. The generation of Postmemory: Writing and visual culture after the Holocaust. NY, 2012. 320 p.
35. Hobsbawm E. Are all tongues equal? Language, culture, and national identity. *Living as equals*. (Paul Barker, Ed.). Oxford, 1997. P. 85–98.
36. Somers M. The narrative constitution of identity: A relational and network approach. *Theory and Society*. 1994. No 23. P. 605–629.

Received: 5 August, 2019

НАДЕЖДА ВИКТОРОВНА МАЙКОВА

заведующий отделом учета

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Российская Феде-
рация)

nmaykova@gmail.com

К ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ЯПОНСКОГО ЛУБЯНОГО ТЕКСТИЛЯ: ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ НИТИ

Анализируется история развития традиционного ручного прядения и ткачества из луба в Японии: технологические особенности, причины прекращения традиции надомного ткачества и его трансформация в декоративно-прикладное искусство и часть нематериального наследия национальной культуры, а также маркер национальной идентичности. Цель статьи – познакомить читателя с малоизученными традиционными текстильными технологиями Японии. Ремесло является одним из древнейших в стране, возникло около 9000 лет назад как часть женской надомной работы и вплоть до XVII века служило основным источником одежды для простых японцев. С распространением хлопка в эпоху Эдо лубяной текстиль отошел на второй план, сохранившись в удаленных от крупных торговых и экономических центров местностях, и практически в неизменном виде просуществовал до наших дней. В статье приведены основные характеристики лубяных волокон, наиболее архаичного материала для ручного ткачества Японии, особое внимание уделено двум наиболее распространенным растениям: конопле и крапиве-рами. Также автором описаны технический инструментарий и основные этапы производства базового текстильного элемента – лубяной нити: заготовка сырья и извлечение луба с учетом особенностей волокон различных растений, способы связывания нити как пример локальной вариативности ремесла, сучение нити. При написании статьи были использованы не только малоизвестные зарубежные научные материалы, но и результаты полевых исследований автора 2005–2006 годов.

Ключевые слова: конопля, лубяное волокно, рами, Япония, текстиль, традиционное ткачество, национальная идентичность

Для цитирования: Майкова Н. В. К истории традиционного японского лубяного текстиля: технология создания нити // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 111–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.420

ВВЕДЕНИЕ

При всей популярности в России японского традиционного текстиля технология его производства слабо отражена в русскоязычных исследованиях. По большей части это разрозненные сведения, которые носят второстепенный характер по отношению к основной теме работы. На японском и европейских языках (преимущественно английском) тема освещена более подробно. Особое внимание, как правило, уделяется историческому и социально-культурному аспекту использования текстиля, трактовке символики, хотя есть и работы по технологии производства отдельных видов тканей. В частности, прекрасным примером такого исследования может служить хорошо иллюстрированная книга-альбом «Shibori» 1983 года по производству тканей, окрашенных в резервной технике [6].

Что касается традиционного лубяного текстиля Японии, то в силу своего периферийного положения на текстильной арене он редко попадает в фокус внимания исследователей. Его изучение проводилось преимущественно в пределах страны, поэтому большинство текстов существует исключительно на японском языке.

Из монографических работ, посвященных лубяному текстилю Японии и соседних стран, осо-

бо следует выделить труд профессоров Г. Нагано и Н. Хирои «Base to tip: Bast fiber weaving in Japan and its neighboring countries», опубликованный в 1999 году на японском и английском языках [7]. Он представляет собой результат полевой работы авторов в тихоокеанском регионе, начало которой было положено в 1976 году и продолжалось вплоть до конца 1990-х годов. Ценность монографии еще и в том, что оба автора являются профессиональными ткачами, поэтому они зафиксировали многие важные в технологическом отношении нюансы производства нити, самого слабоизученного аспекта японского лубяного ткачества.

В этом же ключе интересен изданный в 2003 году сборник статей С. Ёсиока, посвященных различным центрам ткачества из лубяного волокна «Nihon-no shizenfu» («Японская одежда из натуральных материалов») [12]. В сборник включены промыслы, представленные в работе Г. Нагано и Н. Хирои, что позволяет рассмотреть их под другим углом зрения и в историческом развитии.

Автором целого ряда публикаций по истории и технологии создания традиционного японского, айнского и индонезийского текстиля и ткацкого инструментария является профессор Осацкого

этнологического музея С. Ёсимото. Он оказал неоценимую помощь автору в интерпретации приспособлений для создания нитей и ткани и способов их применения.

Каталоги выставок и коллекций японского текстиля часто содержат детальную информацию по технологическому процессу создания ткани, особенностям ее декорирования. В частности, каталог выставки «Textiles across the seas» подробно рассказывает о текстильных промыслах префектуры Окинава, особенно о традиционных икатах из крапивы-рами, являющихся символом региона [11].

Информацию о нитепроизводстве можно найти в изданиях локальных центров традиционного ткачества. Чаще всего они представляют собой результат общественной инициативы по сохранению местного промысла, содержат сведения по локальным особенностям технологии, опираются на малоизвестные региональные источники и фиксируют устную традицию. В числе таких изданий необходимо упомянуть «Tango-no fujiori» («Ткачество из волокон глицинии на полуострове Танго») [10]. К сожалению малый тираж и узкая специализация делают эти издания практически неизвестными за пределами отдельно взятой местности. Многие брошюры написаны мастерами-ткачами, а не профессиональными историками, поэтому к историческим данным в их текстах следует подходить с осторожностью. Кроме печатной продукции вышеупомянутые центры популяризируют и ремесло через видеоматериалы и мастер-классы.

Информация по самому базовому элементу традиционного лубяного ткачества – текстильным растениям Японии, за исключением таких общеизвестных видов, как рами, – слабо известна даже специалистам. Множество людей приезжают в Киото полюбоваться майским цветением глицинии, не подозревая, что эта лиана упоминается еще в поэтической антологии VIII века «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») как источник волокон для тканей [1: 86]. Детальную информацию по физическим характеристикам различных растительных волокон содержит издание «Fibre plants» (серия «Plant Resources of South-East Asia») [5]. В него включены подробные ботанические описания, информация по ареалу распространения, происхождению, физическим характеристикам, особенностям выращивания, сбора, обработки и использования волокнистых растений Юго-Восточного региона, в том числе малоизвестных.

Важные сведения по археологическому текстилю с прекрасным описанием шелковых, растительных и животных натуральных волокон, с результатами химического анализа и детальной фотофиксацией содержит работа профессора Дж. Нуномэ «Before your eyes. The archaeology

of Fiber» на японском и английском языках [8]. Данные по дикорастущим лубяным растениям приходится собирать буквально по крупичкам, включая неспециализированную литературу, как, например, «The Book of Kudzu» [9]. Кудзу – это японское название пуэрарии дольчатой, известной преимущественно в медицине и кулинарии.

В настоящей статье используются малоизвестные в отечественной науке зарубежные исследования по технологии создания лубяного текстиля Японии. Также обобщены результаты собственной научной и практической работы автора, включающей изучение связанных с ткачеством коллекций различных музеев Японии, беседы с информантами, практические занятия в центрах традиционного ткачества и частных мастерских по сбору, обработке сырья, созданию лубяной нити, ткачеству и декорированию готового изделия. Полевая работа велась в 2005–2006 годах в рамках гранта Японского фонда под общим руководством профессора С. Ёсимото. Территориально исследование проходило в районах Кансай, Канто и Тюбу, префектурах Фукусима, Ниигата, Хоккайдо, а также, совместно с профессором Н. Хирои, на южных островах префектуры Окинава. Это дало возможность автору сравнить актуальное состояние промыслов с результатами исследований других авторов во второй половине XX века. Традиционные технологии в создании текстиля представляются неизменно актуальной темой для исследования в условиях существующего в Японии интереса к сохранению и возрождению собственного культурного наследия и его интеграции в современную жизнь страны.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РУЧНОГО ПРЯДЕНИЯ И ТКАЧЕСТВА В ЯПОНИИ

Ручное прядение и ткачество всегда были важной составной частью традиционного японского быта, тесно связанной с религиозными и эстетическими представлениями японцев и культурой повседневности. Эти ремесла существуют с глубокой древности, когда на территории будущей Японии смешивались миграционные потоки с материка и других островов, создавая новую нацию. Переселенцы принесли свои способы обработки луба, создания нити и текстиля. В ходе адаптации этих разработок под местные реалии сложились оптимальные технологии, идеально вписанные в климатические и социально-бытовые условия, а также обладающие ярко выраженным этническим колоритом.

Самым базовым элементом ткани является нить. От ее характеристик напрямую зависят свойства готового изделия, а качества нити, в свою очередь, определяются исходным сырьем. Традиционно на территории Японских островов использовали волокно стеблей растений – луб, а также шелк и хлопок.

Первоначально текстиль из луба был домо-тканым. Все этапы производства (сбор или выращивание волокнистых растений, кручение нити, ткачество, крашение, шитье) являлись частью повседневной женской работы. Природные условия северных районов Японского архипелага диктовали сезонный характер работ: весна и лето – выращивание культурных текстильных растений, конец весны и лето – сбор дикорастущих, осень и зима – нитепроизводство, ткачество, крашение и отбеливание. Для южных районов с круглогодичной вегетацией сезонность работ слабо выражена.

До распространения хлопка (XVII век) лубяной текстиль служил основным материалом для одежды сельского и городского населения, ремесленников и торговцев. Параллельно существовали центры производства элитных и дорогих тканей для знати, например, двойных икатов *этиго дзёфу*. *Дзёфу* означает тонкую и высококачественную ткань из рами или конопли. Обычно этот термин используют с названием района производства, например, провинция Этиго, или остров Мияко, или город Одзия. В этих местностях экономика многих хозяйств была напрямую связана с различными аспектами промысла, поэтому изготовление нити, крашение и ткачество рано оформились как отдельные профессии, в том числе мужские.

Покрой японской традиционной одежды достаточно универсален, но выбор материала, ткацкого переплетения, цвета, декора и аксессуаров передавал окружающим информацию о поле, возрасте владельца, семейном положении, общественном статусе, о его привычках и вкусах, а также о принадлежности к определенным социальным группам. Технический текстиль широко применялся при создании ширм и занавесей, которые вместо стен разделяли пространство японского дома, баннеры рекламировали товары или извещали о проходящих мероприятиях. Для транспортировки и хранения в ткани заворачивали ценные предметы быта, произведения искусства, принадлежности буддийского и синтоистского культа.

СОСТАВ И ОСНОВНЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛУБА

Луб является древнейшим источником сырья в Японии. Самые ранние сохранившиеся образцы и отпечатки текстиля на сосудах относятся к началу эпохи Дзёмон (7500–300 лет до н. э.) [8: 268, 300]. Пригодное для создания текстиля волокно представляет собой слой веретенообразных клеток целлюлозы, расположенный между корой и сердцевинной растением. У деревьев и древесных лиан (вяз, липа, глициния) этот слой отчетливо выражен и называется лубом или флоэмой. У травы (конопля, крапива, рами) он более тонок

и состоит из множественных лубяных пучков. Целлюлозные волокна переплетены между собой и склеены лигнином, органическим полимером, отвечающим за одревеснивание стенок растения, а также растительными полисахаридами: гемицеллюлозой и пектином. Чем выше содержание целлюлозы в лубе, тем выше ценность полученного волокна.

Основные достоинства луба: износостойкость, высокая сопротивляемость гниению и воздействию соли, низкая гигроскопичность, приятный шелковистый блеск, а также дешевизна и доступность сырья. Ткань не липнет к телу, прохладна на ощупь, поэтому прекрасно подходит для жаркого и влажного японского лета. Из недостатков можно назвать жесткость волокна, низкую теплоизоляцию, которая делает лубяной текстиль некомфортным в носке в холодную погоду, слабую восприимчивость к красителям, ломкость при пересушивании, а также склонность к расщеплению и отслоению мелких волокон при трении, что приводит к «махристости» нитей.

Традиционно в Японии источниками луба служили окультуренные травы: рами (лат. *Boehmeria* sp.) и конопля посевная (лат. *Cannabis sativa* sp), а также различные дикорастущие растения: липа японская (лат. *Tilia japonica*), глициния (лат. *Wistéria* sp.), пуэрария дольчатая (лат. *Pueraria lobata*). На Окинаве популярен банан японский (лат. *Musa basjoo*), в национальной традиции он причислен к лубоволокнистым текстильным растениям, хотя сырьем служат образующие «стебель» черешки листьев. Айны Хоккайдо изготавливают одежду из вяза разрезного (лат. *Ulmus laciniata*). Независимо от вида растения, в Японии используются собирательные термины для лубяных волокон и текстиля из них: *аса* и *нуно*. *Аса* также обозначало наиболее популярное текстильное растение в конкретной местности в определенный исторический период. Чаще всего в этой роли выступали конопля или рами. Размытость терминологии, практика попеременного выращивания на одном поле различных технических культур и взаимозаменяемость материалов затрудняют идентификацию исходного сырья по письменным источникам, а состояние сохранности музейных предметов также не всегда позволяет сделать однозначный вывод. С уверенностью можно утверждать о происхождении материала только при наличии результатов лабораторного исследования. Существуют еще региональные специфические названия, например *канпу* для ткани из пуэрарии.

Рассмотрим отдельно характеристики двух самых известных культивируемых лубоволокнистых растений Японии.

Конопля (японское название *тайма*) – однолетняя двудомная трава с прямостоячим ветвистым стеблем, разной высоты: в префектуре

Тотики, центре производства самой качественной пеньки, оно достигает оптимальных для развития волокна 1,5–2,1 м [4: 298]. Поскольку японцы получают нить путем связывания концов отдельных волокон, то чем выше растение, тем длиннее волокно и тем меньше узлов на готовой нити, нарушающих ее гладкость и препятствующих скольжению при ткачестве. Однако луб созревает по мере роста растения: если собрать его слишком рано с коротких стеблей, нить получится слабой, если с переросших стеблей – нить утратит гибкость.

В среднем прочность волокна конопли как у льна, но жесткость значительно выше из-за большого содержания лигнина (3–4 %), износостойкость в ряду других растительных волокон средняя. Содержание α -целлюлозы составляет 62–67 %. Альфа-целлюлозой условно называют часть целлюлозы, не растворимую 17,5%-ной NaOH при 20 °C. Это техническое понятие, характеризующее степень разрушения материала и позволяющее сделать вывод о его пригодности к обработке. Разрывное натяжение нити 690 Н/мм², разрывное удлинение – 1,6 % [5: 29–32]. Цвет волокон, извлеченных вручную, варьируется от кремового до кофейного, на ощупь они гибче и мягче полученных в результате машинной срезки, нить из них получается более послушной и, по словам одного из мастеров, «имеет характер», поэтому ручная работа ценится ремесленниками выше.

Ра́ми (бёмерия снежная, китайская крапива, японские названия: общеупотребительное *карамуси*, *тёма* – название, бытующее в северо-западной Японии, и окинавское чтение тех же иероглифов – *бу*). Это многолетняя трава с прямостоячим неветвистым стеблем 1,5–2,0 м в высоту. В Японии чаще всего выращивают разновидности «белая рами» (со светлыми волосками на внутренней стороне листа) и «зеленая рами» (с зеленой внутренней стороной листа), незначительно различающиеся по характеристикам. Есть и множество дикорастущих видов, которые сосредоточены главным образом в районе острова Кюсю и южного Хонсю. Наиболее известными центрами выращивания рами и производства тканей являются деревня Сёва в префектуре Фукусима, остров Мияко в префектуре Окинава.

В целом волокно рами тонкое, прочное, блестящее и износостойкое, холодного белого цвета или белого с зеленоватым отливом. Содержание α -целлюлозы выше, чем у конопли, – 69–91 %, а содержание лигнина очень низкое – 1 %, что обеспечивает большую, чем у конопли, легкость обработки. Рами почти не подвержена гниению, по разрывному натяжению нити (400–940 Н/мм²) превосходит хлопок и лен. Разрывное удлинение выше, чем у конопли и льна (3,6–3,8 %). Полу-

чаемые нити по тонкости не уступают шелку, хорошо отбеливаются на снегу или в смеси морской и пресной воды. Однако показатель эластичности у них ниже, чем у хлопка, а гибкости – чем у льна. Вследствие этого ткани из рами жесткие, подвержены образованию заломов и разрывам на сгибах [5: 29–32, 86–87].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ СЫРЬЯ

1. Сбор сырья (*сайсэн*)

Производится в зависимости от степени готовности луба конкретного растения, в сухую ясную погоду. В частности, коноплю собирают в конце июля – первых числах августа, когда стебли достигнут нужной высоты (1,8 м). Луб липы и глицинии срезают во время сокодвижения, когда кора легко отделяется от ствола. У травы обрезают макушку и корни, у лиан выбирают ровные побеги около 1,5–2 м длиной (единица измерения, как правило, – расстояние между разведенными в стороны руками), древесный луб молодых деревьев (около 7 лет) срезают вместе с корой широкими пластами. Сырье сортируют на месте. Лучшие волокна пойдут на изготовление одежных тканей, среднего качества – на изготовление технического текстиля и кордажа. Если процедура очистки волокна откладывается по каким-либо причинам, например до окончания прочих сельскохозяйственных работ, то стебли или кору с лубом предварительно сушат в тени, в хорошо проветриваемом помещении (на свету волокно становится жестким).

Процент лубяного волокна по отношению к удельному весу собранного сырья достаточно низкий. Например, чтобы получить 1 кг луба пуэрарии, необходимо собрать около 50 кг лиан. В разгар страды сборщик может собрать в день около 110 кг сырья [9: 74], [12: 40]. По устному сообщению г-на Т. Мурай, хозяина ткацкого кооператива «Оигава каппу», сырье, достаточное для изготовления нитей на одно кимоно, собирается в течение трех лет.

Свойства исходного материала играют определяющую роль в процессе извлечения луба. По сложности и длительности (от двух-трех дней до нескольких недель) обработки растения можно условно разделить на три группы:

- 1) Травы (ра́ми, конопля). Лубяной слой легко отделяется, примеси быстро удаляются механическим способом. Для ускорения процесса задействуют обваривание и/или непродолжительное вымачивание в природных водоемах.
- 2) Травянистые лианы (пуэра́рия). При отделении волокна от стебля требуют больше усилий, чем травы. Вместе с механическими активно используются химические

способы удаления примесей (обваривание, длительное вымачивание, ферментирование стеблей и луба).

- 3) Деревянистые лианы, деревья (глициния, липа японская, вяз разрезной). Волокно с трудом отделяется от стебля и коры, требует серьезной термической и химической обработки (длительное вымачивание и вываривание в щелоке).

При сборе сырья всегда маркируют направление роста волокон, поскольку дальнейшая работа по извлечению луба и созданию нити должна двигаться в направлении от корней (*мото*), где волокно более мощное, грубое, к верхушке (*атама*) с более слабым и тонким волокном. Нарушение это принципа приводит к расслоению волокон, в конечном итоге – к неровности, «махристости» и разрывам нитей. Термины *мото* и *атама* являются наиболее распространенными, однако существуют локальные варианты. Например, в префектуре Тотиги для верхушечной части используют слово *ура*, а в деревне Камисэя (префектура Киото) – прикорневую часть называют *суэ*.

ТЕКСТИЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Для выращивания, сбора сырья и обработки луба обычно применяется стандартный агротехнический инвентарь: короткие косы-*кама* для срезания трав и разрезания сегментов древовидных лиан, деревянные молотки для разбивания коры и отделения ее вместе с лубом от сердцевины ствола, тазы для замачивания, котлы для вываривания древесного луба и т. д.

Скребки для луба травянистых растений дифференцированы по местностям. На острове Мияко пользуются створкой ракушки, слегка подпиленной для удобства держания (волокно обрабатывают на весу). Аналогичный по функции инструмент в префектуре Фукусима выполнен из трапецевидного куска стали с деревянным держателем и используется в комплекте с деревянной доской и корытцем с двумя вертикально вмонтированными металлическими штырями (об использовании приспособления будет рассказано чуть ниже). Скребок для конопли в префектуре Тотиги представляет собой дугообразно согнутый железный прямоугольник. С начала XX века для пеньки используются также декортикационные станки. В 2006 году на ферме по выращиванию конопли в городе Канума (префектура Тотиги) хозяин фермы, г-н К. Сакамаки, продемонстрировал подобное устройство, а также образцы волокна, полученного ручным и машинным способом. Поскольку конопля содержит сравнительно мало лигнина, механическая обработка существенно ускоряет работу и обходится дешевле. Тем не менее получаемое волокно более толстое и грубое и име-

ет менее выраженный блеск, чем отделенное вручную.

Некоторые инструменты – одноразовые, изготавливаются на месте из подручного материала. Например, *кокибаси* (приспособление для полоскания волокон, о применении будет рассказано далее) представляет собой два колена тонкого бамбука, соединенные помещенным в них скрученным листом бамбука. Связывание волокон в нить не требует особых приспособлений, кроме небольшой бадьи, в которую кольцами укладывается готовая нить.

Конструкция сучильной машины *итогурума* единообразна для различных местностей Японии и представляет собой длинную горизонтальную планку, на одном конце которой установлено колесо с ручкой для вращения, на другом – стойка для веретена.

Катушки, приспособления для мотания нити и ткацкие станки, как наспинные (более ранние), так и педальные (более поздние), в большей степени универсальны во всех областях страны.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ НИТЕПРОИЗВОДСТВА

1. Обработка сырья (*сайсэн*):

- отделение лубоволокнистой части растения;
- удаление примесей в лубе;
- смягчение (только для древесного луба и древесных лиан);

2. Изготовление единой нити (*итоуми*):

- разделение волокон на длинные тела;
- создание элементарной нити (скручивание, связывание);
- сучение (на сучильной машине *итогурума*).

При кажущейся простоте технологического процесса есть множество факторов, без учета которых готовая нить будет непригодна для работы. В зависимости от природных особенностей местности и свойств сырья в каждом регионе были разработаны собственные методики работы с материалом, знание которых зачастую позволяет установить происхождение изделия.

1. Обработка сырья (*сайсэн*)

Для лубяных волокон с низким содержанием лигнина и прочих примесей (рами) достаточно просто замочить стебли в воде на несколько часов, потом надрезать кожицу с одного конца, снять ее, как чулок, со стебля и скребком счистить верхний слой в направлении от *мото* к *атама*. В деревне Сёва для этого используют неглубокое корытце, в которое под наклоном вбиты два металлических стержня. Перед ними лежит прямоугольная досочка с небольшим валиком на противоположном конце от стержней. Полоску волокна с корой укладывают на досочку, короткой стороной на валик, длинный конец направляют за стержни. Быстрыми, скользящими движениями скребка счищают кожицу. Готовое

волокно сушат и скручивают в овалы, по форме похожие на традиционные японские сандалии.

Тресту конопля для отделения лубяного слоя и удаления примесей обваривают и вымачивают в естественных водоемах. Вода растворяет часть примесей, а содержащиеся в ней бактерии перерабатывают пектиновые вещества, тем самым разрушая соединительные ткани растения и высвобождая устойчивое к процессам гниения целлюлозное волокно луба.

Стебли пуэрарии вымачивают несколько часов в воде, потом обваривают и стимулируют развитие бактерий в специальных травяных парниках *муро* (эта процедура называется *хакко*) до появления специфического гнилостного запаха и свободного отделения коры от стебля. Частицы коры и костра потом легко удаляются при промывании в проточной воде.

Луб древесных лиан и деревьев помимо вымачивания обязательно требует термической обработки: вываривания в течение нескольких часов в растворе золы (процесс называется *ниру*). После чего волокно промывают в проточной воде (*араи* или *коки*) вручную или с помощью *кокибаси*: зажимая между коленцами волокно, мастер с силой проводит по пряже, отжимая воду и примеси.

Очищенные волокна высшего сорта глицинии и пуэрарии после вываривания вымачивают в растворе *нука/комэнука* – рисовых отрубей: их масла возвращают волокнам утраченные во время варки блеск, мягкость и гладкость [8: 75], [10: 23], [12: 22].

2. Изготовление единой нити (*итоуми*)

Отсутствие прядения из кудели – отличительная особенность традиционного производства лубяной нити в Японии (и Восточной Азии в целом). Процесс расщепления и связывания волокон – очень длительный и трудоемкий, но не требует никаких дополнительных инструментов, нужны только руки мастера и его опыт. На острове Мияко мастерицы шутят, что только женщина старше семидесяти лет становится способна делать по-настоящему тонкую нить.

Берут столько луба, сколько могут использовать за день, окунают в воду, чтобы повысить предел прочности, отжимают/кладут на снег, чтобы избавиться от излишков влаги. В каждой местности существуют свои способы упорядочивания лубяных полос перед работой, чтобы избежать их спутывания: затыкание за пояс или в расщепленный ствол бамбука, раскладка на ткани, уложенной на колени, и т. д. Каждую полосу последовательно разделяют вручную на длинные волокна (элементарные нити), в направлении от *мото* к *атама*, а затем соединяют в готовую нить, которая может быть как одинарной, так и состоять из двух параллельных волокон. Самым распространенным способом является расщепление волокон при помощи ног-

тя. В центральной Японии полосу луба сначала кладут на левую ладонь между большим пальцем и указательным, чтобы конец *атама* свисал с другой стороны ладони, и, прижимая большим пальцем, другой рукой разделяют полосу на более тонкие волокна, укладывая их по одному между остальными пальцами левой ладони. В префектуре Тотиги раньше использовали гребень для чесания конопля.

Когда одна из элементарных нитей заканчивается, к ней подвязывают/прикручивают новое волокно, соблюдая принцип состыковки *атама* предыдущего волокна с *мото* последующего. При нарушении этого принципа в местах соединения нить получится слишком толстой или слишком тонкой. Узел затем подкручивают, заправляя торчащие кончики. Способы соединения являются своеобразной визитной карточкой регионального промысла. В городе Муикамати (префектура Ниигата, ткань *этиго дзёфу*) для будущего утка скручивают концы волокон вместе, выкладывают в направлении новой нити, скручивают все вместе сначала Z-круткой, потом S-круткой. Затем либо привязывают торчащие кончики к нити (способ *мусубиссо*), либо вставляют их в небольшой расщеп новой нити и подкручивают сначала Z-круткой, потом S-круткой (способ *хасамиссо*). В деревне Кайда (префектура Нагано, ткань *таймафу*) уток изготавливается из двух сложенных параллельно волокон конопля. Новое волокно подкручивается к одной нити Z-круткой, затем S-крутка соединяет все волокна в одну нить [7: 132–135, 150]. Поскольку *итоуми* практически не поддается механизации, то традиционный японский лубяной текстиль, произведенный на дому или в мастерской, является результатом ручного труда.

Готовую нить укладывают в корзинку или бадью, на дно которой обычно насыпаны камушки или бобы для утяжеления, и обязательно отмечают начало нити (например, колечком из волокон). Когда в конце работы заполненную бадью переворачивают, начало нити оказывается сверху.

Далее, в зависимости от назначения пряжи, ее могут использовать в неизменном виде (например, для утка декоративной ткани), сучить на специальной машине *итогурума* (нити основы для различных видов текстиля), окрашивать целиком или выборочно (нити для икатных тканей).

Сучение (*ёрикакэ*) производится на вышеупомянутой *итогурума*. Мастер сидит к машине правым боком, правой рукой вращает ручку назад. С левой стороны от него находится емкость с некрученой нитью, левой рукой он держит нить на веретене. Роль веретена обычно исполняет полая конопляная/бамбуковая/рисовая соломинка, в расщеп которой заправляют нить. Диаметр одного веретена с намотанной нитью составляет около 7 см. Сучение призвано упрочнить нить

и выровнять утолщения на местах соединения [5: 347]. Уток сучат слабее, поскольку он не должен выдерживать натяжение на ткацком станке.

Автору не доводилось видеть сучение нити вручную, в литературе также упоминаются только механические приспособления. Очевидно, *итогурума* очень рано вошла в ткацкий инструментарий японцев.

В городе Какэгава (префектура Сидзуока, ткань *каппу*) в настоящее время сучение нити не производится, пряжа используется преимущественно как уток для обоев и декоративного текстиля с хлопчатобумажной, шелковой основой или нитями рами машинной крутки. Поэтому готовую нить сразу сматывают в мотки для ткацких челноков, используя палочки для еды, вокруг которых «восьмеркой» навивается нить. Готовый моток весит около 10–12 гр. В среднем мастер может изготовить 9 мотков за день.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОТОВОЙ НИТИ

Готовые лубяные нити в дальнейшем многократно перематывают, рассчитывая количество пряжи на будущую ткань. Используют ручные орудия, стационарные и вращающиеся, размеры которых служат мерилем длины пряжи. В частности, пряжа рами отмеряется и продается по 10 и 12 *ёми*, что составляет 60 м и 72 м соответственно. Для получения 1 *тан* (около 13 м, отрез полотна на одно кимоно) требуется 50 *ёми*. Это норма производства нитей для одного человека в течение 3 месяцев [11: 185].

Нити для производства икатов (*касури*) перед тканьем перевязываются согласно узору, окрашиваются (обычно с помощью индиго). На ткацком станке непрокрашенные области (зачастую не более 1 мм в диаметре) совмещаются, образуя тонкий изящный рисунок. Так делают знаменитые двойные икаты *этиго дзёфу* и *мияко-дзёфу*.

Чтобы избежать «махристости» и ломания нитей, перед тканьем их шлихтуют – покрывают специальной пастой (*нори*) для снижения трения волокон друг об друга и о детали станка. Материалом для *нори* служит рисовый, бобовый или картофельный крахмал, гречишная мука, водоросли. Пропорция с водой обычно составляет 1:1. На Окинаве используют также свиное сало [11: 189].

ПРИЧИНЫ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ДОМОТКАНОГО ЛУБЯНОГО ТЕКСТИЛЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЫСЛА В ОБЪЕКТ «НЕМАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ»

На протяжении своего развития традиционный лубяной текстиль трижды оказывался на грани исчезновения. Как уже было сказано выше, после знакомства страны с хлопком (более комфортным в носке, легким в производстве и окрашке материалом) спрос на текстиль из лубяных

волокон, особенно одежный, значительно упал. Многие крестьянские хозяйства и ремесленные мастерские перепрофилировались на производство хлопка-сырца, хлопчатобумажной пряжи и тканей. В социальной стратификации луб занял полярные позиции: с одной стороны, грубый текстиль натуральных хозяйств в удаленных горных областях и промыслов, связанных с морем (включая сети, кордаж, костюмы ныряльщиц), с другой – роскошные тонкие полупрозрачные ткани накидок – *камисимо* и летних кимоно – *катабира* высших слоев общества. Из нитей конопля и рами также ткали подкладки доспехов и белые траурные одежды, поскольку эти растения в древности воспринимались как сакральные и играли важную роль в очистительных ритуалах и подношениях богам.

Экономически более перспективное и востребованное производство шелковых и хлопчатобумажных тканей стремительно механизировалось и распадалось на отдельные специализации. Поскольку лубяные волокна как текстильное сырье отошли на второй план, технологический процесс модернизировался значительно более медленными темпами, что позволило сохранить традиционные методы работы с материалом вплоть до конца XX века. Однако то же периферийное положение препятствовало письменной фиксации знаний, а соответственно, составлению полной картины развития лубяного текстиля.

Второй кризис спровоцировало открытие страны в 1868 году и ее вовлечение в общемировую политику и экономику. В Японию хлынул поток западных товаров и технологий. Рынок наполнили дешевые импортные пряжи, ткани и одежда массового производства. Смена культурной парадигмы в сторону западного образа жизни привела к тому, что многие предметы вышли из обихода и тем самым утратили свою функциональность. Покупателям было не выгодно тратить деньги на вручную созданные лубяные ткани, а ремесленникам и домохозяйкам – тратить время на их изготовление. Старейший в стране текстиль вторично оказался на грани исчезновения.

Тем не менее в противовес ориентации на западную идеологию и культуру с начала XX века в японском обществе нарастала тревога за будущее традиционной культуры, сохранение национальной идентичности и в целом – независимости страны. Набирающая темпы индустриализация, менявшая привычный уклад жизни, экономическая и политическая зависимость от западных стран усиливали ностальгию по традиционной Японии. Эти настроения привели к возникновению различных течений, связанных с традиционным мировоззрением. Наиболее значительным из них с точки зрения сохранения культурного наследия стало

движение «Народное искусство» (*мингэй*). Его участники развернули кампанию за сохранение традиционных ремесел и объектов народного творчества, обратили внимание общества на ценность и красоту обыденных вещей, созданных безымянными ремесленниками. Им удалось замедлить угасание традиционного ткачества через усиление его популярности в роли символа национального духа. Благодаря *мингэй* после Второй мировой войны были открыты 15 музеев народного творчества (в дополнение к открытому в 1936 году Музею народного искусства – *Мингэйкан*). Они коллекционировали образцы текстиля как произведения декоративно-прикладного искусства, документировали историю и технологию ремесла.

Однако начавшийся процесс глобализации продолжал набирать обороты на протяжении всего XX века. Третий кризис был по сути продолжением второго, дополнительным катализатором стала Вторая мировая война. Она нанесла серьезный ущерб экономике страны, привела к значительной миграции населения, разрушила преемственность в передаче знаний и навыков от матери к дочери, от мастера к ученику и еще больше усилила прозападные тенденции. В послевоенное время стало легче купить дешевую и современную одежду в магазине, а освободившееся время потратить на более высокооплачиваемую работу, обучение, общение с семьей, отдых и развлечения, чем тратить долгие часы на прядение и ткачество. Свою лепту внесли политики: проамериканское послевоенное правительство в рамках борьбы с распространением наркотиков издало в конце 1940-х – начале 1950-х годов ряд законодательных актов [2], которые фактически уничтожили традиционное производство одежного пенькового текстиля. В настоящее время выращиванием сырья для технического текстиля занята лишь малая часть фермерских хозяйств, производство дмотканого текстиля прекратилось полностью, осталось несколько мастеров, которые используют импортные и, гораздо реже, местные конопляные нити в ткачестве.

К концу XX века исследователи отмечают прекращение традиции производства дмотканого лубяного текстиля как части женской повседневной работы [7: 346–347]. Тем не менее лубяной текстиль как ремесленный продукт к этому времени уже занял позицию важного элемента традиционного наследия. В Законе о поощрении

традиционных промыслов № 57 от 1974 года, в статье 2, были определены критерии изделия традиционного промысла: применение в повседневной жизни, ручное производство, традиционность техники (более 100 лет применения), традиционность материалов, наличие регионального центра производства [3]. На уровне законодательства, общенационального и регионального, ремесла закреплялись как важные аспекты национальной культуры, что позволяло им получать поддержку от государства. Производство лубяного текстиля прекрасно вписалось в установленные рамки. Статус «Важных объектов нематериального культурного наследия» приобрели такие промыслы, как уже упоминавшиеся *мияко дзёфу* (1978 год) и *этиго дзёфу* (1955 год). Ткани из глицинии с полуострова Танго (*Танго фудзифу/Танго фудзиори*) получили признание сначала как «Нематериальное наследие народной культуры префектуры Киото» (1999 год), потом как «Традиционное ремесло префектуры Киото» (2001 год), в 2010 году ткани и технология производства, включая инструментарий, удостоились звания «Важного национального объекта нематериального культурного наследия». Повышение статуса обязательно предусматривало письменную и аудиовизуальную фиксацию традиционного технологического процесса, который не менее ценен в Японии, чем конечный продукт промысла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лубяное волокно в Японии является наиболее древним текстильным сырьем. На протяжении исторического развития страны его популярность постепенно падала, уступая место другим материалам. Технология его обработки сохранилась до наших дней практически в неизменном виде. Благодаря усилиям энтузиастов и поддержке правительства промыслы по производству традиционного лубяного текстиля по старинным технологиям существуют сейчас, став маркером национальной идентичности, трансформировавшись из подсобного занятия, призванного обеспечить семью одеждой, в элитное искусство, с упором на естественность и экологичность создаваемых произведений. Мастера, занятые в производстве лубяного текстиля, зачастую имеют высшее технологическое образование и активно экспериментируют, превращая традиционные ремесла в открытое для инноваций живое пространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манъёсю («Собрание мириад листьев»). М.: Главная редакция восточной литературы, 1971. Т. 1. 679 с.
2. Cannabis Control Act 1948. Available at: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?re=2&dn=1&x=0&y=0&co=1&ia=03&yo=&gn=&sy=&ht=&no=&bu=&ta=&ky=cannabis+control+law&page=5> (accessed 29.05.2019).
3. Dentouteki kougeihin sangyou-no shinkou ni kansuru houritsu Available at: http://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=349AC1000000057 (伝統的工芸品産業の振興に関する法律) (accessed 29.05.2019).

4. Dewey L. H. HEMP // Yearbook of the United States Department of Agriculture / United States. Dept. of Agriculture. Washington: U. S. Govt. Print. Off., 1914. P. 283–346.
5. Fibre plants. Leiden: Backhuys Publishers, 2003. 456 p.
6. Iwamoto Wada Y., Rice M. K., Barton J. Shibori. The inventive Art of Japanese Shaped Resist Dyeing. Tradition-Techniques-Innovation. Tokyo; NY; London: Kodansha International, 1999. 303 p.
7. Nagano G., Hiroi N. Base to tip: Bast fiber weaving in Japan and its neighboring countries. Kyoto: Shikosha, 1999. 378 p. (長野五郎/ひろいのぶこ. 織物の原風景 樹皮と草皮の布と機. 京都: 紫紅社, 1999. 378ページ).
8. Nunome J. Before your eyes. The archaeology of Fiber. Kyoto: Senshoku to Seikatsusha, 1992. 314 p. (布目 順郎. 目で見える繊維の考古学 繊維遺物資料集成. 京都: 染織と生活社, 1992. 314 ページ).
9. Shurtleff W., Aoyagi A. The Book of Kudzu: A Culinary & Healing Guide. Brookline: Autumn press, 1977. 109 p.
10. Tango-no fujiori. Kyoto: Tango fujiori hozonkai, 2007. 38 p. (丹後の藤織. 京都: 丹後藤織り保存会, 2007. 38 ページ).
11. Textiles across the seas. Tokyo: Textiles across the seas executive committee, 2002. 284 p. (織の海道. 東京: 織の海道実行委員会, 2002. 284ページ).
12. Yoshioka S. Nihon-no shizenfu. Heibonsha, 2003. 143 p. (吉岡幸雄日本の自然布. 平凡社, 2003. 143ページ).

Поступила в редакцию 20.04.2019

Nadezhda V. Maykova, Head of Collection Management Department, Peter the Great Museum
of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russian Federation)
nmaykova@gmail.com

HISTORY OF JAPANESE BAST FIBER TEXTILE: THREAD MAKING

The paper studies the stages of traditional handmade bast fiber textile production development: its technological characteristics, the reasons for the decay of home weaving traditions, as well as its transformation into a decorative art, part of intangible national cultural heritage, and a national identity marker. The aim of the article is to introduce little-studied traditional Japanese textile techniques to readers. Bast fiber textile production started approximately 9000 years ago as women's household chore, and until the Edo period bast fiber was the main cloth material for the commoners. It lost its leading position to cotton by the XVII century, and remained an auxiliary production in the remote areas until the XX century, when westernization and globalization with the cheap mass market cloths rendered homemade textile economically impractical. The textile, however, survived, not least because of the persistent efforts of the Mingei folk art movement, as elite, high quality, and eco-friendly textile, and became part of Japanese intangible cultural heritage. The article also describes the properties of various bast fibers in relation to cloth making, as well as the traditional stages of thread making – from collecting raw materials to extracting fibers and connecting them into continuous thread via ply-joining. The very cell structure of plant emphasizes the importance of fibers direction and dictates the methods of fiber processing. Ply-joining is the best way of dealing with bast fibers, and since it cannot be mechanized, it became a capstone for all Japanese traditional crafts using bast fiber.

Keywords: hemp, bast fiber, ramie, Japan, textile, traditional weaving, national identity

Cite this article as: Maykova N. V. History of Japanese bast fiber textile: thread making. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 8 (185). P. 111–119. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.420

REFERENCES

1. Manyoshu: Collection of ten thousand leaves. Moscow, 1971. Vol. 1. 679 p. (In Russ.)
2. Cannabis Control Act 1948. Available at: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp/law/detail/?re=2&dn=1&x=0&y=0&co=1&a=03&yo=&gn=&sy=&ht=&no=&bu=&ta=&ky=cannabis+control+law&page=5> (accessed 29.05.2019).
3. Dentouteki kougihin sangyou-no shinkou ni kansuru houritsu (Act on the promotion of the traditional craft industry). Available at: http://elaws.e-gov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=349AC1000000057 (伝統的工芸品産業の振興に関する法律) (accessed 29.05.2019).
4. Dewey L. H. HEMP. *Yearbook of the United States Department of Agriculture*. Washington, 1914. P. 283–346.
5. Fibre plants. Leiden, 2003. 456 p.
6. Iwamoto Wada Y., Rice M. K., Barton J. Shibori. The inventive art of Japanese shaped resist dyeing. Tradition-Techniques-Innovation. Tokyo; NY; London, 1999. 303 p.
7. Nagano G., Hiroi N. Base to tip: Bast fiber weaving in Japan and its neighboring countries. Kyoto, 1999. 378 p.
8. Nunome J. Before your eyes. The archaeology of fiber. Kyoto, 1992. 314 p. (布目 順郎. 目で見える繊維の考古学 繊維遺物資料集成. 京都, 1992. 314 ページ).
9. Shurtleff W., Aoyagi A. The book of kudzu: A culinary & healing guide. Brookline, 1977. 109 p.
10. Tango-no fujiori (wisteria cloth of Tango peninsula). Kyoto, 2007. 38 p. (丹後の藤織. 京都2007. 38 ページ).
11. Textiles across the seas. Tokyo: Textiles across the seas executive committee, 2002. 284 p. (織の海道. 東京, 2002. 284ページ).
12. Yoshioka S. Nihon-no shizenfu (Japanese natural cloth). Heibonsha, 2003. 143 p. (吉岡幸雄日本の自然布. 平凡社, 2003. 143ページ).

Received: 20 April, 2019

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, директор Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@petrsu.ru

Рец. на кн.: Куренков Г. А. Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны / (Серия «АИРО – монография»). – Москва: АИРО-XXI, 2019. – 240 с.

Монография кандидата исторических наук, сотрудника Российского государственного архива социально-политической истории (Москва) Геннадия Александровича Куренкова «Защита военной и государственной тайны. Главлит во время Великой Отечественной войны» посвящена актуальной, но слабо разработанной в отечественной историографии проблеме. Значимость темы определяется прежде всего тем, что защита государственной тайны входит в общую систему национальной безопасности страны и является составной частью информационной безопасности и контрразведывательной деятельности.

Структура работы, включающая в себя введение, семь глав, заключение, список использованных источников и литературы, указатель имен, упомянутых в книге, построена по хронологическому принципу. Главы разделены по периодам Великой Отечественной войны, принятым в отечественной историографии, и отражают специфику того или иного периода.

Автор справедливо утверждает, что на заключительном этапе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны, как и в предыдущие военные годы, актуальными оставались сведения, ранее подлежащие засекречиванию. Но появляются и новые аспекты работы. В связи с принятым Советским Союзом обязательством, данным на Ялтинской конференции в феврале 1945 года, вступить в войну с Японией на стороне союзников, был принят ряд мер по оказанию помощи союзникам и закрытию информации, связанной с ней. В частности, запрещалось освещать дислокацию, обозначение и передвижение англо-американских войск, которые дислоцировались в Европе к концу войны с Германией, а также переброску отдельных частей этих войск из Германии в свою страну или на другие театры военных действий. Кроме того, в процессе подготовки к войне с Японией незадолго до начала военных действий на Дальнем Востоке запрещалось опубликовывать в печати и сообщать по радио сведения о морских перевозках между Америкой и портами на Дальнем Востоке, а так-

же все сведения о морских и речных перевозках по Дальнему Востоку.

Особый интерес вызывает последняя глава, посвященная защите секретной информации в ходе и решениях глав государств антигитлеровской коалиции на международных конференциях в период Второй мировой войны. Кажется, что глава не имеет прямого отношения к Главлиту, но она дополняет тему защиты государственной тайны во время войны, показывает универсальность деятельности по защите государственной тайны. Главлит по своим функциональным обязанностям должен был отслеживать информацию о данных международных форумах, их ходе и принятых решениях до момента их объявления в официальных правительственных источниках.

Автор монографии, объективно оценивая большой объем и динамику работы Главлита по охране военной и государственной тайны в военный период, отмечает и ошибки цензоров. Под ними он понимает пропуск в печать или на радио сведений, содержащих военную и государственную тайну, включенных в перечень (так называемых перечневых ошибок) или же задержку или «вычерк» сведений, не составляющих тайны. Причем больше всего ошибок было у цензоров районной печати, как наименее подготовленных для этой работы.

Подводя итоги деятельности Главлита, автор в заключении монографии формулирует обоснованный вывод о том, что проводимая этим органом цензурная работа явилась важным фактором победы над противником в годы Великой Отечественной войны.

При общем положительном впечатлении от работы стоит отметить и недочеты. Так, автору стоило расшифровать названия некоторых организаций и терминов (Эпрон, Репертком и др.), которые непонятны современному читателю. Однако это не снижает общего высокого научного уровня монографии, которая будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемой военной и государственной тайны.

Поступила в редакцию 31.10.2019

СВЕТЛАНА ИВАНОВНА КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук, руководитель сектора археологии Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
babkin@karelia.ru

Рец. на кн.: Сумманен И. М. Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 265 с.

Впервые опубликовано монографическое исследование, посвященное практически неизученному гончарному ремеслу средневековой Карелии (поясним: территориальные рамки средневековой Карелии значительно шире современных границ Республики Карелия). Лепная и гончарная керамика, характеризующая бытовую сторону жизнедеятельности населения, оставившего после себя средневековые памятники, до недавнего времени не была предметом специального анализа. Но необходимость комплексного изучения глиняной посуды с привлечением данных современных дисциплин очевидна и актуальна на современном этапе научного познания. От успешного научного ответа зависят и датировка памятников, и их культурная атрибуция, а также реконструкция возможных торгово-хозяйственных связей населения Карелии.

Для решения этого круга вопросов И. М. Сумманен осуществлены типично археологические методы исследования посуды городищ Северо-Западного Приладожья, охотничье-рыболовецких селищ бассейна Онежского моря, юго-западного Прибеломорья и курганных погребений Юго-Восточного Приладожья. Без привлечения итогов исследования керамического материала сопредельных территорий Северо-Запада России убедительных выводов сделать бы не удалось. Поэтому И. М. Сумманен проработаны некоторые коллекции средневековых городов, например Корелы, Орешка, В. Новгорода.

Важным достижением стала разработка метода идентификации привозных изделий с использованием масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой (ICP-MS), позволяющего различать продукцию разных гончарных центров, и внедрение метода в инструментарий отечественной археологии.

В книге вполне обоснованно и убедительно показана общая схема развития гончарного производства эпохи Средневековья на территории Карелии, в котором имели место и заимствованные образцы, и собственное гончарное производство, базирующееся на местном глинистом сырье, добыча которого производилась в непосредственной близости от поселений. Синхронизация ке-

рамических шкал с типологическими схемами соседних областей и сопоставление результатов анализа коллекций позволили выявить основные тенденции в развитии гончарных производств на территории Карелии во времени и культурном пространстве. Кстати, об использовании местных глин свидетельствуют проведенные еще на рубеже 1970–1980-х годов результаты петрографического исследования керамики, осуществленного в лаборатории Института археологии АН СССР, хотя, по современным критериям, возможности петрографии в то время были довольно ограниченными. Выяснилось, что в качестве примеси к глиняному тесту тиверской гончарной посуды использовались повсеместно встречающиеся в этом регионе материалы.

Ценность научной работы И. М. Сумманен состоит в том, что удалось подтвердить статус керамики как исторического источника. Полученные сведения использованы для реконструкции керамического производства у населения Карелии в эпоху Средневековья.

В Приложении рецензируемой книги И. М. Сумманен с коллегами из Института геологии КарНЦ РАН С. А. Световым и С. Ю. Чаженгиной представлены используемые при анализе керамики геохимические (ICP-MS, LA-ICP-MS) и минералогические (SEM) исследования. Технология масс-спектрометрии с индуктивно связанной плазмой стала доступна в последней четверти XX века. Первоначально ICP-MS-анализ использовался в естественно-научных исследованиях с целью идентификации различных объектов путем измерения масс и относительных содержаний ионизированных частиц в их веществах. Впоследствии он стал активно привлекаться для решения археологических задач, в том числе связанных с изучением керамических производств. Авторы критически подошли к возможностям и методам интерпретации результатов, по ходу работы улучшали и корректировали их применительно к конкретному материалу, но убеждены, и вполне справедливо, в необходимости их совершенствования и применения в дальнейшем в археологических исследованиях. На современном этапе развития археологической науки при-

влечение естественно-научных методов к решению научных задач стало обычным явлением, но необходимо помнить, что применяемые методы нуждаются в совершенствовании.

Книга сопровождается большим количеством статистических таблиц, картосхем, альбомом иллюстраций (более 160 рисунков), убедительно подтверждающими выводы автора. Иллюстративный материал наглядно демонстрирует результаты использованных гуманитарных и геохимических методов. Обширный список архивных источников и научной литературы, включающий более 300 наименований, в том числе и новейшие издания, свидетельствует о широком охвате источников.

В заключение И. М. Сумманен сделаны, на мой взгляд, убедительные выводы. Исследователю выделены три периода в развитии гончарного ремесла. Ранний представлен лепной керамикой X–XII веков; основной – гончарной керамикой XIII – начала XV века; позднегончарными изделиями характеризуется период рубежа Средневековья – Нового времени. Он представлен белоглиняными сосудами, сделанными по иной технологии, радикально отличающей их от керамики предшествующего периода. Но большая часть посуды является продукцией древнекарельских мастеров, использовавших местное сырье. И. М. Сумманен предполагает наличие двух центров гончарных мастерских.

«Изготовление керамики, вероятно, осуществлялось как минимум в двух центрах, один из которых (южный) территориально тяготел к Тиверску, другой (северный) – к Паасо... Коллекция Тиверска близка посуде Корелы, тогда как на Паасо обнаружено наибольшее количество изделий со своеобразной профилировкой венчика

(гофрированный), характерной для сосудов памятников Северо-Западного Приладожья. Примечательно, что присутствие горшков с такой формой венчика сближает коллекции древнекарельских городищ и Орешка, случаи ввоза изделий из которого зафиксированы по данным типологического и геохимического исследований» (с. 100).

Вызывает возражение утверждение И. М. Сумманен, согласно которому «верхний хронологический рубеж существования Паасо можно отодвинуть до XIV – начала XV в. Здесь в достаточном количестве (более 40 %) присутствуют сосуды типа V, белоглиняная утварь и несколько изделий типа VI» (с. 98). Действительно, возвышенность Паасонвуори, как известно по результатам полевых исследований, осваивалась не однажды: в X – начале XI веке, в XII–XIII веках и, возможно, в XIV веке. Но свидетельства непрерывности жизнедеятельности на горе пока отсутствуют. Географическое положение Паасонвуори весьма привлекательно: разветвленная речная система, связывающая его с Ладожским озером и внутренними районами, удобные для земледелия участки и т. д., что и влекло сюда людей на протяжении длительного времени. Словом, есть над чем размышлять в процессе дальнейших научных поисков.

Уверена, что выполненное на высоком научном уровне исследование И. М. Сумманен (следует отметить хорошую работу редакционно-издательского отдела Карельского научного центра, выпустившего эту книгу) будет востребовано не только археологами, изучающими средневековую эпоху Северо-Запада России, но и ремесленниками-гончарами, работающими в русле национального прикладного искусства Русского Севера.

Поступила в редакцию 07.05.2019

XIV научная конференция

«КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ»

19–20 февраля 2020 года Национальная библиотека Республики Карелия проводит **XIV** научную конференцию «Краеведческие чтения». Тема конференции **«100-летие образования Республики Карелия: Время. События. Люди»**.

Организаторы конференции: Национальная библиотека Республики Карелия, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Партнеры конференции: Национальный музей РК, Национальный архив РК.

К участию в конференции приглашаются научные работники, специалисты, аспиранты, студенты старших курсов, краеведы.

Для регистрации принимаются заявки по истории, культуре, языку, литературе и фольклору, музейному, архивному и библиотечному делу, информационным технологиям в гуманитарных исследованиях в Республике Карелия.

Регистрация по электронной почте: kraeved@library.karelia.ru

Научная конференция

КАРЕЛИЯ В ПЕРИОД ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ: К 80-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ И 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

13 марта 2020 года

Институт истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Карельский региональный общественный фонд «Эстафета поколений», Карельская региональная общественная организация «Память» приглашают принять участие в конференции, которая приурочена к двум памятным датам в истории Республики Карелия и Российской Федерации.

В рамках конференции будет работать две секции: 1) «Советско-финляндская (Зимняя) война на территории Карелии» и 2) «Карелия в период Великой Отечественной войны».

На секционных заседаниях конференции планируется обсудить следующие проблемы:

1. Карелия в период Зимней войны: боевые действия частей 8-й и 9-й армий РККА.
2. Боевые действия в Питкярантском и Суоярвском районах.
3. Териокское правительство и Финская народная армия.
4. Карелия в период Великой Отечественной войны: боевые действия соединений Карельского фронта и 7-й Отдельной армии.
5. Оборона Петрозаводска в 1941 году.
6. Освобождение Петрозаводска в 1944 году.
7. Партизанское движение и движение подпольщиков в Карелии в годы Великой Отечественной войны.
8. Финский оккупационный режим на территории Карелии.
9. Свирско-Петрозаводская и Петсамо-Киркенесская операции.

Контактные данные: Веригин Сергей Геннадьевич, профессор, доктор исторических наук, директор Института истории, политических и социальных наук ПетрГУ, раб. тел. (8142) 71-10-74, verigin@petrsu.karelia.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Vorontsova I. V.</i> ANTON KARTASHEV AND “NEW CHRISTIANITY”: THE INTELLECTUAL BIOGRAPHY OF THE HISTORIAN	65
WORLD HISTORY		<i>Krivosozhenko A. F.</i> INFLUENCE OF ALCOHOL CONSUMPTION ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF KARELIAN PEASANTS ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR	72
<i>Abidulin A. M., Moiseeva E. N.</i> “APERIRE TERRAM GENTIBUS”: INDUSTRIALISM AND THE IDEA OF CREATING THE SUEZ CANAL	8	<i>Repukhova O. Yu.</i> ORGANIZATION OF TRAINING COURSES FOR MOBILIZATION PERSONNEL OF CIVIL PEOPLE'S COMMISSARIATS AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES IN THE SOVIET STATE ...	80
<i>Guleva M. A.</i> CHINESE <i>MANHUA</i> CARTOONS ON THE SECOND ITALO-ETHIOPIAN WAR AND THE SPANISH CIVIL WAR.	16	<i>Ruzhinskaya I. N.</i> VICTOR KLISHKO AS THE COMMISSIONER OF THE COUNCIL FOR THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AFFAIRS: PROSOPOGRAPHIC ASPECT	85
<i>Maiatskii D. I.</i> PROBLEM OF IDENTIFICATION OF “DA-XIYANG-GUO” AND “XIAO-XIYANG-GUO” STATES IN <i>ILLUSTRATED TRIBUTARIES OF THE QING EMPIRE</i>	23	<i>Chebakovskaya A. V.</i> WORKING WITH JUVENILE OFFENDERS IN KARELIA DURING THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD	93
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH		ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY	
<i>Zinina O. A.</i> WOODEN CHAPELS OF THE USTMOSHSKY PARISH. NEW HISTORICAL RESEARCH.	31	<i>Razumova I. A.</i> CREATION AND RECONSTRUCTION OF COMMUNITY: THE CASE OF SPECIAL SETTLERS	102
<i>Noskova A. G.</i> HISTORY AND ARCHITECTURE OF THE CHURCH COMPLEX IN KOSMOZERO: STUDY OF ARCHIVAL MATERIALS.	38	<i>Maykova N. V.</i> HISTORY OF JAPANESE BAST FIBER TEXTILE: THREAD MAKING	111
RUSSIAN HISTORY		Reviews	
<i>Bochkov E. A.</i> VIDLITSA-TULOKSA LANDING OPERATION AND ITS ROLE IN HALTING WHITE FINNISH INTERVENTION IN SOUTHERN KARELIA.	47	<i>Verigin S. G.</i> The book review: Kurenkov G. A. Protection of Military and State Secrets. Glavlit During World War II ...	120
<i>Vasiliev Yu. A., Chernobaev A. A.</i> “KARELIAN ISSUE”: THE STORY OF THE UNEXECUTED DEPORTATION IN 1944.	56	<i>Kochkurkina S. I.</i> The book review: Summanen I. M. Ceramics of Medieval Karelia (Found at Archaeological Sites Dating from the X–XV Centuries)	121
<i>Kiseleva E. S., Verigin S. G.</i> SOVIET PRISONERS OF WAR AT FINNISH CONCENTRATION CAMPS IN KARELIA: LITERATURE REVIEW	60	Scientific information	123